

ISSN 1995-0667 (Print)
ISSN 2500-2473 (Online)

ИЗВЕСТИЯ

ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

DAGESTAN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

JOURNAL

Social and Humanitarian Sciences

Т. 19. № 34. 2025
Vol. 19. No. 34. 2025

Известия Дагестанского государственного педагогического университета
серия «Общественные и гуманитарные науки»

Т. 19. № 3-4. 2025

Научные специальности журнала: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки); 5.6.3. Археология (исторические науки); 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки); 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.4. Фольклористика (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Учредитель журнала: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова». Издаётся по решению ученого совета ДГПУ с 2007 г. Периодичность – 4 номера в год.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-65762 от 20 мая 2016 года.

Редакционный совет журнала:

Дибиров Ибрагим Ашрапудинович – главный редактор, д-р филол. наук, проф. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Асваров Нариман Асварович, к. ист. н., доц., ректор ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Акамов Абусульян Татарханович, д-р филол. наук, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Амирханов Хизри Амирханович, д-р ист. наук, проф., заведующий отделом археологии каменного века, Институт археологии РАН, академик РАН, Москва, Россия;
Атаев Загир Вагитович, канд. геогр. наук, проф., директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Барамидзе Цира Ревазовна, д-р филол. наук, проф., директор, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета им. И. Джавахипшвили, Тбилиси, Грузия;
Мамедов Рамазан Салам оглы, д-р филол. наук, проф., проректор по науке и инновациям, Сумгаитский государственный университет, Сумгаит, Азербайджан;
Лободанов Александр Павлович, д-р филол. наук, проф., декан факультета искусств, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Улаков Махти Зейтунович, д-р филол. наук, проф., заместитель председателя по научной работе, Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия.

**Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»:**

Дибиров Ибрагим Ашрапудинович – председатель, д-р филол. наук, проф. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Абдурахманова Пасигат Джалиловна, д-р филол. наук, проф., зав. каф. иностранных языков и методики их преподавания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Акбиев Арсен Солтанмуратович, д-р ист. наук, проф. каф. всеобщей истории, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Алисултанов Алисултан Солтанмуратович, д-р филол. наук, проф. каф. английского языка, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Баранникова Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, проф. каф. Английского языка, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Гаджиев Мургазали Серажуудинович, д-р ист. наук, проф., зав. отделом археологии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Гарунова Нина Нурмагомедовна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории России XX-XXI вв. ДГУ, Махачкала, Россия;
Гасанов Магомед Раджабович, д-р ист. наук, проф. каф. истории, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;

Гимбатова Мадина Багавутдиновна, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Гмыря Людмила Борисовна, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Джахиева Эльмира Гаджабдуллаевна, д-р ист. наук, проф. каф. всеобщей истории, ДГУ, Махачкала, Россия;
Кадимов Руслан Гаджимурадович, д-р филол. наук, проф., декан филологического факультета, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Казиева Альмира Магомедовна, д-р филол. наук, проф., директор, Северокавказский НИИ филологии ПГУ, Пятигорск, Россия;
Крочков Игорь Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия;
Кукуева Асият Абдуллаевна, канд. филол. наук, доц., зав. каф. литературы, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Магомедов Магомед Ибрагимович, д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова; главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Магомедханов Магомедхан Магомедович, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Мусаева Салихат Ибрагимовна, д-р ист. наук, проф. каф. востоковедения, ДГУ, Махачкала, Россия;
Мутиева Оксана Саидовна, д-р ист. наук, доцент кафедры Отечественной истории, ДГУ, Махачкала, Россия;
Рамазанова Зоя Бугаевна, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Сефербеков Руслан Ибрагимович, д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Суздалцева Ирина Анатольевна, к. ист. н., доц., каф. всеобщей истории, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Сфиева Диана Касумовна, к. техн. наук, начальник редакционно-издательского отдела, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Темирханова Гюльнара Бейбалаевна, д-р филол., проф. каф. литературы, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Халидова Рашидат Шахрудиновна, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Халипаева Империят Арсланбековна, д-р филол. наук, заслуженный деятель науки РФ, проф. каф. романо-германских и восточных языков и методики преподавания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Чеерчиев Мугума Чеерчиевич, д-р филол. наук, проф. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия.

Номер журнала поступил в печать 13.01.2026 г.
Дата выхода в свет 30.01.2026 г.

© Авторы статей, 2026
© Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, 2026

По вопросам размещения рекламы и публикации статей обращаться в редакцию:
367003 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57. Редакционно-издательский отдел ДГПУ им. Р. Гамзатова.
Тел.: (8722) 561275; www.dgpu.net; e-mail: dgpurio@yandex.ru

The Ministry of Education of the Russian Federation
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University

ISSN 1995-0667 (Print)
ISSN 2500-2473 (Online)

Scientific quarterly journal
Dagestan State Pedagogical University
JOURNAL
Social and Humanitarian Sciences

Vol. 19. No. 3-4. 2025

Scientific specializations of the journal:
5.6.1. National History (Historical Science); 5.6.2. General History (Historical Science); 5.6.3. Archaeology (Historical Science); 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy (Historical Science); 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography (Historical Science); 5.9.1. Russian Literature and Literatures of the Russian Federation Peoples (Philological Science); 5.9.3. Theory of Literature (Philological Science); 5.9.4. Folklore Studies (Philological Science); 5.9.5. Russian Language. Languages of Russian Peoples (Philological Science); 5.9.6. Languages of the Foreign Countries Peoples (Indicating a Specific Language or Group of Languages) (Philological Science); 5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Science).

The journal is founded by: "Gamzatov Dagestan State Pedagogical University" Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Published by the decision of Gamzatov DSPU Academic Council since 2007. Periodicity - 4 issues a year.

Registered by Federal Service on Supervision in the sphere of Communication and Mass Media.
Registration certificate ПИ №ФЦ77-34896 from December, 25, 2008.

Editorial Board

Ibragim A. Dibirov – Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Nariman A. Asvarov, Ph.D. (History), Associate Professor, Rector of Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Abusupyan T. Akamov, Dr. Sci. (Philology), Director, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Khizri A. Amirkanov, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology, RAS, Academician, RAS, Moscow, Russia;
Zagir V. Atayev, Ph.D. (Geography), Professor, Director of the Research Institute of Biogeography and Landscape Ecology, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Tsira R. Baramidze, Dr. Sci. (Philology), Professor, Director, Institute of Caucasian Studies, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia;
Ramazan S. Mamedov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Vice-Rector for Science and Innovation, Sumgait State University, Sumgait, Azerbaijan;
Aleksandr P. Lobodanov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Dean of the Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Makhti Z. Ulakov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Deputy Chairman for Research, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia.

Editorial Council

Ibragim A. Dibirov – Chairman, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Pasigat Dzh. Abdurakhmanova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Methods of Their Teaching, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Arsen S. Akbiev, Dr. Sci. (History), Professor, Department of General History, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Alisultan S. Alisultanov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of English Language, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Tatyana B. Barannikova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of English Language, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Murtazali S. Gadzhiev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Archaeology, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Nina N. Garunova, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian History of the 20th-21st Centuries, DSU, Makhachkala, Russia;
Magomed R. Gasanov, Dr. Sci. (History), Professor, Department of History, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;

Journal accepted for publication 13.01.2026.
Published 30.01.2026.

Madina B. Gimbatova, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Lyudmila B. Gmyrya, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Archaeology, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Elmira G. Dzhakhieva, Dr. Sci. (History), Professor, Department of General History, DSU, Makhachkala, Russia;
Ruslan G. Kadimov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Dean of the Faculty of Philology, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Almira M. Kazieva, Dr. Sci. (Philology), Professor, Director, North Caucasus Research Institute of Philology, PSU, Pyatigorsk, Russia;
Igor V. Kryuchkov, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia;
Asiyat A. Kukueva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Literature, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Magomed I. Magomedov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU; Chief Researcher, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Dr. Sci. (History), Head of the Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Salikhat I. Musaeva, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Oriental Studies, DSU, Makhachkala, Russia;
Oksana S. Mutieva, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Department of National History, DSU, Makhachkala, Russia;
Zoya B. Ramazanova, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Ruslan I. Seferbekov, Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Irina A. Suzdaltseva, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of General History, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Diana K. Sfieva, Ph.D. (Engineering), Head of Editorial and Publishing Department, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Gulnara B. Temirkhanova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Literature, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Rashidat Sh. Khalidova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Teaching Russian Language and Literature, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Imperiyat A. Khalipaeva, Dr. Sci. (Philology), Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Department of Romano-Germanic and Oriental Languages and Teaching Methods, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Muguma Ch. Cherchiev, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;

© Authors of the articles, 2026
© Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, 2026

Concerning the advertising and publication issues, you should address to our editorial office:
57, Yaragskogo Str., Makhachkala, 367003, Editorial and Publishing Department, Gamzatov DSPU.
Phone: (8722) 561275; www.dgpu.net; e-mail: dgpurio@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Мугутдинова Н. Ш.</i> КАРА КАРАЕВ – ВО ГЛАВЕ ДАГЕСТАНСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО ЭСКАДРОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	5
<i>Саидова М. З., Гаджиева Х. И.</i> БАНДИТИЗМ КАК ИСТОЧНИК ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СССР В ПЕРИОД С 1920 ПО 1950 ГОД: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННЫХ УЧЕНЫХ	16
<i>Суздальцева И. А.</i> ФРОНТОВОЙ ТЕАТР ЭСТРАДЫ И МИНИАТЮР ДАГЕСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	22

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Аиурбеков А. А.</i> СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТЕЙ А. ГАДЖИИБРАГИМОВА «СТО ДОРОГ – ОДНА ПРАВДА» И «ПЕРЕД СВАДЬБОЙ»	34
<i>Кукуева А. А., Юсупова П. Дж.</i> ДРАМАТУРГИЯ А. П. ЧЕХОВА КАК НОВАЯ ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	39
<i>Сулейманова М. С.</i> СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. ГАЛБАЦОВА «РАССКАЗ ПРО РАССКАЗ»	46
<i>Узунова Н. Б., Кукуева А. А.</i> РУССКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ РОМАН СЕРЕДИНЫ И КОНЦА XIX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ	52
<i>Чамседдинова Г. Ш.</i> МЕТАФИЗИКА УТРАЧЕННОГО РАЯ И ПОЭТИКА ПАМЯТИ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА	58
<i>Шакурова Ш. Р., Хуббитдинова Н. А., Шарафитдинова Л. И.</i> ПЕРВЫЙ ЖЕНСКИЙ РОМАН ВОСТОКА: ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ БАШКИРСКОЙ ЖЕНСКОЙ РОМАНИСТИКИ (К 120-ЛЕТИЮ Х. ДАВЛЕТШИНОЙ)	64

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Алипулатова Н. С.</i> К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ВИДОВРЕМЕННЫХ ФОРМ В АНГЛИЙСКОМ И ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКАХ	74
<i>Магомедгаджиева П. Н., Алимарова Г. И., Магомедова Л. А.</i> ПРОЦЕССЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ – НОМИНАЦИЙ ЛИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	81

ИНФОРМАЦИЯ. ХРОНИКА. ЮБИЛЕИ

<i>Алмаев Р. З., Суздальцева И. А.</i> В АКМУЛЛИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПРОШЕЛ ВСЕРОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ КОНКУРС «НАСЛЕДИЕ РОССИИ»	87
<i>Гаджиева Х. И.</i> 100 ЛЕТ НАЦИОНАЛЬНОМУ МУЗЕЮ ИМ. АЛИБЕКА ТАХО-ГОДИ: ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ	94
<i>Кукуева А. А.</i> КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО-ЛИТЕРАТУРОВЕДА АКАВОВА ЗАБИТА НАСИРОВИЧА	98
<i>Магомедова Э. М.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М. Р. ГАСАНОВА «ЦИВИЛИЗАЦИИ КАВКАЗА, ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ, РОССИИ И ДАГЕСТАН» (ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, ЭССЕ). (М.: ПЕРО, 2023. 870 с.)	102
<i>Мугутдинова Н. Ш.</i> В ДГПУ ИМЕНИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА ПРОШЛА ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 гг.	105
<i>Эмирханов И. А., Мугутдинова Н. Ш.</i> В ДГПУ ИМ. Р. ГАМЗАТОВА ПРОШЛА ВСЕРОССИЙСКАЯ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДОВ КАВКАЗА И ЮГА РОССИИ», ПОСВЯЩЕННАЯ 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ	109

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	113
----------------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY AND ARCHEOLOGY

- Mugutdinova N. Sh.** KARA KARAEV IS COMMANDER OF DAGESTAN VOLUNTEER CAVALRY SQUADRON DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.....5
- Saidova M. Z., Gadzhieva Kh. I.** BANDITRY AS A SOURCE OF POLITICAL DESTABILIZATION IN THE USSR FROM 1920 TO 1950: A CONTEMPORARY SCHOLARLY PERSPECTIVE 16
- Suzdaltseva I. A.** DAGESTAN FRONTLINE VARIETY AND MINIATURES THEATER DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.....22

LITERATURE STUDIES

- Ashurbekov A. A.** PLOT AND COMPOSITIONAL FEATURES OF THE STORIES BY A. GADZHIBRAGIMOV “ONE HUNDRED ROADS – ONE TRUTH” AND “BEFORE THE WEDDING” 34
- Kukueva A. A., Yusupova P. Dzh.** A. P. CHEKHOV'S DRAMA AS A NEW FORM OF REFLECTING REALITY 39
- Suleymanova M. S.** MEANS OF PSYCHOLOGISM CREATING IN G. GALBATSOV'S “STORY ABOUT A STORY” 46
- Uzunova N. B., Kukueva A. A.** RUSSIAN CLASSIC NOVEL OF THE MID- AND LATE 19TH CENTURY: TOWARD A THEORY OF GENRE FORM 52
- Chamsedinova G. Sh.** THE METAPHYSICS OF LOST PARADISE AND THE POETICS OF MEMORY IN VLADIMIR NABOKOV'S EARLY POETRY 58
- Shakurova Sh. R., Khubbitdinova N. A., Sharafitdinova L. I.** THE FIRST WOMEN'S NOVEL OF THE EAST: ORIGIN AND FORMATION OF BASHKIR WOMEN'S NOVELS (TO THE 120TH ANNIVERSARY OF KH. DAVLETSHINA) 64

LINGUISTICS

- Alipulatova N. S.** ON THE COMPARATIVE ANALYSIS OF ASPECT-TENSE FORMS IN ENGLISH AND LEZGIN 74
- Magomedgalzhieva P. N., Aliomarova G. I., Magomedova L. A.** PROCESSES OF SEMANTIC ADAPTATION OF ENGLISH BORROWINGS – PERSON NOMINATIONS IN RUSSIAN 81

INFORMATION. CHRONICLE. ANNIVERSARIES

- Almaev R. Z., Suzdaltseva I. A.** THE ALL-RUSSIAN HISTORICAL AND EDUCATIONAL COMPETITION “HERITAGE OF RUSSIA” WAS HELD AT AKMULLA UNIVERSITY 87
- Gadzhieva Kh. I.** THE 100TH ANNIVERSARY OF ALIBEK TAKHO-GODI NATIONAL MUSEUM: TRADITIONS, INNOVATIONS AND PROSPECTS 94
- Kukueva A. A.** CONFERENCE IN THE MEMORY OF OUTSTANDING LITERARY SCHOLAR ZABIT N. AKAVOV 98
- Magomedova E. M.** REVIEW FOR M. R. GASANOV'S MONOGRAPH “CIVILIZATIONS OF THE CAUCASUS, WESTERN ASIA, RUSSIA AND DAGESTAN” (PROBLEMS, RESEARCH, ESSAYS) (MOSCOW: PERO, 2023:870) 102
- Mugutdinova N. Sh.** THE ALL-RUSSIAN CONFERENCE DEDICATED TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 WAS HELD AT GAMZATOV DAGESTAN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY 105
- Emirkhanov I. A., Mugutdinova N. Sh.** GAMZATOV DAGESTAN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY HOSTED THE ALL-RUSSIAN (WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION) SCIENTIFIC CONFERENCE “CURRENT ISSUES OF THE PEOPLES' HISTORY IN THE CAUCASUS AND SOUTHERN RUSSIA” DEDICATED TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE SOVIET PEOPLE'S GREAT VICTORY OVER NAZI GERMANY.....109

- RULES FOR THE AUTHORS** 113

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

История и археология / History and Archeology
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 93/94
DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-5-15
EDN: AQSNTZ

Кара Караев – во главе Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона в годы Великой Отечественной войны

© 2025 Мугутдинова Н. Ш. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, mugutdinova.n@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Целью статьи является изучение исторической роли Кары Караева как командира Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона в годы Великой Отечественной войны. **Методологической** основой исследования выступает совокупность принципов историзма, объективности и системного подхода, позволяющих рассматривать фигуру Кары Караева не изолированно, а в контексте событий, общественных процессов и культурных кодов своего времени. **Результаты.** В ходе проведённого анализа была реконструирована историческая фигура Кары Караева как командира Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона – не только в рамках военно-исторического нарратива, но и как культурного феномена, оказавшего влияние на формирование коллективной памяти в Дагестане. **Выводы** исследования можно обобщить следующим образом: Роль Кара Караева как командира носила не только военно-организационный, но и морально-политический характер. Он стал связующим звеном между дагестанским народом и советским фронтом. Формирование добровольческого эскадрона продемонстрировало высокую степень патриотизма и мобилизационной готовности населения Дагестана. Сам факт массового отклика на призыв свидетельствует о глубокой внутренней солидарности с общегосударственной задачей отражения агрессии. Эффективность командования Караева основывалась на сочетании военной твёрдости и человеческой чуткости, что обеспечивало неформальный авторитет среди подчинённых и высокую боевую слаженность подразделения. Историческое значение деятельности Караева выходит за пределы локального масштаба – его биография позволяет расширить представление о структуре и роли национальных формирований в годы войны, а также подчеркнуть вклад народов Кавказа в общее дело победы.

Ключевые слова: Кара Рабаданович, борьба с фашизмом, кавалерия, эскадрон, фронтовые будни, патриотизм, долг перед Родиной.

Формат цитирования: Мугутдинова Н.Ш. Кара Караев – во главе Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона в годы Великой Отечественной войны // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3-4. С. 5-15. 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-5-15. EDN: AQSNTZ

Kara Karaev is Commander of Dagestan Volunteer Cavalry Squadron During the Great Patriotic War

© 2025 Naida Sh. Mugutdinova ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, mugutdinova.n@mail.ru ✉

ABSTRACT. The aim of the paper is to examine the historical role of Kara Karaev as the commander of Dagestani Volunteer Cavalry Squadron during the Great Patriotic War. The **methodological** basis of the research is a combination of the principles of historicism, objectivity and a systems approach, allowing us to consider Kara Karaev not in isolation, but within the context of the events, social processes and cultural codes of his time. **Results.** The analysis reconstructed Kara Karaev's historical figure as the commander of Dagestani Volunteer Cavalry Squadron – not only within the framework of the military-historical narrative but also as a cultural phenomenon that influenced the formation of collective memory in Dagestan. Research **conclusions** can be summarized as follows: Kara Karaev's role as a commander was not only military and organizational but also moral and political in nature. He became a link between Dagestan people and the Soviet front. The formation of the volunteer squadron demonstrated a high degree of patriotism and mobilization readiness among Dagestan population. The very fact of a massive response to the call testifies to a deep internal solidarity with the national task of repelling aggression. Karaev's effective command was based on a combination of military firmness and human sensitivity, which ensured informal authority among his subordinates and high combat cohesion within the unit. The historical significance of Karaev's actions extends beyond the local scale – his biography expands our understanding of the structure and role of national formations during the war and highlights the contribution of the Caucasus peoples to the common cause of victory.

Keywords: Kara Rabadanovich, fight against fascism, cavalry, squadron, everyday life at the front, patriotism, duty to the Motherland.

For citation: Mugutdinova NSh. Kara Karaev is Commander of Dagestan Volunteer Cavalry Squadron During the Great Patriotic War. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2025;19(3-4):5-15. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-5-15. EDN: AQSNTZ

Введение

22 июня 1941 г. вошло в историю не просто как дата начала войны – этот день стал рубежом, определившим судьбу целой страны и миллионов её граждан. Вторжение фашистской Германии поставило перед советским народом вопрос не о жизни и смерти, а о самом существовании Родины. С этих часов началась не только вооружённая борьба за физическое выживание, но и тяжёлое испытание на прочность моральных и духовных основ общества.

Великая Отечественная война открыла жестокую правду: истинная стойкость народа проявляется не в мирные времена, а в мгновения наивысшей угрозы. И хотя события тех лет всё дальше отдаляются от нас, значение подвига фронтовиков с го-

дами только возрастает. Их мужество, человечность и верность идеалам добра в условиях невообразимого ужаса войны становятся нравственными ориентирами для современного общества. Память о них – не просто дань уважения, а живой источник силы, необходимый для сохранения национального единства.

Победа над фашизмом – это не только военный триумф. Это символ мощи народного духа, силы солидарности, умения объединяться перед лицом смертельной угрозы. Этот опыт стал краеугольным камнем в воспитании молодёжи, ведь за героизмом предков стоит модель поведения, которой следует стремиться и в сегодняшнем непростом мире.

Для современного человека память о Второй мировой войне – это не просто

знание исторических фактов. Это осознание глубинной связи времён, в которой хранятся ключевые ценности: свобода, справедливость, преданность Родине. Их сохранение и передача потомкам – обязанность каждого, кто считает себя наследником Великой Победы.

Июнь 1941 г. стал поворотным моментом в жизни многих, в том числе и Кара Рабадановича. Нападение застало его на лечении в курортной зоне Талги – далеко от фронтов и, казалось бы, от войны. Тяжёлое состояние здоровья, накопившееся после многих лет службы и испытаний, требовало отдыха. Однако судьба распорядилась иначе.

В момент, когда большинство на его месте, возможно, предпочло бы остаться в стороне, Кара Рабаданович сделал другой выбор. Узнав о начале войны, он, не задумываясь, отправил семью в родной Цудахар, в надежде обезопасить близких, и сам встал в строй. Этот жест говорит о многом: здесь мы видим не только офицера, но и человека, который ощущал ответственность перед своим народом острее любых личных обстоятельств.

Как вспоминал писатель П. А. Павленко, новость о вторжении врага мгновенно достигла Цудахара. Фраза, сказанная тогда женой Кара Рабадановича: «Ну, моего теперь и не увидишь!» [1, с. 179], звучит как краткий, но ёмкий диагноз всей эпохе. В этих словах не только боль, но и гордость за тех, кто, понимая весь масштаб трагедии, без колебаний отправился защищать свою землю.

События полностью подтвердили тревожные предчувствия Кистаман Юсуповны. Едва услышав по радио первые сообщения о нападении Германии, Кара Рабаданович без колебаний прервал лечение. Он уведомил главного врача санатория о невозможности продолжать реабилитацию и в кратчайшие сроки выехал в Махачкалу. Этот день стал для него, как и для всей страны, точкой невозврата – моментом вступления в новую, трагическую эпоху.

Радио не умолкало: трагические вести сменялись призывными словами: «Вставай, страна огромная, вставай на смерт-

ный бой!». Эти строки звучали не просто как лозунг – в них слышался безусловный приказ, от которого невозможно было отступить.

Для Кара Рабадановича этот зов оказался сильным катализатором внутренних переживаний. Он никогда не был сторонним свидетелем исторических бурь; напротив, всегда находился в самом центре событий, осознавая свою личную ответственность за происходящее. В этот день, сжимая кулаки от ярости и решимости, он готовился к неизбежному – к новой войне за свободу своей страны.

Сама атмосфера первых часов войны требовала от каждого мгновенного ответа. Кара Рабаданович ясно понимал: его место там, где решается судьба Родины. Это внутреннее убеждение он позже выразил в своём письме: «Мог ли я оставаться равнодушным, когда трудящиеся поднялись на защиту Родины? Конечно, нет. Не для того проливалась кровь на фронтах гражданской войны, чтобы теперь позволить фашистам топтать священную землю Советского Союза». Эти строки не просто личная исповедь. Они отражают типичный для лучших представителей своего поколения взгляд: ощущение непрерывности исторической ответственности за страну.

Прибыв в Махачкалу, Кара Рабаданович немедленно явился в Дагестанский военный комиссариат, требуя отправки на фронт. Однако военное руководство предложило ему иную миссию: организовать сборный пункт для подготовки гужевого транспорта Красной Армии. С первого взгляда задача менее героическая, чем бой на передовой. Однако Кара Рабаданович воспринял её со всей серьёзностью, отдавая себе отчёт в том, что фронту нужны не только бойцы, но и надёжное снабжение.

Под его руководством был организован отбор лошадей из колхозных табунов, что сыграло важную роль в обеспечении боеспособности частей. Тем не менее, несмотря на отличное выполнение порученного дела, Кара Рабаданович был вскоре освобождён от службы по возрасту.

Такое решение он воспринял как личное оскорбление и вызов. Оставаться в стороне от борьбы за Родину он не мог и не хотел. После длительных переговоров с Военным комиссаром Дагестана, полковником Бычковым, Кара Рабаданович добился своего: его зачислили в армию. Позднее он вспоминал об этом этапе так: «После многих и длительных хлопот я был наконец зачислен на военную службу и направлен в распоряжение Северокавказского военного округа» [2, с. 454].

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование построено на основе комплексного анализа источников разного происхождения и характера, с применением методов, принятых в исторической науке, а также с опорой на принципы объективности, историзма и критической оценки фактов. Работа не носит декларативного характера – её цель заключается в реконструкции конкретного исторического сюжета, связанного с деятельностью Кара Караева как командира национального кавалерийского формирования в условиях Великой Отечественной войны.

Основу источниковой базы составили архивные документы: материалы фондов Государственного архива Республики Дагестан, включая приказы, боевые донесения, списки личного состава, а также корреспонденцию, связанную с формированием Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона. Публикации в региональной и федеральной прессе 1941-1945 гг., в которых освещались как мобилизационные мероприятия в Дагестане, так и участие национальных формирований на фронте. Мемуары и устные свидетельства современников Кара Караева, в том числе его сослуживцев и участников боевых действий. Эти материалы были критически соотнесены с официальными источниками с целью устранения возможных субъективных искажений. Научная и краеведческая литература по истории участия народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне, а также биографические исследования, посвящённые Кара Караеву.

В ходе анализа применялись следующие научные методы: историко-биографический метод, позволивший проследить жизненный и военный путь Кара Караева не как изолированную биографию, а как часть более широкой исторической картины. В этом контексте изучалась не только его личность, но и условия, в которых формировались его взгляды, решения, стиль командования. Сравнительно-исторический метод использовался для сопоставления деятельности Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона с другими аналогичными формированиями национального характера, создававшимися в годы войны в различных регионах СССР. Это дало возможность выявить как типовые черты, так и особенности дагестанского опыта. Контент-анализ документов и мемуарных источников, с целью выделения устойчивых смысловых мотивов, характеризующих образ Караева как командира и общественного деятеля, а также выявления оценок его деятельности в военной и послевоенной памяти. Системный подход обеспечил целостность взгляда на объект исследования как результат взаимодействия личности, социума, государственной политики и военной необходимости. Критический анализ источников позволил выявить противоречия между официальными и неофициальными данными, а также оценить достоверность воспоминаний, содержащих элементы идеологической или эмоциональной интерпретации событий.

Применение указанных методов в совокупности дало возможность избежать односторонности и провести исследование не только в описательном, но и в аналитическом ключе. В результате удалось реконструировать историческую реальность, в которой формировалась и проявилась фигура Кара Караева – одного из символов народного сопротивления в годы Великой Отечественной войны.

Результаты и их обсуждение

В июне 1941 г. Кара Рабаданович прибыл в Ростов-на-Дону, где получил назначение командиром 94-го кавалерийского полка 68-й Отдельной кавалерийской ди-

визии Южного фронта. С первых же дней он проявил твёрдую волю и абсолютную преданность делу защиты Родины. Быстро влившись в новую часть, Кара Рабаданович сразу оказался на передовых позициях – на украинских полях и в донских степях, где ежедневно шли ожесточённые бои.

Его работа на этом посту не ограничивалась только тактическим управлением: Кара Рабаданович своим личным примером поднимал боевой дух солдат, вдохновляя их своей нестигаемой стойкостью и личной отвагой. В условиях, где каждое решение могло стоить жизни, он неизменно сохранял холодную рассудительность, что позволило полку эффективно действовать даже в самых тяжёлых обстоятельствах.

До лета 1942 г. Кара Рабаданович оставался на передовых рубежах, сопротивляясь натиску немецких войск. Однако сама логика войны вскоре изменила ход его судьбы: новые задачи вернули его в родной Дагестан. Перемещение не стало для него отступлением; напротив, оно открыло перед ним новый фронт работы, требующий не меньшей решимости и мужества.

За время службы на Юге он успел зарекомендовать себя не просто как офицер, добросовестно выполняющий приказ, но как настоящий символ отваги, человек, для которого Родина стояла выше любых личных соображений. Его стремление быть там, где труднее всего, лишний раз подтверждает: Кара Рабаданович воспринимал участие в войне не как обязанность, а как естественное продолжение собственного жизненного пути [1, с. 179].

94-й кавалерийский полк, в котором служил Кара Рабаданович, почти без прерыва находился в самых напряжённых зонах фронта. С июля по ноябрь 1941 г. полк активно участвовал в ряде крупных операций, проявляя исключительное упорство и боевую выучку. Однако постоянные тяжёлые бои приводили к неизбежным потерям, и к концу осени командование было вынуждено провести объединение полка с другими подразделениями, чтобы сохранить его боеспособность.

Эта вынужденная мера отражала общий характер войны на южном направлении: ресурсы быстро истощались, но дух подразделений, таких как 94-й полк, оставался нестигаемым.

После расформирования части Кара Рабаданович продолжил службу, временно исполняя обязанности заместителя командира 91-го кавалерийского полка. Однако уже в марте 1942 г. в условиях масштабной реорганизации 68-й Отдельной кавалерийской дивизии он получил новое назначение – командовать 1-м кавалерийским дивизионом Отдельного запасного кавалерийского полка. Здесь основной задачей стала подготовка маршевых пополнений для действующих частей – работа не менее ответственная, чем участие в боях.

Одним из ярких эпизодов службы Кара Рабадановича в этот период стало отступление через реку Дон. Полк оказался в критической ситуации: необходимо было переправить большое количество бойцов, лошадей и техники через понтонный мост. Как вспоминал сам Кара Рабаданович: «Наш полк отходил в полном порядке, и, когда мы подошли к Дону, мы столкнулись с проблемой переправы большого количества техники и личного состава через понтонный мост. Командир полка, Демьяненко, мог взять с собой только штабных работников, а личный состав всех трёх дивизионов был передан под моё командование. Чтобы переправить людей и лошадей, мы срубили деревья, сделали лодки и таким образом пересекли реку, доставив бойцов, которые не умели плавать, их вещи и седла. Все лошади переправлялись на лодках вместе с людьми».

Этот эпизод наглядно демонстрирует, что даже в условиях полной неразберихи Кара Рабаданович сохранял самообладание и способность к нестандартным решениям. Его действия позволили избежать потерь, что в те суровые дни считалось почти невозможным достижением.

Позднее, уже вечером, когда подразделение вновь догнало штаб, Кара Рабаданович доложил командарму о полной пере-

праве личного состава без единой потери. Офицеры восприняли эту новость с воодушевлением: командир Демьяненко даже открыл бутылку водки, что в военное время являлось редкой и дорогой наградой. Эта сцена стала символом того, как личная инициатива, решительность и здравый расчёт способны изменить исход самых тяжёлых обстоятельств. Кара Рабаданович в очередной раз подтвердил свою репутацию офицера, способного действовать эффективно там, где от стандартных решений нет пользы [3, с. 78].

Август 1942 г. стал для Кара Рабадановича одним из наиболее насыщенных и ответственных периодов его военной биографии. Вернувшись в Махачкалу, он сразу оказался в центре общественного внимания: его встречали журналисты, стремившиеся получить информацию о его боевом пути.

Писатель П. А. Павленко в своём очерке «Дагестанцы» отмечал, что Кара Рабаданович прибыл домой с колоссальным опытом, включавшим четырнадцать сабельных сражений и личное уничтожение двадцати пяти фашистских солдат. Сам герой, будучи скромным в своих рассказах, позволял себе лёгкую иронию: «На клинке – 25, всех до одного помню, а сколько на мушке – этого не скажу. Прощу извинить, не могу вспомнить».

Эта сдержанная манера говорить о собственных подвигах лишь подчёркивала его внутреннюю и подлинную военную закалку. В отличие от внешнего официоза, такие детали рисовали живой образ человека, для которого война была тяжёлой обязанностью, а не поводом для самопрославления.

Едва прибыв в Махачкалу, Кара Рабаданович направился к председателю Совета Народных Комиссаров ДАССР Даниялову А. Д., с которым его связывали многолетние товарищеские отношения. Несмотря на то, что в этот момент у Даниялова шло важное совещание с участием высших военных и политических чинов, Кара Рабадановича приняли с исключительным вниманием. Его доклад о положении на фронте, насыщенный конкрет-

ными наблюдениями и выводами, вызвал уважение всех присутствующих. Быстро была достигнута договорённость о содействии в реализации важного поручения командования.

Кара Рабаданович был командирован в Военный Совет 44-й армии для выполнения новой ответственной миссии. Он доставил информацию о готовности дагестанцев сформировать добровольческий кавалерийский эскадрон, что вызвало неподдельный интерес у командования армии. Ответная реакция была быстрой: 15 сентября 1942 г. бюро Дагестанского обкома ВКП(б) утвердило решение о создании кавалерийского эскадрона при 44-й армии, поручив Даниялову А. Д. организацию и оснащение новой части.

Формирование эскадрона стало не только практическим шагом в укреплении обороны, но и важнейшим актом патриотического единения народов Дагестана. Участие в борьбе против фашистских захватчиков воспринималось как священный долг, и Кара Рабаданович вновь оказался в центре исторических процессов не как простой участник, а как активный организатор и вдохновитель [4, с. 150].

В тот же день, 15 сентября 1942 г., бюро Дагестанского обкома ВКП(б) приняло ещё одно важное решение: провести митинги, на которых должны были обсуждаться обращение к молодежи и письмо к товарищу Сталину, принятые ранее на антифашистском молодежном форуме Северного Кавказа. Это решение стало прямым откликом на нарастающее общественное возбуждение и проявившуюся великую готовность молодёжи включиться в защиту Родины.

Организация митингов по всей территории Дагестана стала значимой вехой не только в патриотическом воспитании молодежи, но и в реальной мобилизации ресурсов для фронта. Эти встречи не были пустой формальностью: на них открыто обсуждались задачи, стоящие перед молодыми гражданами, призывы к личной ответственности за судьбу Родины звучали ясно и остро.

Особую роль в настроении людей сыграло письмо к Сталину – символ веры в поддержку центра и одновременно мощный стимул к самоотверженным действиям. В условиях тяжелейшей войны такие знаковые акты коллективной воли не просто укрепляли дух, но создавали эмоциональный фундамент, на котором строилась готовность к реальным жертвам [5, с. 264].

Исполняя постановления Военного Совета 44-й армии и бюро Дагестанского обкома ВКП(б), Совет Народных Комиссаров ДАССР объявил по всей республике набор добровольцев для формирования кавалерийского эскадрона. Этот шаг стал прямым ответом на насущные потребности фронта: требовалась свежая, мотивированная живая сила для противостояния фашистским захватчикам.

Организационные мероприятия были проведены в кратчайшие сроки. В течение нескольких дней эскадрон был полностью укомплектован. Как вспоминал Кара Рабаданович, количество желающих вступить в ряды оказалось значительно больше установленной численности. Сотни горцев, приехавших со всех уголков Дагестана с твёрдым намерением записаться добровольцами, были вынуждены вернуться домой не по своей вине, а из-за строгого лимита набора.

По воспоминаниям очевидцев, если бы каждый был принят, масштабы подразделения превзошли бы рамки эскадрона и могли бы сравниться с полноценным соединением Красной армии.

Особое место в этом контексте занимали юные добровольцы – сыновья погибших в гражданскую войну красных партизан. Магомед-Расул Товкаев, начальник штаба Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона, отмечал в своих воспоминаниях, что многие юноши, не достигшие призывного возраста, настойчиво просили принять их в часть. Их мотивация была глубоко личной: они чувствовали обязанность продолжить дело своих отцов, павших за свободу Родины.

Несмотря на неподдельную решимость, Кара Рабаданович, проявляя уважение и заботу, объяснял им невозможность не-

медленного участия в боях и с благодарностью провожал их домой. Он прекрасно понимал, что за детскими лицами скрывалась настоящая взрослость, продиктованная войной [2, с. 462].

Организация Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона проходила быстро и слаженно благодаря тесному взаимодействию местных властей, партийных структур и активной поддержке самих горцев. Центром формирования стал г. Буйнакск, где был сосредоточен основной организационный ресурс. Значительную часть конного состава предоставили местные колхозы; немало добровольцев приводили с собой собственных лошадей, что подчеркивало высокий уровень личной вовлеченности в общее дело.

Снаряжение эскадрона обеспечивалось преимущественно за счёт внутренних ресурсов. Учитывая тяжёлые условия войны, охватившей всё новые территории, процесс комплектации был непростым. Однако, несмотря на объективные трудности, эскадрон получил необходимое вооружение – автоматы, противотанковые ружья, а также тщательно отобранных лошадей, отвечающих требованиям манёвренной кавалерии.

Во главе эскадрона был поставлен Кара Караев, опытный командир, который, несмотря на солидный возраст, добровольно вернулся в строй. Его боевое мастерство, личная отвага и заслуженное уважение подчинённых сделали его не только военачальником, но и моральным ориентиром для всего подразделения. Заместителем командира был назначен Магомед-Расул Товкаев, который одновременно исполнял обязанности парторга, активно участвуя в воспитательной и организационной работе с личным составом.

Ключевую роль в практической подготовке эскадрона сыграл председатель Буйнакского горисполкома Ш. М. Шамхалов. Его усилиями ежедневно решались вопросы снабжения бойцов продовольствием, обмундированием, вооружением и транспортом. Несмотря на острую нехватку ресурсов, Ш. М. Шамхалов сумел

наладить координацию действий различных структур, обеспечивая бесперебойную подготовку подразделения к отправке на фронт.

Проводы эскадрона стали важным общественным событием в жизни Буйнак-ска. Город провожал своих защитников с чувством глубокой гордости и тревоги. Песни на разных языках народов Северного Кавказа, торжественная музыка, речёвки и напутствия создавали атмосферу искреннего патриотического подъёма, в которой каждый житель ощущал свою сопричастность к великой миссии защиты Родины.

Прибыв на фронт, эскадрон столкнулся с неожиданной ситуацией: полк, к которому он должен был присоединиться, уже не находился в распоряжении. В результате эскадрон был переподчинён штабу 44-й армии, однако это обстоятельство не ослабило его боевого духа. Подразделение в полном составе приступило к выполнению боевых задач, проявляя высокую бое-способность и дисциплину.

В ходе операций в районе Моздока да-гестанские кавалеристы активно участво-вали в разведке, освобождая более 90 насе-лённых пунктов, захватывая трофеи и беря в плен противников. Как отмечал гене-рал-майор Сызранов, дагестанские кавале-ристичиски отличались особой тактической гибкостью, стремительностью действий и способностью к глубоким рейдам в тыл врага. Кара Рабаданович особо подчерки-вал в своих воспоминаниях, что успех эс-кадрона основывался на умении действо-вать внезапно и решительно, что позво-лило наносить ощутимые удары по врагу даже в самых тяжёлых условиях [6].

Дагестанский добровольческий кавале-рийский эскадрон продолжал демонстри-ровать выдающуюся решимость и муже-ство на полях сражений. В одной из опе-раций под Ростовом группа бойцов эскад-рона сумела прорваться в глубокий тыл противника, что позволило собрать цен-нейшие разведывательные данные о рас-положении немецких огневых позиций и скоплениях живой силы.

Несмотря на ожесточённое сопротив-ление врага, бойцы успешно выполнили поставленную задачу и организованно вернулись к своим, ещё раз подтвердив высокую боевую готовность и выучку эс-кадрона.

Эти подвиги не остались незамеченны-ми. Боевые заслуги как командиров, так и рядовых бойцов получили признание на всех уровнях власти. 29 апреля 1943 г. бю-ро Дагестанского обкома ВКП(б) приняло решение о пополнении личного состава и конного парка эскадрона. В официальных документах специально подчёркивалась исключительная роль отряда под коман-дованием капитана Кара Караева в борьбе с фашистскими захватчиками.

За проявленную отвагу, стойкость и умение действовать в самых тяжёлых усло-виях многие бойцы и командиры эскадро-на были награждены орденами и медалями. Эти награды стали не просто формальным признанием, а свидетельством глубокой благодарности народа тем, кто сражался за свободу и честь Родины [7].

10 сентября 1943 г. бюро Дагестанского обкома ВКП(б) рассмотрело письмо ко-мандования 416-й стрелковой дивизии, в состав которой входил Дагестанский кавале-рийский эскадрон. В документе подчёр-кивались высокая боеспособность и вы-дающийся героизм подразделений дивизи-и в боях за освобождение Ростовской области и г. Таганрога.

Итоги этих операций получили высо-кую оценку на самом высшем уровне: Верховный главнокомандующий Воору-жёнными Силами СССР И. В. Сталин направил благодарность дивизии за от-личные боевые действия.

В знак признания их вклада в освобож-дение южных рубежей страны дивизии было присвоено почётное наименование «Таганрогская». Это решение имело огромное символическое значение не только как официальная награда за муже-ство, но и как признание подвига всех воинов, сражавшихся в её рядах.

Для Дагестанского кавалерийского эс-кадрона, ставшего частью этого героиче-ского соединения, почётное звание стало

подтверждением того, что их жертвы и усилия не остались незамеченными и вписаны в общую летопись Великой Победы [8].

Народы Дагестана проявили поистине исключительную стойкость и сплочённость в годы Великой Отечественной войны, сыграв значимую роль в общей борьбе с гитлеровской агрессией. Их вклад в победу нельзя рассматривать лишь в рамках фронтовых действий: дагестанцы активно поддерживали Красную Армию, обеспечивая её всем необходимым – от людских резервов и кавалерийских сил до продовольствия и обмундирования. Особенность их участия заключалась в многослойности усилий: сражение велось не только оружием на передовой, но и тяжёлым трудом в тылу – на колхозных полях, в мастерских, в учреждениях снабжения.

Атмосфера всеобщей мобилизации в Дагестане отличалась особым нравственным подъемом. Трудящиеся и солдаты были внутренне убеждены в неизбежности победы: их действия не были механическим следованием приказам, а осознанным вкладом в общее дело. В этом ощущении личной ответственности за исход войны проявлялась особая черта дагестанского характера – сочетание личного достоинства и коллективной преданности.

Письмо, опубликованное в те годы в Дагестане, ясно отражает это настроение. В нём выражалась уверенность в мужестве и негибкости бойцов 416-й Таганрогской стрелковой дивизии и Дагестанского кавалерийского эскадрона, которым предстояло очистить родную землю от захватчиков. Упор был сделан на готовность сражаться «до последнего», что подчёркивало не только боевой настрой, но и осознанную готовность к самопожертвованию.

Лозунг «Да здравствуют доблестные воины 416-й Таганрогской стрелковой дивизии! Да здравствует победа!» стал не просто агитационным клише, а искренним выражением веры в солидарность фронта и тыла, в силу народного единства, которое в конечном счёте и предопределило крах фашистских планов [9].

Отделу пропаганды и агитации обкома ВКП(б) была поставлена важная задача – подготовить письмо от имени трудящихся Дагестана, адресованное бойцам и командирам Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона. Предполагалось, что это обращение станет не просто актом формальной поддержки, но мощным моральным посланием, олицетворяющим признание героизма соотечественников, сражавшихся за освобождение Родины от фашистской оккупации.

Письмо сознательно выстраивалось на двух опорах: благодарности за проявленную самоотверженность и твердой уверенности в скорой победе, которая рассматривалась как результат коллективных усилий фронта и тыла. Через подобные обращения подчеркивалась неразрывная связь между теми, кто воюет на передовой, и теми, кто обеспечивает армию всем необходимым, трудясь в тылу.

Особое внимание в тексте уделялось уважению к подвигам кавалеристов, акцентируя их исключительную роль в защите Отечества. Вместе с тем письмо носило мобилизующий характер: бойцов призывали не ослаблять натиск на врага, напоминая, что каждый их шаг на поле боя это вклад в общее дело, приближающее окончательную победу и освобождение родной земли от фашистского ига [7].

Поддержка, которую бойцы Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона получали от руководства республики и народа, играла заметную роль в укреплении их морального духа. Эта внимание не сводилось к формальным жестам, оно становилось реальным моральным ресурсом, позволявшим бойцам преодолевать лишения фронтовой жизни и успешно решать самые сложные боевые задачи.

Дагестанские воины проявляли себя в ключевых сражениях Великой Отечественной войны. Они освобождали города и села не только на Кавказе, но и на дальних подступах к врагу в Украине, Белоруссии, Польше. Их участие в штурме Кюстрина, одного из наиболее укрепленных опорных пунктов гитлеровской обороны на слиянии Варты и Одера, наглядно де-

монстрирует высокий уровень боевой подготовки, личную храбрость и решимость.

Героизм дагестанских солдат не остался без признания: Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет ВКП(б) официально подчеркнули весомость вклада народов Дагестана в общую победу. Тысячи воинов были награждены орденами и медалями, что стало не только формой благодарности, но и символом глубокого уважения к их подвигу.

Не менее значимым был вклад тех, кто работал в тылу. Самоотверженный труд тружеников республики, обеспечивавших армию всем необходимым, стал одним из краеугольных факторов победы. Это было официально отражено в приветствии по случаю 25-летия Дагестанской АССР, где отмечалось, что стойкость и самоотдача всех слоёв населения республики оказали существенное влияние на итоговую победу над фашизмом [10].

Заключение.

Боевой стяг Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона стал одним из важнейших символов не только доблести и мужества его бойцов, но и всей республики, проявившей негибимость в годы Великой Отечественной войны. С момента первого его развёртывания под огнём у Моздока знамя прошло через череду тяжелейших испытаний, неся на себе

память о беспримерной стойкости дагестанских кавалеристов. Его путь от Кавказа до стен Берлина стал наглядным отражением подвига тех, кто с честью выполнял самые сложные задачи командования.

Каждый бой, в котором участвовали дагестанские воины, укреплял их репутацию как солдат, способных действовать хладнокровно и решительно в самых тяжёлых условиях. Их действия неизменно отличались не только личной отвагой, но и глубоким осознанием ответственности перед Родиной. Этот внутренний стержень позволил им выдерживать натиск врага до окончательной победы.

Когда фашистская угроза была окончательно ликвидирована, знамя вернулось домой уже не просто как военный атрибут, а как живая реликвия, вобравшая в себя дух всей пройденной борьбы. Оно стало осязаемым символом не только памяти о войне, но и нравственного наследия, которое передаётся из поколения в поколение.

В народной памяти Дагестана знамя занимает особое место. Его чтут, хранят, передают рассказ о нём как часть коллективной исторической идентичности. Оно воплощает в себе идеалы мужества, верности долгу и героизма, напоминая о цене Великой Победы и о том, каким усилиям она была завоёвана [11, с. 121].

Список литературы

1. Дагестан в русской литературе. Т. 2. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 627 с.
2. Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Воспоминания участников. Махачкала, 1960. 708 с.
3. Караев К.Р. Воспоминания. Махачкала, 1968. 88 с.
4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 23. Л. 150.
5. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): документы и материалы. Махачкала: ДГУ, 1995. 765 с.
6. Дагестанская правда № 250 (6776) от 23 декабря 1944 г.
7. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 24. Д. 14. Л. 125.

References

1. Dagestan in Russian literature. Vol. 2. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1960:627. (In Russ)
2. Dagestanis on the fronts of the Great Patriotic War 1941-1945: Memoirs of participants. Makhachkala, 1960:708. (In Russ)
3. K. Karaev. Memoirs. Makhachkala, 1968:88. (In Russ)
4. Central State Archive of the Republic of Dagestan (CSA RD). Fund 1. List 23. Sheet 150. (In Russ)
5. Dagestan during the Great Patriotic War (1941-1945): documents and materials. Makhachkala: DSU, 1995:765. (In Russ)
6. *Dagestanskaya Pravda* No. 250 (6776) dated December 23, 1944. (In Russ)
7. Central State Archive of the Republic of Dagestan (CSA RD). Fund 1. List 24. Case 14. Sheet 125. (In Russ)

8. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 23. Д. 15. Л. 263.

9. Дагестанская правда от 11 сентября 1943 г.

10. Известия № 266 от 13 ноября 1945 г.

11. Даниялов А. Д. Советский Дагестан. М.: Сов. Россия, 1960. 184 с.

8. Central State Archive of the Republic of Dagestan (CSA RD). Fund 1. List 23. Case 15. Sheet 263. (In Russ)

9. *Dagestanskaya pravda* dated September 11, 1943. (In Russ)

10. *Izvestia* No. 266 dated November 13, 1945. (In Russ)

11. Danyalov AD. Soviet Dagestan. Moscow: Soviet Russia, 1960:184. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Мугутдинова Наида Шамильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, mugutdinova.n@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.10.2025

Одобрена после рецензирования 28.10.2025

Принята к публикации 27.11.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Naida Sh. Mugutdinova, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, mugutdinova.n@mail.ru

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 08.10.2025

Approved after reviewing 28.10.2025

Accepted for publication 27.11.2025

История и археология / History and Archeology
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 93/94
DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-16-21
EDN: CDPVLC

Бандитизм как источник дестабилизации политической ситуации в СССР в период с 1920 по 1950 год: взгляд современных ученых

© 2025 Саидова М. З., Гаджиева Х. И. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, saidovamarina@mail.ru ✉, halimat2008@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель состоит в том, чтобы провести на основе публикаций последних десятилетий небольшой экскурс в историю развития бандитизма на территории СССР в 20-50 гг. XX в. **Методы.** Анализ и обобщение научно-популярной и методической литературы, поиск и обработка архивных данных по исследуемой проблеме. **Результат.** В настоящей работе исследуется эволюция бандитских формирований на территории СССР в период с 1920 по 1950 г. Долгое время из-за секретности вопроса изучение организованной преступности оставалось недостаточным – с 1930-х до 1980-х гг. практически отсутствовали специализированные исследования. Ученые-историки и специалисты в области права того времени функционировали в условиях строгой политической регламентации, охватывавшей все аспекты их деятельности. Лишь в последние годы появилось множество научных трудов, позволяющих сформировать достоверное представление о советском прошлом и оценить драматизм эпохи. **Вывод.** Секретность и запрет для исследователей многих архивных фондов в советское время не позволяли поднимать тему бандитизма. Однако, начиная с 1990-х гг., «новая» социальная история медленно занимает соответствующее ей место в отечественной науке.

Ключевые слова: бандитизм, организованная преступность, трансформация, СССР, бандгруппировки, уголовно-правовое регулирование.

Формат цитирования: Саидова М. З., Гаджиева Х. И. Бандитизм как источник дестабилизации политической ситуации в СССР в период с 1920 по 1950 год: взгляд современных ученых // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3-4. С. 16-21. DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-16-21. EDN: CDPVLC

Banditry as a Source of Political Destabilization in the USSR from 1920 to 1950: A Contemporary Scholarly Perspective

© 2025 Marina Z. Saidova, Khalimat I. Gadzhieva ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, saidovamarina@mail.ru ✉, halimat2008@mail.ru

ABSTRACT. The aim of the paper is to provide a brief overview of the banditry history in the USSR from the 1920s to the 1950s, drawing on publications from recent decades. **Methods.** Analysis and synthesis of popular science and methodological literature, search for and processing of archival data on the problem under study. **Results.** This paper examines the evolution of bandit formations in the USSR from 1920 to 1950. For a long time, due to the secrecy of the issue, the study of organized crime remained insufficient – from the 1930s to the 1980s, specialized research was virtually nonexistent. Historians and legal experts

of that time operated under strict political regulations that encompassed all aspects of their work. Only in recent years have numerous scholarly works appeared that allow us to form an accurate picture of the Soviet past and appreciate the dramatic nature of the era. **Conclusion.** Secrecy and the prohibition of many archival collections for researchers during the Soviet era prevented the topic of banditry from being explored. However, since the 1990s, “new” social history has slowly taken its rightful place in Russian scholarship.

Keywords: banditry, organized crime, transformation, USSR, gangs, criminal law regulation.

For citation: Saidova MZ, Gadzhieva Khl. Banditry as a Source of Political Destabilization in the USSR from 1920 to 1950: A Contemporary Scholarly Perspective. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2025;19(3-4):16-21. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-16-21. EDN: CDPVLC

Введение

Бандитизм – это не просто слово, а одно из самых опасных проявлений организованной преступности, которое, к сожалению, имеет глубокие корни в истории Российского государства. Еще с давних времен, со времен Древней Руси, законодатели понимали под бандитизмом разбой, нападения с целью грабежа: «стать в разбой без всякой свадьбы», сопровождающееся насилием или угрозой его применения и всегда считались серьезным преступлением [1, с. 15].

Эта проблема не нова, она преследовала наше общество на протяжении веков, принимая разные формы, но всегда оставляя за собой след страха и разрушения. И сегодня, несмотря на все усилия правоохранительных органов, бандитизм остается одной из самых острых угроз, требующих постоянного внимания и решительных действий.

В XVI в. в Уставной книге, который был учрежден как «Разбойный приказ», уже упоминались злодеяния, совершаемые целыми бандами. Это говорит о том, что организованная преступность была проблемой уже в те времена. Позже, в 1649 г., когда было принято Соборное Уложение – свод законов, определяющих жизнь страны, было закреплено положение о том, как следует вести борьбу с разбоями [2, с. 90-92].

Если взглянуть на историю Российского государства сквозь призму трудов таких выдающихся исследователей как Г. Н. Брейман, Г. В. Есипов, Е. П. Ерошкин, В. В. Ленева, М. М. Максимов, В. В. Малиновский, В. П. Портнов, М. М. Славин и А. Д. Тарасов, становится очевидным, что всплеск бандитизма неизменно сопровож-

дали самые сложные и переломные моменты отечественной истории.

На протяжении веков, будь то эпохи смут, глубоких кризисов или кардинальных общественных трансформаций, криминальная активность, в частности бандитизм, демонстрировала резкий рост. Это не случайное совпадение, а закономерная реакция общества на нестабильность, ослабление государственных институтов и общую дезорганизацию. В такие периоды, когда привычные социальные связи рвутся, а закон теряет свою силу, появляются благоприятные условия для расцвета преступности.

XX в. стал периодом масштабных политических перемен, которые сопровождались серьезными экономическими трудностями, социальными потрясениями и глубоким кризисом в сознании людей.

По мнению исследователя П. В. Максимова, в регионах, ранее входивших в состав Российской империи, после завершения Первой мировой войны произошли значительные изменения. Эти изменения выразились в резком несоответствии между культурными нормами, политическими институтами и реальным поведением людей. Такое расхождение привело к конфликтам на разных уровнях, структурном, культурном и поведенческом, что, в свою очередь, способствовало росту организованной преступности [3, с. 120].

Рост преступности всегда указывает на то, что система нестабильна. Прежние факторы развития перестали работать, и на первый план вышли деструктивные процессы.

Материалы и методы исследования

В качестве материала для данного исследования были использованы историче-

ские источники, публикации в научных журналах, в той или иной мере затрагивающие тему нашего исследования, а также проведен анализ рассекреченных в последние годы архивных документов и работ российских историков, более объективно и полно освещающих рассматриваемую проблему.

Результаты и их обсуждение

С 1917 г., ставшего переломным для России, в стране отмечался значительный рост преступности. Данное обстоятельство обусловлено радикальными изменениями, произошедшей трансформацией власти и непростой ситуацией на полях сражений Первой мировой, характеризующейся масштабным возвращением солдат из армии с оружием в руках.

В период Гражданской войны разбойничество приобрело различные формы, поскольку в состав вооруженных отрядов входили люди из различных социальных слоев, руководствующиеся разными мотивами. Так, например, власти Советской республики относили к бандитам крестьян, поднимавших восстание против экономических решений большевистского правительства.

Подавлявший выступление против власти в Тамбовской губернии, возглавляемое Антоновым, маршал Тухачевский констатировал, что корни бунта лежали в проводимой продовольственной политике. По его словам, «в основном приходилось воевать не с бандитами, а со всем местным населением» [4, с. 56].

В советский период историки обычно классифицировали сопротивление советскому режиму следующими терминами: «белогвардейско-кулацкий заговор», «кулацко-эсеровские банды», «кулацкие выступления», «буржуазная и помещичья контрреволюция», «политический бандитизм» и т. д.

Противники советского строя осуществляли агрессивные акции против членов местных советов и их сторонников («политический бандитизм»). На территории Украины вооруженные формирования ставили задачей контроль над конкретными землями («анархический бандитизм»). В Сибири в тайгу уходили отряды бывших соратников революционеров,

несогласных с действиями властей по утверждению советской системы в регионах («красный бандитизм»). Разрозненность этих выступлений помешала развитию крупных социальных столкновений в стране.

Материалы, хранящиеся в фондах Объединённого государственного политического управления (ОГПУ), указывают на то, что большая доля народных выступлений по всей территории страны была продиктована политическими мотивами, отражая затяжные последствия братоубийственной борьбы. В этих документах запечатлены личные трагедии – судьбы людей, чьи устоявшиеся нормы морали, религиозные убеждения и обычаи были уничтожены. Одновременно наблюдалось изменение характера сопротивления власти: вооруженное восстание постепенно трансформировалось в преступную деятельность, а его участники прибегали к насильственным действиям против безоружных граждан.

Преступная деятельность вселяла ужас в сердца людей, ведь она выходила за рамки правового поля, была лишена всякого контроля и непредсказуема, неизменно сопровождаясь пролитием крови и бедами там, где возникала. Поэтому советское руководство почти сразу приступило к активным шагам по подавлению бандитизма, привлекая для этого специальные структуры – чрезвычайные комиссии. Например, в Постановлении Всероссийского центрального исполнительного комитета от 18 апреля 1918 г., вышущем по отчету Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) о противодействии бандитским формированиям, вдохновленным идеями анархизма, говорилось: «...Изучив информацию о работе Чрезвычайной комиссии по устранению бандитизма, использующих лозунги анархии, признает действия ЧК правильными и уверены, что борьба с подобными силами будет продолжена решительно» [5, с. 9].

Р. Н. Таймасов, изучавший этот период истории, отмечает, что новая власть воспринимала борьбу с бандитизмом как противостояние с политическими силами. В соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров от 19 февраля

1920 г. «О предании лиц, обвиняемых в бандитизме, суду Военно-революционного трибунала», формирование преступной группы, совершавшей налеты, разбой и грабежи, подлежало судебному разбирательству Военно-революционным трибуналом, которые получили полномочия назначать любые санкции, разрешенные законодательством, включая смертную казнь [6, с. 10].

Во время Великой Отечественной войны преступность представляла собой серьезную проблему, оказывающую влияние на общую обстановку с правонарушениями в государстве. Действия бандитов порождали тревогу у граждан и затрудняли возвращение к обычной жизни в регионах, освобожденных от врага. В усилиях по противодействию этому явлению особое внимание уделялось его нелояльности к советской власти, вне зависимости от целей преступников – будь то личная выгода (как у большинства организованных групп уголовного характера) или политические (для отдельных национально-освободительных формирований). Это говорит о том, что борьба с бандитизмом имела ярко выраженный политический характер.

По словам О. А. Торшиловой, ядро этих преступных объединений формировалось преимущественно из тех, кто разными путями поддерживал коллаборационистов (включая бывших полицаев, агентов и враждебных пособников), а также дезертиров, уклонившихся от службы на передовой [7, с. 94].

Архивные данные свидетельствуют о том, что в течение первых трех лет войны на территории государства было нейтрализовано 7161 вооруженных формирований и 54 тысячи их членов [8, с. 92].

По мнению исследователей (Р. Н. Таймасова и В. М. Харзиновой), активизация преступности в период войны была тесно связана с деятельностью нацистской Германии, направленной на ослабление Советского Союза. Как установлено, по инициативе и указанию А. Гитлера формировались специальные подразделения, которые должны были заниматься распространением антисоветских взглядов, про-

пагандой и провокацией мятежей в советском тылу.

В различных частях территорий, входивших в состав Советского Союза, военный бандитизм проявлялся по-разному. На западных рубежах – в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии – вооруженные отряды вели сопротивление новой власти. На Северном Кавказе деятельность бандформирований была связана с насильственной миграцией целых народов, что имело выраженный политический характер. Помимо этого, существовали группы преступников, специализирующихся на ограблениях и нападениях. В других областях активность подобных структур была немногочисленна, преимущественно они носили криминальный характер, хотя случаи политически мотивированной деятельности также отмечались [9, с. 328].

В конце сороковых годов наблюдался резкий подъем криминальной активности. Аналитики того времени констатируют увеличение числа особо опасных правонарушений – краж, разбойных нападений, убийств, организованной преступности. Изучение имеющихся данных указывает на то, что факторы, спровоцировавшие это явление, были многогранными и тесно взаимодействовали друг с другом. Значительное влияние оказали специфические черты жизни граждан в Советском Союзе сразу после войны: нищета, разруха, нехватка продовольствия, острый недостаток потребительских товаров, распространение оружия среди населения, а также склонность к агрессии, сформировавшаяся у отдельных лиц в военные годы [10, с. 346].

Документы Министерства внутренних дел Советского Союза свидетельствуют о существовании примерно десятка преступных объединений, известных как «Черная кошка», действовавших по различным городам страны, начиная с середины 1940-х гг. Это название передавалось от одной группировки к другой, а их зверства привели к гибели сотен человек. Однако Московская и Подмосковная банды Митина, активная в начале 1950-х, значительно отличалась от типичных «черных кошек», состоявших преимущественно из уголовников: за короткий срок она совершила семь убийств, пятнадцать ограбле-

ний и завладела суммой в 292 500 рублей, оставаясь неуловимой для правоохранительных органов на протяжении почти трех лет [11, с. 46].

По словам И. М. Мацкевича, группа преступников, привлекая всеобщее внимание, оказалась сформирована исключительно из лучших работников предприятия, производящего военную технику – награжденных отличиями, рекордсменов труда, стахановцев, курсантов военно-морского училища, а также партийной и комсомольской молодежи.

Задержание этой преступной группы спровоцировало разбирательства среди руководства страны, так как резонансное расследование противоречило установленным политическим принципам, оно было засекречено незамедлительно.

Невозможность изучения «моральной статистики» и закрытость для исследователей многих архивов в советский период препятствовали рассмотрению вопроса о преступлениях. Но с появлением «новой» социальной истории в 1990-е гг. эта область постепенно обретает признание в российской науке. Появляются новые исследовательские подходы, например, изучение роли женщины в истории, исследование социальных столкновений, семейной жизни, религиозных институтов, гендерная история и прочее. История криминальных явлений, включая бандитизм и организованную преступность, также ста-

ла важным направлением, расширяющим наше понимание общества, раскрывающим его скрытые аспекты и показывающим, как люди реагировали на действия власти в экономической, политической и социальной сферах.

Заключение

В настоящее время большое число ученых, среди которых Р. З. Амиров, С. П. Аренин, А. А. Безугольный, А. А. Исрапов, П. И. Корпачев, С. В. Нестеров, К. В. Першин, А. Д. Попова, О. А. Торшилова, В. М. Харзилова, Н. А. Чугунцова и другие, представили множество публикаций, дающих возможность изучать феномен организованной преступности с различных точек зрения, опираясь на материалы региональных архивов.

Изучение архивных материалов и современных научных работ демонстрирует неустанную и жесткую борьбу с организованной преступностью на протяжении всех изучаемых этапов, однако этот вид преступлений продолжает существовать в российском социуме. В связи с этим необходимо уделить особое внимание при изложении учебного материала в рамках дисциплин «Новейшая отечественная история» и «История государства и права», чтобы студенты, осознавая сложность и драматичность данной проблемы, испытывали сострадание к жертвам преступников и не допускали подобных трагических ситуаций в дальнейшем.

Список литературы

1. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. М., 1998. 480 с.
2. Харзинова В. М. Уголовно-правовое регулирование бандитизма: история и современность // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 90-92.
3. Максимов П. В. Бандитизм как предмет научно-правовых исследований в Советской России в 1920-е годы // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 4(26). С. 116-120.
4. Амиров Р. З. Борьба с бандитизмом как одно из направлений деятельности РККА по обеспечению внутренней безопасности РСФСР в 1921-1922 гг. // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 56-61.
5. Таймасов Р. Н. Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в Советском государстве

References

1. Titov YuP. Anthology on the history of the state and law of Russia. Moscow, 1998:480. (In Russ)
2. Kharzinova VM. Criminal law regulation of banditry: history and modernity. *Probely v Rossiyskom Zakonodatel'stve*. 2018(3)90-92. (In Russ)
3. Maksimov PV. Banditry as a subject of scientific and legal research in Soviet Russia in the 1920s. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Kooperatsii*. 2016(4(26)):116-120. (In Russ)
4. Amirov RZ. The fight against banditry as one of the activities of the Red Army to ensure the internal security of the RSFSR in 1921-1922. *Probely v Rossiyskom Zakonodatel'stve*. 2016(2):56-61. (In Russ)
5. Taimasov RN. Legal regulation of the fight against banditry in the Soviet State of 1917-1958: historical and legal research: Author's abstract of Ph.D. (Legal Science). Moscow, 2011:36. (In Russ)
6. Matskevich IM. Legends and myths of the

1917-1958 гг.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 36 с.

6. Мацкевич И. М. Легенды и мифы преступного мира: криминологические портреты известных преступников. М., 2005. 416 с.

7. Торшилова О.А. Органы внутренних дел в борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны // Ойкумена. 2010. № 2. С. 88-96.

8. Исторический опыт участия органов и войск НКВД – МГБ – МВД СССР в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности (1939-1960 гг.). М., 2019. 120 с.

9. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956): сборник документов / под ред. Ю. Н. Морукова. М., 2008. 640 с.

10. Саидова М. З., Погосов Г. Н. Ухудшение криминогенной обстановки в СССР в послевоенные годы // Наука и образование: состояние, проблемы и перспективы развития: материалы научной сессии профессорско-преподавательского состава ДГПУ (20-21 мая 2021, г. Махачкала). Махачкала, 2021. С. 346-348.

11. Попова А. Д. Легенды о банде «Черная кошка» как отражение феномена криминальных мифов в российском общественном сознании // Новейшая история России. 2019. № 1. С. 32-44.

criminal world: criminological portraits of famous criminals. Moscow, 2005:416. (In Russ)

7. Torshilova OA. Internal affairs bodies in the fight against banditry during the Great Patriotic War. 2010. No. 2. pp. 88-96. (In Russ)

8. Historical experience of the participation of bodies and troops of the NKVD – MGB – Ministry of Internal Affairs of the USSR in the protection of public order and ensuring public safety (1939-1960). Moscow, 2019:120. (In Russ)

9. The NKVD and the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the fight against banditry and the armed nationalist underground in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltic States (1939-1956): a collection of documents. Yu. N. Morukov (ed.). Moscow, 2008:640. (In Russ)

10. Saidova MZ, Pogosov GN. The deterioration of the criminogenic situation in the USSR in the post-war years. *Science and Education: State, Problems and Prospects of Development: Proceedings of the Scientific Session of DSPU Faculty (May 20-21, 2021, Makhachkala)*. Makhachkala, 2021:346-348. (In Russ)

11. Popova AD. Legends of the Black Cat gang as a reflection of the phenomenon of criminal myths in the Russian public consciousness. *Noveyshaya Istoriya Rossii*. 2019(1):32-44. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Саидова Марина Загидовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, saidovamarina@mail.ru

Гаджиева Халимат Иманшапиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, halimat2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6169-622X>

Критерии авторства

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025
Одобрена после рецензирования 17.12.2025
Принята к публикации 23.12.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Marina Z. Saidova, Ph.D. (History), Associate Professor, Head of the Department of General History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, saidovamarina@mail.ru

Khalimat I. Gadzhieva, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of General History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, halimat2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6169-622X>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to the paper.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.12.2025
Approved after reviewing 17.12.2025
Accepted for publication 23.12.2025

История и археология / History and Archeology
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 94
DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-22-33
EDN: EYTXPF

Фронтальной театр эстрады и миниатюр Дагестана в годы Великой Отечественной войны

© 2025 Суздальцева И. А. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, s.iren.a2010@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Цели исследования – изучить обстоятельства формирования в годы Великой Отечественной войны Дагестанского фронтального театра эстрады и миниатюр, представить его состав и охарактеризовать репертуар, проследить боевой путь творческого коллектива, оценить творческое мастерство и показать значение работы фронтальной бригады в составе действующей армии. **Методы.** В ходе исследования автор использовала ретроспективный подход и принцип историзма, методы объективного анализа архивных материалов и хронологического рассмотрения событий. **Результаты.** Изучение опубликованных материалов и архивных источников позволило проследить этапы формирования, состав и характер работы Дагестанского фронтального театра эстрады и миниатюр с августа 1942 г., когда было принято правительственное постановление «Об организации фронтальной бригады работников искусств Дагестана по обслуживанию частей действующей Армии» до конца февраля 1943 г., и когда завершился срок пребывания театральной бригады на фронте. **Выводы.** В период Великой Отечественной войны в прифронтальных районах распространилась практика создания фронтальных бригад, которые включали представителей разных художественных жанров. В условиях приближения фронта к границам Дагестана летом 1942 г. было принято решение организовать фронтальную бригаду с участием представителей разных коллективов и жанров искусства. Новый коллектив был создан при поддержке Управления по делам искусств ДАССР и получил название Фронтальной театр эстрады и миниатюр. В его состав вошли артисты из Дагестана, Москвы, Ленинграда, Рыбинска и Харькова. Фронтальная бригада была прикомандирована к 44 армии. В декабре 1942 г. творческий коллектив выехал из Дагестана и до конца февраля 1943 г. работал в прифронтальной зоне, прошел в составе действующей армии более 1 100 км. В связи с празднованием 25-й годовщины Красной Армии все члены художественно-фронтальной бригады из Дагестана были награждены правительственными наградами.

Ключевые слова: театр, фронтальная бригада, Управление по делам искусств ДАССР, концертная программа, артисты, концерты, творческое мастерство, награды.

Формат цитирования: Суздальцева И. А. Фронтальной театр эстрады и миниатюр Дагестана в годы Великой Отечественной войны // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3-4. С. 22-33. DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-22-33. EDN: EYTXPF

Dagestan Frontline Variety and Miniatures Theater During the Great Patriotic War

© 2025 Irina A. Suzdaltseva ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, s.iren.a2010@mail.ru ✉

ABSTRACT. The **aims** of the research are to examine the formation of Dagestan Frontline Variety and Miniatures Theatre during the Great Patriotic War, to present its composition and repertoire, to trace the artistic team's combat history, to evaluate its creative skills and to demonstrate the significance of the frontline brigade's work within the active army. **Methods.** During the research, the author utilized a retrospective approach and the principle of historicism, along with methods of objective analysis of archival materials and a chronological examination of events. **Results.** A research of published materials and archival sources made it possible to trace the stages of formation, composition and nature of Dagestan Frontline Variety and Miniatures Theatre work from August 1942, when the Government Decree "On the Organization of a Frontline Brigade of Dagestan Art Workers to Serve Units of the Active Army" was adopted, until the end of February 1943, when the theatre brigade's tour at the front ended. **Conclusions.** During the Great Patriotic War, the practice of creating frontline brigades, which included representatives of various artistic genres, became widespread in frontline areas. As the front approached the borders of Dagestan in the summer of 1942, a decision was made to organize a frontline brigade with representatives of various artistic groups and genres. The new group was created with the support of Dagestan ASSR Arts Department and was named the Frontline Theater of Variety and Miniatures. It included artists from Dagestan, Moscow, Leningrad, Rybinsk and Kharkov. The frontline brigade was assigned to the 44th Army. In December 1942 the creative group left Dagestan and worked in the frontline zone until the end of February 1943, covering over 1,100 km with the active army. In celebration of the 25th anniversary of the Red Army, all members of the Dagestan Art Front Brigade were awarded government awards.

Keywords: theatre, frontline brigade, Dagestan ASSR Arts Department, concert program, artists, concerts, creative skills, awards.

For citation: Suzdaltseva IA. Dagestan Frontline Variety and Miniatures Theater During the Great Patriotic War. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2025;19(3-4):22-33. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-22-33. EDN: EYTXPF

Введение

Активную деятельность в годы Великой Отечественной войны вели работники культуры и искусства. Творческие коллективы, деятели искусства и просвещения в короткие сроки перестроили свою работу: изменили репертуарные планы театров и концертные программы, начали создавать произведения, отвечающие задачам военного времени и отражающие героические страницы истории борьбы народов нашей страны против агрессоров. Широкое распространение среди представителей искусства получила практика организации фронтовых бригад.

Фронтовые бригады – это творческие коллективы, которые создавались в условиях военного времени в прифронтовых районах. В них входили представители разных жанров сценического искусства, которые со специальными театральными программами выезжали на фронт.

Как отмечают исследователи, традиция выступления творческих коллективов перед армейскими частями зародилась еще в

годы Гражданской войны: правительственные постановления 1919 г. определили порядок выезда артистов с концертами на фронт. После окончания военных действий работники культуры и искусства приняли решение продолжить эту работу. В 1923 г. Президиум ЦК профессионального союза работников искусств утвердил «Положение о культурно-шефской работе над частями Красной Армии» [1, с. 1074].

Первой театральной фронтовой бригадой в условиях Великой Отечественной войны стала группа актеров Малого театра, которая 21 июня 1941 г. приехала в один из гарнизонов Красной армии, располагавшийся в Волынской области на Северо-Западе Украины. Артисты планировали дать несколько шефских концертов, но на следующий день началась война. Участники театрального коллектива отказались вернуться в Москву и продолжили выступления [2, с. 64]. В июле 1941 г. на фронт в район Вязьмы выехала первая, специально сформированная творческая бригада актеров разных московских театров. Этому примеру последовали работ-

ники большинства театров страны. В первый же месяц войны фронтовые бригады организовали театры из Ленинграда, Киева и Смоленска. Концертные и театральные бригады стали самой доступной формой организации творческого коллектива. Они были мобильны и могли выступать на любых площадках, при любых погодных условиях и перед разными аудиториями. По данным исследователей, за время Великой Отечественной войны в боевых частях побывало более 3 500 артистических бригад, в которых участвовало свыше 40 тыс. творческих работников. Они дали около 500 тыс. спектаклей и концертов [3, с. 116].

Фронтовые бригады работников искусства стали важной частью военной повседневности на фронте и в тылу: артисты разных жанров выступали перед бойцами Красной Армии и жителями прифронтовой зоны, посещали госпитали, встречались с работниками промышленных предприятий и сельского хозяйства. Обычно поездки длились 1,5-2 месяца.

К составу фронтовых бригад предъявлялись строгие требования. Обычно в них входило от 12 до 25 человек. Все участники творческих коллективов должны были быть физически крепкими и морально устойчивыми, так как им приходилось выступать в любую погоду, под открытым небом или в непригодных помещениях, ночевать в землянках или в неотапливаемых домах. Среди участников фронтовых творческих групп были как начинающие артисты, студенты театральных вузов и музыкальных училищ, так и именитые профессиональные актеры. Театральные фронтовые бригады возглавляли известные режиссеры: А. Д. Дикий, Ю. А. Завадский и С. М. Михоэлс [4, с. 75]. Артисты, выезжающие на фронт, получали командировочные удостоверения с указанием воинской части времени и места прибытия, комплект одежды (особенно в зимнее время), денежное довольствие и продуктовый паёк.

Артисты обычно перемещались на грузовых машинах с откидным кузовом, ко-

торые со временем стали основной передвижной площадкой для выступлений.

Репертуар фронтовых бригад был определен особенностями работы. Он включал военно-патриотические, народные и популярные песни, фрагменты спектаклей, хореографические и эстрадные номера, выступления цирковых артистов, поэтические композиции, скетчи, этюды и т. д. Тематика выступления была разнообразна: от сочинений героической и патриотической тематики до джазовых композиций, популярных и народных песен. Программы театрально-концертных бригад, выезжающих на фронт, просматривали и утверждали специальные комиссии.

Артистам фронтовых бригад приходилось обходиться без реквизита и декораций, совмещать обязанности режиссера и администратора, гримера и костюмера, устанавливать декорации, а в случае особой необходимости оказывать медицинскую помощь раненым бойцам и хоронить погибших.

В годы войны фронтовые бригады артистов создавались во многих регионах страны, далеких от ведения боевых действий. Так, в составе концертных бригад выезжали на фронт артисты Татарстана. По словам Н. И. Таирова, в республике в годы войны было создано более полутора десятков бригад. В частности, артистическая бригада под руководством В. А. Байкалова работала на Карело-Финском фронте с 6 ноября по 18 декабря 1942 г. и провела 105 концертов. В 1943 г. артисты казанских театров и филармонии в составе фронтовых бригад выступали перед бойцами 7-ой воздушной армии Северного фронта, на Северо-Западном фронте, в 1944 г. – на 3-м Прибалтийском и Ленинградском фронтах [5, с. 349-350].

В создании фронтовых концертных и театральных бригад активное участие принимали творческие коллективы Закавказья. По данным М. И. Амрахова, в 1941 г. работало 357 фронтовых бригад с участием артистов Азербайджана, в 1943 г. их было уже 1 215, а количество выступлений возросло до 150 тыс. [6, с. 16]. В со-

здании художественных бригад активное участие принимали деятели грузинского искусства, которые постоянно выступали в госпиталях и фронтовых частях. По данным исследователей, художественная бригада Тбилисского театра им. Марджанишвили провела около 500 выездных концертов, из них больше половины – в воинских частях. Силами провинциальных театров в годы Великой Отечественной войны было организовано свыше 12 тыс. концертов [7, с. 6].

В Краснодарском крае в начале войны было сформировано 3 фронтовые бригады, а в первой половине 1942 г. их было уже 8 [8, с. 150]. Широкое распространение практика создания фронтовых бригад получила на Северном Кавказе. Две фронтовые бригады были созданы силами Ставропольского драматического театра. Артисты театра, филармонии, Государственного ансамбля песни и танца вошли в состав концертной фронтовой бригады ЧИАССР. С. Х. Яндарова отметила, что выступлениями на фронте началась сценическая жизнь Махмуда Эсамбаева [9, с. 81].

Творческие работники Дагестана также организовали работу, направленную на поддержание боевого духа солдат, воевавших на фронте и проходивших лечение в госпиталях. После начала Великой Отечественной войны все учреждения культуры, просвещения и искусства ДАССР перестроили свою деятельность в соответствии с требованиями военного времени. В первые месяцы они столкнулись с рядом трудностей: многие работники были призваны в Красную армию или добровольно ушли на фронт, временно приостановилась подготовка специалистов, сократилось финансирование, не хватало приспособленных помещений и т. д. В условиях начавшейся войны часть республиканских театральных коллективов вынуждена была временно прекратить работу. Однако, как отмечают исследователи, большая часть учреждений культуры и просвещения в Дагестане продолжила работать [10, с. 126-127]. Так, в 1941 г. в

Дагестане работали Русский и Кумыкский театры (г. Махачкала), Аварский театр (с. Хунзах), Лезгинский театр (с. Ахты). Кроме того, в августе 1941 г. начал работу Театр кукол для детей (г. Махачкала) [11, с. 20]. Одновременно, в связи с финансовыми трудностями временно прекратили деятельность Лакский театр (с. Кумух) и Азербайджанский театр с горско-еврейским отделением (г. Дербент). В августе 1941 г. временно был закрыт Русский драматический театр в Махачкале. Все они возобновили работу в 1943 г. [12, с. 200].

Осенью 1941 г. в Дагестан были эвакуированы учреждения культуры из Москвы, оккупированных и прифронтовых регионов. В Махачкале получили «прописку» Московский театр им. М. Ермоловой, Ростовский театр им. М. Горького, Харьковский украинский театр им. Революции, цыганский театр «Ромэн» и др. [13, с. 29]. Например, театр им. М. Ермоловой работал в Дагестане с 3 сентября 1941 г. по 20 августа 1942 г. В его труппу вошли несколько артистов Дагестанского Русского драматического театра: А. Н. Козлов, А. В. Лович, С. С. Токарь и И. Е. Харитонов. Пребывание в Дагестане эвакуированных коллективов положительно повлияло на творческий климат в республиканских театрах, способствовало их профессиональному росту и творческому подъёму. Театральные труппы работали в основном в старом здании русского театра на ул. Буйнакского. Летом 1942 г., когда начались бои за Кавказ, часть эвакуированных в Махачкалу театров была перераспределена в другие города страны, но к середине августа 1942 г. в столице Дагестана находилось более 700 работников искусства.

Война повлияла на содержание произведений искусства и привела к созданию новых форм художественного творчества населения Дагестана. Так, при клубах начали создаваться концертно-эстрадные бригады, объединяющие различные виды искусства. В Махачкале было организовано 7 таких коллективов. Творческие бригады были созданы и в других городах – в Буйнакске, Дербенте и Хасавюрте, а также

в рабочем пос. Двигательстрой (г. Каспийск) [10, с. 127]. Только во второй половине 1941 г. концертно-эстрадные бригады творческих коллективов республики провели около 430 концертов для действующих частей Красной Армии, для бойцов, проходящих лечение в госпиталях, на призывных пунктах и т. д. Кроме того, были проведены платные вечера-концерты, сбор с которых (более 25 тыс. руб.) был передан в Фонд обороны страны [14, л. 11-12].

13 августа 1942 г. в г. Орджоникидзе (Владикавказ) у братской могилы солдат революции состоялся многотысячный антифашистский митинг представителей всех народов Северного Кавказа. В ответ на его обращение работники искусств Дагестана решили объединиться в концертно-театральную группу и организовать фронтową бригаду с участием представителей разных творческих коллективов, видов и жанров искусства.

Материалы и методы исследования

Источниковой основой изучения работы Дагестанской фронтовой бригады в годы Великой Отечественной войны стали документы фонда р-716 Центрального государственного архива Республики Дагестан. Проблемы создания Дагестанской фронтовой бригады нашли отражение в ряде работ дагестанских исследователей: А. И. Османова, Г. Ш. Каймаразова, М. Я. Мирзабекова, Е. С. Ананьевой и В. Д. Юнаева, Л. Г. Каймаразовой и т. д. [15; 16; 10; 12].

Ретроспективный подход и хронологический метод рассмотрения событий позволили представить обстановку, сложившуюся в Дагестане на первом этапе Великой Отечественной войны, и последовательно проследить процесс создания фронтовой бригады.

Результаты и их обсуждение

20 августа 1942 г. Совет народных комиссаров ДАССР и Бюро обкома ВКП (б) одобрили инициативу работников искусств республики о создании художественной фронтовой бригады и издали постановление «Об организации фронтовой

бригады работников искусств Дагестана по обслуживанию частей действующей Армии» (№ 771/158 § 81). Управлению по делам искусств Совнархоза ДАССР было предложено официально оформить создание бригады и укомплектовать ее высококвалифицированными творческими работниками «русского и национального искусства Дагестана». Народный комиссариат финансов ДАССР получил указание отпустить на содержание бригады средства «в сумме 45 тыс. руб. за счет неосвоенных средств по просвещению по республиканскому бюджету» и внести соответствующие изменения в план III-го квартала [17, л. 28, 32].

В сентябре 1942 г. Дагестанская театральная фронтová бригада была сформирована. Новый творческий коллектив получил название Фронтová театр эстрады и миниатюр Управления по делам искусств ДАССР. В течение первой половины сентября подбирались его состав. В бригаду входили:

1. Аллахвердов Варган Давидович (1910 г. р., армянин) – солист-гитарист Дагестанского национального ансамбля, член ВЛКСМ;
2. Платонов Александр Иванович (1907 г. р., русский) – актер и режиссер Московского театра им. М. Ермоловой;
3. Лекарев Валентин Петрович (1909 г. р., русский) – актер и режиссер Московского театра им. М. Ермоловой;
4. Базилевич Инна Петровна (1906 г. р., украинка) – певица, актриса Украинского театра музыкальной комедии (г. Харьков);
5. Смирнов Дмитрий Васильевич (1903 г. р., русский) – баянист Ленинградской эстрады;
6. Мурадова Саняг Татамовна (1921 г. р., кумычка) – певица, солистка Дагестанского Радиокomiteта, член ВЛКСМ;
7. Страдэ Ольга Васильевна (1908 г. р., русская) – артистка Ленинградского Радиокomiteта;
8. Абасов Джабраил Рамазанович (1916 г. р., лакец) – «пехлеван», акробат и танцор из с. Цовкра Кулинского района;

9. Баринов Магомед Сулейманович (1907 г. р., аварец) – танцор из с. Хунзах;

10. Цветкова Евдокия Ивановна (1919 г. р., русская) – драматическая актриса Рыбинского театра;

11. Гутевич Богдан Петрович (1910 г. р., поляк) – актер Московского театра им. М. Ермоловой;

12. Умалатов Нурмагомед (1923 г. р.) – танцор [17, л. 39].

Кроме того, в творческую группу вошла певица и костюмер-парикмахер Камардина Надежда Андреевна (1921 г. р.). Впоследствии коллектив актеров почти полностью сохранился. Из его состава вышли несколько человек, в том числе артист Б. П. Гутевич, а перед самым отъездом на фронт – танцор Н. Умалатов. Заменить их в короткий срок не представлялось возможным. Это отразилось на качестве творческой программы театра, которую пришлось несколько видоизменить, потеряв при этом часть разнообразия [17, л. 27].

Первым директором фронтового театра был В. Д. Аллахвердов [17, л. 4]. Художественным руководителем и режиссером Фронтового театра назначили Александра Ивановича Платонова, который приехал в Махачкалу 30 декабря 1941 г. Под его руководством коллектив создал 3 концерта-спектакля и провел около 100 концертов (на фронте в воинских частях и в тылу в госпиталях) [17, л. 23, 27]. В ноябре 1942 г. директором и заведующим музыкальной частью театра стал выпускник Музыкального техникума им. Гнесиных, композитор и дирижер Николай Андреевич Иванов (1909 г. р.). Он являлся председателем Союза композиторов Дагестана и руководил оркестром Дагестанского радиокomiteта в г. Махачкале. Под руководством Н. А. Иванова фронтовой театр создал 3 концерта-спектакля и провел около 100 концертов в госпиталях, в тылу и на фронте. За время пребывания в ДАССР он провел большую работу по записи и обработке музыкального фольклора, собрал около 40 народных песен и написал большое число оригинальных произведений. В их числе «Дагестанский марш», написанный для симфонического оркестра, 7

«оборонных» песен на языках народов Дагестана, более 10 «оборонных» песен на русском языке, ряд обработок мелодий местных композиторов [17, л. 25].

Одновременно с формированием Фронтового театра шла подготовка первой концертной программы. 27 сентября 1942 г. коллектив выступил на общественном просмотре в театре г. Махачкалы и получил всеобщее одобрение [17, л. 27]. В дни празднования 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции коллектив вновь представил свою программу общественности республики. Репертуар театра составляли классические и советские патриотические произведения русской и дагестанской национальной музыки, одноактные пьесы и скетчи, танцы и акробатические номера. Артисты подготовили несколько концертных программ, которые давали возможность выступать без инвентаря и декораций [17, л. 34].

В отчете о работе Дагестанского фронтового театра за период с 1 сентября 1942 г. по 1 апреля 1943 г. Н. А. Иванов и А. И. Платонов назвали время с 27 сентября по 7 декабря 1942 г. «периодом становления коллектива, периодом создания ансамбля и выявления способностей каждого актера» [17, л. 27].

Артистам Фронтового театра порой приходилось рететировать до 1-2 часов ночи, поэтому директор театра В. Д. Аллахвердов обратился к начальнику Управления по делам искусств Р. Р. Разилову с просьбой о «содействии на получение пропусков» [17, л. 83]. Это было важно, так как в Махачкале был введен комендантский час, и по городу разрешалось ходить только до 10 ч вечера.

В условиях формирования Фронтовой театр провел в г. Махачкале и ближайших населенных пунктах (в радиусе 40-60 км) около 80 концертов, которые посмотрели десятки тысяч бойцов и командиров [16, с. 90-91; 17, л. 41]. Артисты работали в госпиталях и воинских частях, выезжали на концерты в любую погоду – в холод и дождь, на открытых машинах, выступали в поле, в землянках и сараях. Всюду они получали самую лучшую оценку. Одновременно коллектив готовился к выезду

на фронт и репетировал новые концертные номера. К началу декабря 1942 г. коллектив Фронтového театра, по словам его руководителей, «представлял собой сработавшийся, спаянный организм, приспособившийся к походам и передвижениям в условиях фронта» [17, л. 27].

Одна из программ Фронтového театра была специально посвящена Кавказу. В нее включили легенду «Шамиль», написанную дагестанским писателем Дмитрием Труновым, и стихотворение «Кавказ». Героическую тему продолжали произведения: «Песнь о Чапаеве» (музыка Анатолия Новикова, слова Самуила Болотина) и «Песня автоматчика» Н. А. Иванова. В заключение программы были скетчи «Рядовой Шульц» (авторы Н. Эрдман и М. Вольпин) [17, л. 34].

По договоренности с командованием 44-й армии, 8 декабря 1942 г. Дагестанский фронтový театр был направлен на фронт, где он должен был работать до 15 февраля 1943 г. [17, л. 28].

Первым пунктом назначения для артистов из Дагестана стала станица Николаевская на р. Терек. Сюда коллектив прибыл в составе 11 человек. Однако в первые же дни работы на фронте из его состава были Н. А. Камардина и В. Д. Аллахвердов, который потерял вещевую сумку, серьезно заболел и вынужден был вернуться домой в самом начале пути – 14 декабря из станицы Николаевской [17, л. 27 об., 44]. Фронтový театр остался в составе 9 человек: Н. А. Иванов, А. И. Платонов, В. П. Лекарев, Е. И. Цветкова, И. П. Базилевич, С. Т. Мурадова, О. В. Страдэ, Д. В. Смирнов, Д. Р. Абасов.

В фонде р-716 ЦГА РД сохранились письма директора Фронтového театра Н. А. Иванова (от 10.12.1942 г.) и его художественного руководителя А. И. Платонова (от 12.12.1942 г.) в адрес начальника Управления по делам искусств Дагестана Р. Р. Разилова. Они передают некоторые подробности бытовой жизни и организации работы Фронтového театра из Дагестана в первые дни пребывания в прифронтовой зоне, которые не вошли в официальные отчеты.

Н. А. Иванов и А. И. Платонов писали, что к месту назначения коллектив театра доехал благополучно. Всех разместили «по хатам как фронтовиков. Условия удовлетворительные, питание неплохое». В первый день «троим женщинам дали ватники и гимнастерки и двоим из них шинели» [17, л. 44]. Остальные артисты обмундирования не получили. В связи с этим Н. А. Иванов просил организовать снабжение бригады теплой одеждой и обувью. Он писал: «Грязь здесь невероятная и наши женщины чувствуют себя в своих туфельках плохо...» [17, л. 43].

Первые дни пребывания Фронтového театра в армии были отмечены «недоразумением» организационного характера. В письмах Р. Р. Разилову руководители коллектива из Дагестана отмечали, что их решили «лишить самостоятельности и превратить в бригаду Дома Красной армии» (ДКА), концертные номера которой были «очень низкого художественного качества» [17, л. 44]. Артистам из Дагестана был представлен новый руководитель – Роговой. Было сказано, что «директора бригады не будет, и по всем вопросам товарищи должны обращаться к нему, а товарищ Иванов будет заведовать музыкальной частью» [17, л. 42]. Руководители коллектива из Дагестана решили для начала включить в свою программу несколько номеров бригады Дома Красной армии. Это было сделано без предварительного просмотра. По словам А. И. Платонова, «в результате в концерте мы увидели танец-лубок очень низкого художественного качества». Самодеятельные выступления «резко отличались от номеров и качества исполнения наших артистов. Ансамбль был сразу нарушен» [17, л. 45]. Только после некоторой предварительной работы можно было бы включить номера бригады ДКА в общую программу. Н. А. Иванов, как директор коллектива, решил поговорить с начальником Дома Красной армии Беловым, чтобы на 2 концерта исключить новые номера из программы. Он напоминал о своей ответственности «перед партийным и советским руководством ДАССР» и настаивал на сохранении Даге-

станским фронтовым театром самостоятельности [17, л. 43].

11 декабря 1942 г. Дагестанский фронтовой театр начал практическую работу – провели 2 концерта. На 12 декабря был запланирован выезд на командный пункт, где коллектив из Дагестана в течение 2-3 дней должен был дать 4-5 концертов. После этого артисты получили «план выездов на передовые позиции, в первый эшелон» [17, л. 43].

Одновременно с выездом Дагестанского фронтового театра началось наступление советских войск на Северном Кавказе. Поэтому творческий коллектив находился в состоянии постоянного передвижения. Начиная от г. Моздока, он шёл в первом эшелоне. За первые 15 дней пребывания на фронте Фронтовой театр преодолел свыше 200 км пути и дал более 15 концертов. Первая длительная остановка была в разрушенной фашистами станции Ищерской. Здесь коллектив театра смог дать 26 концертов: по 2-3 выступления в день [17, л. 34].

За время работы на фронте художественный коллектив из Дагестана приобрел среди бойцов и командиров много друзей, которые высоко оценили творческое мастерство артистов и мобилизующую силу искусства. Так, капитан П. Л. Тимощенко – командир подразделения, где коллектив выступал с концертом, писал о Фронтовом театре: «С чувством признательности, с радостью я берусь писать вам, нашим друзьям, людям, несущим культуру, современность и радость к нам на передовые позиции. Я полюбил вас за глубоко продуманное и прочувствованное творчество, лишённое схематичности...» [16, с. 321; 17, л. 34].

Условия, в которых работала бригада, требовали моральной устойчивости, большой физической выносливости и крепости организма. Серьезные трудности для работы представляли постоянные передвижения в зимних условиях на открытых машинах, выступления в полевых условиях – на открытом воздухе и в разрушенных помещениях, ночевки в

неотапливаемых хатах, а иногда на земле под открытым небом (например, в станице Ищерской). Все это могло повлечь простудные явления и временную потерю трудоспособности. Однако в коллективе было зафиксировано лишь два случая серьезных заболеваний: О. В. Страдэ по болезни вышла из строя на 5 дней; И. П. Базилевич в пути тяжело заболела, но отказалась вернуться и мужественно продолжала работать до 30 января 1943 г. Когда г. Ворошиловск был освобожден советскими войсками, она поехала увидеться с матерью, которая оставалась в городе во время оккупации. В результате, с 30 января 1943 г. до конца пребывания на фронте бригада работала в составе 8 человек, сократив программу до минимума. Артисты мужественно переносили все тяготы работы в зимних условиях и за 3 месяца провели 94 концерта [17, л. 27]. Кроме того, Фронтовой театр организовал представления для гражданского населения в освобожденных городах и поселках.

21 января 1943 г. начальник политотдела 44 армии полковник А. Г. Жариков от лица командования обратился к председателю СНК ДАССР А. Д. Даниялову и секретарю Дагестанского обкома ВКП (б) А. М. Алиеву с просьбой продлить срок пребывания театральной бригады на фронте до 20-й годовщины Красной Армии [17, л. 27].

Коллектив Фронтового театра из Дагестана закончил свой путь западнее г. Ростова-на-Дону, на железнодорожной станции Синявка (Синявская). Вместе со стремительно наступающими частями Красной армии он прошел огромный путь в 1 100 км. Военный Совет 44 армии высоко оценил работу коллектива. В 1943 г. в связи с празднованием 25-й годовщины Красной Армии все члены художественно-фронтовой бригады были награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР, а пять человек: В. Н. Лекарев, С. Г. Мурадова, Е. И. Цветкова, Д. Р. Абасов и А. А. Платонов – медалями «За боевые заслуги» [15, с. 442; 16, с. 321]. Дагестанское правительство также

высоко оценило работу фронтового театра и наградило весь коллектив Почетной грамотой Верховного Совета ДАССР, а В. Н. Лекарева, В. Д. Аллахвердова, А. А. Платонова, С. Г. Мурадову и Д. Р. Абасова – отдельно Почетными грамотами.

В послевоенные годы многие участники Дагестанского фронтового театра про-

должили профессиональную деятельность в разных театрах страны. Валерию Петровичу Лекареву и Саният Татамовне Мурадовой было присвоено почетное звание Народного артиста РСФСР, Евдокии Ивановне Цветковой – почетное звание Заслуженной артистки РСФСР, Инне Петровне Базилевич – Заслуженной артистки УССР (рис. 1-4).

Рис. 1. Валерий Петрович Лекарев (1909-1971) – советский актёр театра и кино, народный артист РСФСР (1963 г.), был награжден медалями. После возвращения в 1943 г. в Москву работал в Театре сатиры, а с 1946 г. – в Театре им. М. Н. Ермоловой, с 1949 г. – выступал на эстраде.
Fig. 1. Valery P. Lekarev (1909-1971), Soviet theater and film actor, People's Artist of the RSFSR (1963), was awarded medals. After returning to Moscow in 1943, he worked at the Satire Theater, and from 1946 – at M. N. Yermolova Theater, and from 1949 – he performed on stage.

Рис. 2. Саният Татамовна Мурадова (1924-1992) – советская и российская театральная актриса, народная артистка РСФСР (1981); до конца Великой Отечественной войны работала во фронтовом театре в составе 44-й армии Северо-Кавказского фронта, награждена орденами и медалями, в 1944 г. успешно завершила учёбу в ГИТИС е им. А. В. Луначарского в Москве; до 1992 г. играла в Дагестанском кумыкском музыкально-драматическом театре.
Fig. 2. Saniyat T. Muradova (1924-1992), Soviet and Russian theater actress, People's Artist of the RSFSR (1981); until the end of the Great Patriotic War she worked in the front-line theater as part of the 44th Army of the North Caucasian Front, was awarded orders and medals, in 1944 she successfully completed her studies at A. V. Lunacharsky GITIS in Moscow; until 1992 she played in Dagestan Kumyk Musical and Drama Theater.

Рис. 2. Евдокия Ивановна Цветкова (1919-1996) – заслуженная артистка РСФСР (1972); награждена орденом Отечественной войны 2-й степени и медалью «За оборону Кавказа», после окончания Великой Отечественной войны вернулась в г. Рыбинск, с 1960 г. была актрисой Великолукского драматического театра.

Fig. 2. Evdokia Ivanovna Tsvetkova (1919-1996), Honored Artist of the RSFSR (1972); awarded the Order of the Patriotic War, 2nd degree, and the medal “For the Defense of the Caucasus”. After the end of the Great Patriotic War, she returned to Rybinsk, and from 1960 she was an actress at the Velikiye Luki Drama Theater.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны важную работу по поддержанию морального духа бойцов Красной армии и тружеников тыла проводили работники культуры и искусства. В августе 1942 г. творческие работники Дагестана поддержали патриотическую инициативу и организовали фронтовую бригаду, которая получила название «Фронтowej театр эстрады и миниатюр». В его состав вошли работники искусств разных жанров и национальностей. В состав бригады вошли представители творческих коллекти-

Рис. 3. Инна Петровна Базилевич (1906-1990) – заслуженная артистка УССР (1951), после окончания Великой Отечественной войны в 1945-1968 гг. работала в Ивано-Франковском областном музыкально-драматическом театре.

Fig. 3. Inna P. Bazilevich (1906-1990), Honored Artist of the Ukrainian SSR (1951), after the end of the Great Patriotic War in 1945-1968 she worked at Ivano-Frankivsk Regional Musical and Drama Theater.

вов республики и артисты, эвакуированные в Дагестан из разных городов страны. Репертуар нового художественного коллектива был составлен из русской и дагестанской музыки, одноактных пьес и танцев, акробатических номеров, коротких сценок и т. д. Фронтowej театр провел на фронте около 3-х месяцев и дал около 100 концертов. С творчеством Дагестанской фронтowej бригады познакомились десятки тысяч зрителей, которые высоко оценили мастерство артистов.

Список литературы

1. Федосеева Л. Ю. О шефской работе художественной интеллигенции над частями Красной Армии в 1930-е годы (на материалах Средней Волги) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 1074-1078.
2. Фахретдинова И. И. Фронтные концертные бригады в годы Великой Отечественной войны // Colloquium-journal. 2020. № 8 (60). С. 64-65.
3. Дмитриев Ю. А., Хайченко Г. А. История русского и советского драматического театра (от истоков до современности). М.: Просвещение, 1986. 160 с.
4. Лексин В. Н. Великая культура великой войны // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 3. С. 64-83.
5. Таиров Н. И. Из истории фронтовых концертных бригад Татарстана // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А. Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 347-352.
6. Амрахов М. И. Культура Азербайджана в годы Второй мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2. С. 9-18.
7. Ефимова Н. Г., Бочкарева А. С. Грузинская литература и искусство в годы Великой Отечественной войны: к проблеме историко-культурного наследия // Научные труды КубГТУ. 2015. № 7. С. 5-9.
8. Панарин А. А., Панарина Е. В. Творческая деятельность театров Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 2. С. 148-157.
9. Яндарова С. Х. Перестройка научных, образовательных и культурно-просветительских учреждений ЧИАССР в период Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2016. № 6. С. 79-81.
10. Мирзабеков М. Я., Ананьева Е. С., Юнаева В. Д. Культура дагестанского города XX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 384 с.
11. Культурное строительство в Дагестанской АССР: сборник документов. 1941-1977. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1988. 460 с.
12. Каймаразова Л. Г. Культурное строительство в Дагестане. 1940-1960 гг. (Источниковедческий анализ документов ЦГА РД) / ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала: ИП Овчинников, 2009. 280 с.

References

1. Fedoseeva LYu. On the patronage work of the artistic intelligentsia over Red Army Units in the 1930s (based on materials from the Middle Volga). *Izvestiya Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. V. G. Belinskogo. Gumanitarnye Nauki*. 2012(27):1074-1078.
2. Fakhretdinova II. Frontline concert brigades during the Great Patriotic War. *Colloquium-journal*. 2020(8(60):64-65.
3. Dmitriev YuA, Khaichenko GA. History of Russian and Soviet Drama Theater (from origins to the present). Moscow: Prosveshchenie, 1986:160.
4. Leksin VN. The great culture of the Great War. *Kontury Global'nykh Transformatsiy: Politika, Ekonomika, Pravo*. 2015(3):64-83.
5. Tairov NI. From the history of frontline concert brigades of Tatarstan. *The Great Patriotic War of 1941-1945 in the Fates of Peoples and Regions: A Collection of Articles*. A. Sh. Kabirov (ed.). Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2015:347-352.
6. Amrakhov MI. The culture of Azerbaijan during the Second World War. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*. 2005(2):9-18.
7. Efimova N. G., Bochkareva A. S. Georgian literature and art during the Great Patriotic War: on the problem of historical and cultural heritage. *Nauchnye Trudy KubGTU*. 2015(7.):5-9.
8. Panarin AA, Panarina EV. Creative activity of theaters of the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Vestnik Armavirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2022(2):148-157.
9. Yandarova SKh. Restructuring of scientific, educational and cultural institutions of the Chechen-Ingush ASSR during the Great Patriotic War. *Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kul'tura*. 2016(6):79-81.
10. Mirzabekov MYa, Ananyeva ES, Yunaeva VD. Culture of a Dagestan city of the 20th century. Makhachkala: IHEA DSC RAS, 2007;384.
11. Cultural construction in the Dagestan ASSR: Collection of documents. 1941-1977. Makhachkala: Dagestan Book Publ., 1988:460.
12. Kaimarazova LG. Cultural construction in Dagestan. 1940-1960 (source study analysis of documents of the Central State Archive of the Republic of Dagestan). IHEA DSC RAS. Makhach-

13. Искусство Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945: Очерки истории. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1984. 160 с.

14. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 260-р. Оп. 42. Д. 19.

15. Османов А. И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. Книга 2. Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2007. 622 с.

16. Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. От времени присоединения к России до наших дней. М.: Наука, 1971. 475 с.

17. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. р-716. Оп. 7. Д. 22.

kala: IP Ovchinnikov, 2009:280.

13. Art of Dagestan during the Great Patriotic War 1941-1945: Essays on History. Makhachkala: Dagestan Book Publ., 1984:160.

14. Central State Archives of the Republic of Dagestan (CSA RD). Fund 260-r. list 42. Case 19.

15. Osmanov Al. Dagestan in the 20th century: Historical experience of regional development. In 2 Books. book 2. sociopolitical Life and Sociocultural Development of the Peoples in Dagestan. Makhachkala: OOO DINEM, 2007:622.

16. Kaimarazov GSh. Essays on the cultural History of the peoples in Dagestan. From the time of annexation to Russia to the present day. Moscow: Nauka, 1971:475.

17. Central State Archives of the Republic of Dagestan (CSA RD). Fund r-716. List 7. Case 22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Суздальцева Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, s.iren.a2010@mail.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025
Одобрена после рецензирования 25.11.2025
Принята к публикации 22.12.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Irina A. Suzdaltseva, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of General History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, s.iren.a2010@mail.ru

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 23.09.2025
Approved after reviewing 25.11.2025
Accepted for publication 22.12.2025

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Литературоведение / Literature studies

Оригинальная статья / Original Article

УДК: 821.351.32

DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-34-38

EDN: DVVJLW

Сюжетно-композиционные особенности повестей А. Гаджибрагимова «Сто дорог – одна правда» и «Перед свадьбой»

© 2025 Ашурбеков А. А. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, ashurbekovfdf@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Цель. Статья посвящена изучению сюжетно-композиционных особенностей повестей табасаранского писателя А. М. Гаджибрагимова «Сто дорог – одна правда» и «Перед свадьбой». **Метод.** Историко-типологический, сравнительно-исторический. **Результаты.** Рассматривается сюжетно-композиционное своеобразие повестей, составляющих дилогию. **Выводы.** Анализ повестей показывает, что вторая повесть продолжает сюжетную линию первой части и расширяет идейно-тематическую сторону дилогии.

Ключевые слова: табасаранская литература, сюжет, композиция, повесть, жанр, дилогия.

Формат цитирования: Ашурбеков А. А. Сюжетно-композиционные особенности повестей А. Гаджибрагимова «Сто дорог – одна правда» и «Перед свадьбой» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3-4. С. 34-38. DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-34-38. EDN: DVVJLW

Plot and Compositional Features of the Stories by A. Gadzhiibragimov “One Hundred Roads – One Truth” and “Before the Wedding”

© 2025 Alibek A. Ashurbekov ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, ashurbekovfdf@mail.ru ✉

ABSTRACT. Aim. The paper examines the plot and compositional features of the stories by Tabasaran writer A. M. Gadzhiibragimov “One Hundred Roads – One Truth” and “Before the Wedding”. **Method.** Historical-typological and comparative-historical. **Results.** The plot and compositional uniqueness of the stories that make up the dilogy is examined. **Conclusions.** Analysis of the stories shows that the second story continues the plotline of the first part and expands the ideological and thematic aspects of the dilogy.

Keywords: Tabasaran literature, plot, composition, story, genre, dilogy.

For citation: Ashurbekov AA. Plot and Compositional Features of the Stories by A. Gadzhiiibragimov “One Hundred Roads – One Truth” and “Before the Wedding”. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2025;19(3-4):34-38. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-34-38. EDN: DVVJLW

Введение

Как известно, дагестанская литература, как и многие национальные литературы народов РФ, во второй половине XX в. вышла на новый качественный уровень своего развития, одним из критериев которого явился возросший уровень национальной прозы, в частности повести и романа. В конце 50-х гг. прошлого века в истории табасаранской национальной литературы появились первые произведения среднего и крупного эпических жанров [1, с. 153; 2, с. 26]. 1960-1980 гг. по праву считаются годами расцвета в литературном процессе табасаранов. Табасаранская литература этих лет представлена всеми основными жанрами словесного искусства.

Абакар Муталимович Гаджиibraгимов (1930) находится в числе табасаранских писателей, внесших свой вклад в развитие родной литературы, в эти годы обратившихся к жанру повести. Его творческое наследие составляет небольшое количество стихотворений, публицистических очерков, рассказов и повестей. Именно благодаря своим рассказам и повестям, в том числе включенным в школьную программу и опубликованным на страницах районных и республиканских периодических изданий (газеты «Голос Табасарана», «Зори Табасарана» и альманах «Литературный Табасаран»), он получил признание табасаранского читателя.

Становление и развитие прозаического мастерства А. Гаджиibraгимова происходило на его родине – в Табасаране, сохранившем свои самобытные национальные традиции. Эти традиции явились основной питательной средой для его произведений, воссоздающих табасаранский национальный колорит. В этом плане несомненный интерес представляют его повести.

Материалы и методы исследования

А. Гаджиibraгимов является автором трех повестей: «Варж рякъ – саб гьякъ»

(«Сто дорог – одна правда») (1984), «Сумчрин улихъ» («Перед свадьбой») (1989) и «Къисмат» («Судьба») (1992). Ранее повесть «Судьба» становилась объектом нашего исследования на предмет выявления элементов свадебного обряда как литературного первоисточника [3, с. 16-19]. Поэтому в данной статье рассмотрим сюжетно-композиционные особенности двух остальных повестей табасаранского писателя, которые до сих пор не стали объектом специального исследования.

Отметим сразу: первые две повести, как и третья, посвящены изображению социальной жизни табасаранов конца XIX – начала XX в. Выбор двух повестей этого писателя в качестве объекта исследования связан и с тем, что они составляют дилогию. В литературоведении дилогией называется «два романа или драматических произведения, связанных между собой общностью сюжета, действующих лиц» [4, с. 231]. Из данного определения следует, хотя жанр повести не указывается в формулировке, что два произведения, составляющие дилогию, характеризуются общим замыслом и преемственностью сюжета, одними и теми же персонажами, следовательно, общим временем и местом действия. Также отметим, что произведения должны быть написаны одним автором и обладать сюжетно-композиционной самостоятельностью. Этим требованиям вполне соответствуют созданные в духе советской идеологии повести А. Гаджиibraгимова «Сто дорог – одна правда» и «Перед свадьбой» [5].

Результаты и их обсуждение

Повесть «Перед свадьбой» является продолжением повести «Сто дорог – одна правда» и в ней принимают участие те же действующие лица, что и в предыдущей. Главная сюжетная линия дилогии, связанная с женитьбой Кадыра, находит свое логическое завершение лишь в конце второй повести. Итак, основу сюжета дилогии по-

вестей А. Гаджибрагимова составляют события от сватовства и свадьбы Кадыра и Сейбат, занимающие во временном отношении восемь лет.

В начале повести «Сто дорог – одна правда» бедняк Махмуд сватает за своего сына Кадыра Сейбат, дочь такого же бедняка, как и он сам. Все шло к скорой свадьбе, однако Мирзабала, отец девушки, попросил в качестве калыма за свою дочь неподъемную для стороны жениха сумму денег, в результате чего Махмуд вынужден был отложить свадьбу сына и податься в отходники. Далее писатель описывает происходящие в жизни главного героя Кадыра события, призванные подробно описать тяжелое социальное положение отходников: это случай с горским евреем после работ на рыбных промыслах, тяжелое заболевание малярией во время работ на Гайдарбека, пропажа буйволов богача Асланбека, пасущих Кадыром и др. В конце концов, не выдержав всего этого, Кадыр со своим другом уезжает на нефтяные промыслы в Баку. После этого сюжетная линия, связанная женитьбой Кадыра, выпадает из поля зрения писателя и возникает новая – история любви младшего брата Кадыра, Усмана, и единственной дочери сельского богача Султанбека Ширинатханум. На трагической развязке этой сюжетной линии и завершается первая повесть.

Повесть «Перед свадьбой», являющаяся продолжением предыдущей, начинается с описания тяжелого социального положения наемных рабочих на нефтяных промыслах, среди которых находились Кадыр и Керим. По своим художественным особенностям данная повесть превосходит предыдущую. В повести «Перед свадьбой», появившейся на свет спустя пять лет после выхода первой повести, нетрудно заметить выросшее мастерство табасаранского прозаика. В отличие от повести «Сто дорог – одна правда», «Перед свадьбой» имеет единый сюжет. Диалоги в ней становятся четче и лаконичнее. Во второй повести также больше внимания уделяется роли персонажей в развитии событий: если в первом произведении доминирующую роль играет событие-ситуация, а главный герой всего лишь очевидец про-

исходящего, то во второй повести Кадыр становится активным участником описываемых событий.

В отличие от первой повести в ней предпринята попытка описания внутреннего состояния героев. Основными приемами изображения внутреннего мира персонажей являются авторские психологические характеристики и внутренняя речь, с помощью которой выявляются потаенные переживания героев произведения. Сказанное легко подтвердить, проанализировав эпизод возвращения темной ночью Кадыра с заработок в отчий дом. Именно с помощью упомянутых приемов автор пытается раскрыть душевное состояние главного героя, узнавшего о смерти младшего брата и отца от рук сельского богача Султанбека.

Разговор Кадыра с матерью проходит в социальном русле. Тяжелое материальное положение, социальное неравенство, бесчинство местных властей являются, по мнению автора, причиной всех бед, постигших семью Махмуда и Кемсер. Вернувшийся вместе с другими отходниками в родное село после временного падения советской власти в г. Баку, Кадыр становится пропагандистом идеи социализма. Он уже не посторонний наблюдатель, каким был в первой части, а самый активный участник. Сюжет повести строится на событиях, главным героем которых является Кадыр.

Дальнейшее повествование посвящено показу борьбы Кадыра против местной власти и служителей религии. Такая борьба приводит его к большевикам и Кадыр становится самым активным членом революционной ячейки в ауле. Убедительно показать путь становления Кадыра как большевика, к сожалению, автору не удалось. Его внимание больше сосредоточено на изображении той среды, которая воспитала и сформировала его как личность. Тяжелое материальное положение, бесчинство местной верхушки, зависимость от обычаев и традиций и другие несправедливости, с которыми сталкивается главный герой дилогии, наслаивая один на другой, усиливают социальный протест против существующего порядка, и на

этом фоне автор предпринимает попытку показать формирование у главного героя революционного сознания. С работ на нефтяных промыслах, куда он вынужден был уехать после неудачной попытки убийства кровника Султанбека, Кадыр возвращается уже сформировавшейся личностью. Он хорошо разбирается в складывающейся общественно-политической ситуации в стране и сразу же по возвращению ведет активную пропагандистскую деятельность среди сельчан.

Однако сам путь становления Кадыра-большевика показан автором неубедительно. Главному герою достаточно пойти на бакинский рынок или в чайхану в г. Баку и послушать слухи о скором приходе к власти большевиков, как он становится ярким сторонником революции.

Диалогия завершается свадьбой Кадыра и Сейбат, сватовство которых длилось восемь лет. Торжественные мероприятия проходят в новом двухэтажном доме, построенном всем селом на месте отчего дома Кадыра, сожженного по приказу сельского богача Султанбека.

События, связанные со свадьбой, придают рассматриваемому произведению композиционную цельность и завершенность. Подготовка к свадьбе в диалогии А. Гаджибрагимова – закономерный и значимый эпизод, способствующий развитию сюжета произведения. Именно подготовка к свадьбе, точнее желание ее сыграть, позволяет обнаружить все стороны социального конфликта и обнажить его болевые точки.

Свадьба – кульминация и развязка диалогии, которые в данном произведении совпадают. Кульминация в повестях не ярко выражена в силу особенности сюжетной основы.

Переход власти в руки социалистически настроенного слоя населения и уничтожение старой власти в повести совпало со свадьбой. В этом плане символичны слова Керима, высказанные на свадьбе своего лучшего друга: «С сегодняшнего дня все свадьбы, которые будут проходить в нашем селе, будут такими же веселыми и свободными. В стране началась новая эпо-

ха, новая жизнь. Сегодняшняя радость останется навсегда, сельчане!» [6, с. 135]. Такими словами завершается диалогия повестей А. Гаджибрагимова.

Подробного описания свадьбы в произведении тоже нет. Видимо, автор считал, что детальный и глубокий показ событий, предшествующих свадьбе, позволят читателю самому домыслить картину долгожданного торжества. Описание сцены свадьбы и не входило в планы автора, о чем свидетельствует название второй повести. Для изображения тяжелой участи горцев требовалось подробное описание их жизненного уклада с целью заставить читателя проникнуться к ним сочувствием. Поэтому А. Гаджибрагимов описывает сцену сватовства со всеми этапами подготовки традиционной свадьбы, а мимоходом, вскользь, как развязку – свадьбу. Подготовка к свадьбе способствует тому, что автору удастся раскрыть образ главного героя повести, выявить особенности социального конфликта, заострить внимание читателя на том, что дореволюционный строй полон горем, состраданием и несправедливостью, и разрушает нравственные устои семьи и общества.

Заключение

Таким образом, в сюжетно-композиционной структуре диалогии повестей действие развивается в двух планах – социально-бытовом и политическом. Диалогия имеет хроникальный тип сюжета, состоящий из эпизодов о тяжелой и бесправной жизни дореволюционного горского аула. Подобные типы сюжета чаще предполагают временную связь между событиями, описанными в произведении. В нашем случае такой временной промежуток между началом и завершением повестей составляет восемь лет.

В художественном отношении вторая повесть выгодно отличается от первой. Хотя эти две части обладают некоторой степенью самостоятельности, вторая повесть безусловно не воспринимается вне сюжета первой части. Подготовка к свадьбе является сюжетно-композиционной связкой, укрупняющей повестийный материал путем диалогизации.

Повесть «Перед свадьбой» свидетельствует о росте мастерства А. Гаджибрагимова в изображении характера героя. Если главные герои первой части являются тиличными представителями дореволюционного мира, лишенных индивидуальных черт, то во второй части

многие герои, в первую очередь, главный герой Кадыр – индивидуализирован, хотя описание становления характера в связи с изображаемыми событиями и показ формирования в нем революционного сознания оставляют желать лучшего.

Список литературы

1. Юсуфов М. Г. Табасаранская национальная литература. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. 227 с.
2. Ахмедов С. Х. Обогащение жанровой системы дагестанской прозы // Жанры советской художественной прозы народов Дагестана: сборник статей. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАНД, 1987. С. 8-24.
3. Ашурбеков А. А. Свадебный обряд как литературный первоисточник в повести А. Гаджибрагимова «Судьба» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 16-19.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий // под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001.
5. Гаджибрагимов А. М. Сто дорог – одна правда. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1984. 100 с. (На табасаранском языке)
6. Гаджибрагимов А. М. Перед свадьбой. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. 135 с. (На табасаранском языке)

References

1. Yusufov MG. Tabasaran National Literature. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1994:227. (In Russ)
2. Akhmedov SKh. Enrichment of Dagestan prose genre system. Genres of Soviet fiction of Dagestan peoples: Collection of papers. Makhachkala: G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Center, RASD, 1987:8-24. (In Russ)
3. Ashurbekov AA. Wedding ceremony as a literary primary source in A. Gadzhiibragimov's story "Fate". Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2018(3):16-19. (In Russ)
4. Nikol'yukina A. N. (ed.) Literary encyclopedia of terms and concepts. Moscow: Intelvak, 2001. (In Russ)
5. Gadzhiibragimov AM. One Hundred Roads – One Truth. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1984:100. (In Tabasaran)
6. Gadzhiibragimov M. Before the Wedding. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1989:135. (In Tabasaran)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Ашурбеков Алибек Акимович, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанской литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, ashurbekovfdf@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025
Одобрена после рецензирования 25.11.2025
Принята к публикации 30.12.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Alibek A. Ashurbekov, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Dagestan Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, ashurbekovfdf@mail.ru

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 16.09.2025
Approved after reviewing 25.11.2025
Accepted for publication 30.12.2025

Литературоведение / Literature studies

Оригинальная статья / Original Article

УДК: 82-3

DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-39-45

EDN: JCPWIF

Драматургия А. П. Чехова как новая форма отражения действительности

© 2025 Кукуева А. А. ✉, Юсупова П. Дж.

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, zhazigalka@yandex.ru ✉, yazik-kultura@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Целью настоящей статьи является изучение вопроса отражения и воплощения структурной и проблемной новизны как новой формы освоения действительности конца XIX в. в драматургии А. П. Чехова. **Методы.** Главными методами в исследовании указанной проблемы являются историко-культурный, описательный. **Результаты.** Из предыдущего анализа установлено, что проблеме новых форм драматургии Чехова посвящено немало исследований, тем не менее, в последнее время остро ощущается ее неразработанность в контексте творческого спора о человеке в условиях выбора перед новыми экзистенциальными угрозами общества. **Вывод.** В статье утверждается мысль об исключительности новых форм освоения окружающей действительности Чеховым, создавшим новый театр и нового героя; о большой глубине этого дискурса в аспекте духовных поисков интеллигенции всех времен.

Ключевые слова: Чехов, драматургия, «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад», К. Станиславский, чеховский подтекст, Россия, «пошлость пошлого человека», дворяне, интеллигенция.

Формат цитирования: Кукуева А. А., Юсупова П. Дж. Драматургия А. П. Чехова как новая форма отражения действительности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3-4. С. 39-45. DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-39-45. EDN: JCPWIF

A. P. Chekhov's Drama as a New Form of Reflecting Reality

© 2025 Asiyat A. Kukueva ✉, Patimat Dzh. Yusupova

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, zhazigalka@yandex.ru ✉, yazik-kultura@mail.ru

ABSTRACT. The aim of the paper is to examine the reflection and embodiment of structural and problematic novelty as a new form of assimilating late 19th-century reality in A. P. Chekhov's drama. **Methods.** The primary methods used in studying this problem are historical, cultural and descriptive. **Results.** The preceding analysis established that the problem of new forms in Chekhov's drama has been the subject of considerable research. However, recently, its underdevelopment has become acutely felt in the context of the creative debate about man in the face of choice in the face of new existential threats to society. **Conclusion.** The paper asserts the exceptional nature of Chekhov's new forms of assimilating reality, creating a new theater and a new hero; and the great depth of this discourse in relation to the spiritual quest of the intelligentsia of all times.

Keywords: Chekhov, drama, "The Seagull", "Three Sisters", "The Cherry Orchard", K. Stanislavsky, Chekhov's subtext, Russia, "the vulgarity of a vulgar man", nobility, intelligentsia.

For citation: Kukueva AA, Yusupova PD. A. P. Chekhov's Drama as a New Form of Reflecting Reality. *Daghestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2025;19(3-4):39-45. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-39-45. EDN: JCPWIF

Введение

К моменту появления в русской литературе А. П. Чехова, театр русской драмы уже был возведен и стоял надежно и прочно. Главной темой чеховского театра становится разобщенность людей и общества как трагическое состояние нынешней жизни.

Герои Чехова постоянно говорят о будущем, о прекрасной жизни, которая начнется когда-то потом («через двести, триста лет»). Но они неспособны действовать в настоящем. Это порождает чувство глубокой тоски, скуки и экзистенциальной грусти (русская тоска).

К концу XIX в. сформировались общие особенности драматургии Чехова: внимание к разобщенности людей и общества в целом как отражение трагического положения жизни и судьбы человека в России, нереализованности его возможностей.

Материал и методы исследования

Авторами изучается вопрос отражения и воплощения структурной и проблемной новизны драматургии конца XIX в. в творчестве А. П. Чехова. Главными методами в исследовании указанной проблемы являются историко-культурный, описательный. Для изучения данной проблемы автор обратился к таким пьесам Чехова, как «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад».

Результаты и их обсуждение

Можно выделить общие характерологические особенности чеховской драмы: персонажи говорят друг с другом, но не слышат. Они произносят монологи в пустоту. Классический пример – финал «Вишневого сада», где плачущая Любовь Раневская и утешающий её брат Гаев не замечают, что оставили в запортом доме старого слугу Фирса.

Чехов идет по пути разрушения родовых признаков драматического произведения: отсутствие стремительного разви-

тия действия, открытых коллизий, резко обозначенных конфликтов; ослабление фабулы, соответствие ритма события поведению и духу пассивных героев, которые не изменяют обстоятельств, а сами подчиняются им. Повседневная жизнь в его тексте проявляется как она есть в бытовом течении, в «домашних» разговорах, в будничных отношениях. События разворачиваются в одном месте и в небольшом временном пространстве. Чехов ломает традиции русской классической драмы (где был четкий сюжет, интрига, злодей и герой). Его пьесы построены на иных принципах драматургии.

Новые формы драматургии А. П. Чехова характеризуются отсутствием «открытых коллизий» и «резких конфликтов». Конфликт у А. П. Чехова не между людьми, это конфликт человека с жизнью, с самим собой, со временем. Вместо дуэлей и ссор в центре – интриги, невысказанные обиды, недоразумения, молчание. Ссоры происходят «на бытовом уровне» (как, например, ссора Прозорова и Наташи в «Трёх сёстрах»).

Сюжет у Чехова часто заменяется «настроением». Зритель следит не за цепью событий, как в традиционной драме, а за развитием определенного эмоционального состояния. Действие замедляется, концентрируется, важные события (пожар в «Лешем», продажа имения в «Вишнёвом саду», дуэль в «Трёх сёстрах») происходят за сценой, выносятся за границы сценических подмостков. Чехов показывает жизнь в её рутинном, будничном течении. Герои едят, пьют, играют в карты, ведут светские диалоги, пока рушатся их судьбы и имения.

Это создает тот самый знаменитый «эффект подтекста». Самое главное у Чехова скрыто под поверхностью быта. Это так называемый Чеховский айсберг. Герои думают одно, а говорят и действуют ина-

че. Истинный смысл заключается не в словах, а в паузах, многозначительных взглядах и мельчайших деталях. К. Станиславский разработал специальную систему актерской игры, основанной на передаче этого подтекста. «Авторская мысль, авторская оценка, не будучи высказана в декларативных ремарках или резонерских речах героев, «разлита» по всему тексту» [1].

Суть драматургической реформы А. П. Чехова заключается в том, что он перемещает фокус с внешнего действия на внутренний мир человека, с громких страстей – на тихую, но оттого не менее страшную, драму повседневности. Его пьесы – это не про то, «что случилось», а про то, «что чувствуют герои» и почему, обладая всем для счастья (любовью, умом, талантом, ресурсами), они не могут его обрести. Это и делает творчество последнего русского писателя таким современным и психологически глубоким.

Важнейшими особенностями поэтики драмы А. П. Чехова является расширение сценической площадки, удлинение времени за счет лаконично, «мимоходом» сообщенных сведений о прошлом из жизни героев, их связей с невидимыми «внесценическими» персонажами. Самые важные события в драме происходят за сценой (по аналогии с тем, как незримо в жизни «складывается их счастье, разбиваются их жизни»).

«Чайка» (1896), написанная в русле новой эстетики драматургии – пьеса вопросов, запутанных отношений между людьми, неразрешенности любовных коллизий («пять пудов любви»). Для нее характерны многоуровневая символика и многозначность заголовка, самого образа чайки.

Аллегорический смысл образа озера («колдовское») и театральной эстрады, идущей на слом – соответствуют надеждам Трешлева и Нины. Внутренняя тема пьесы затрагивает проблему обновления искусства и театра.

Первый уровень образа «колдовское озеро» соответствует вечной природной красоте и искусству. Оно существовало до

всех героев, и будет существовать вечно, выступая источником вдохновения, томления, мечтаний и тайн. На его фоне разворачиваются основные события пьесы: первая пьеса Трешлева, объяснения в любви, отъезд и возвращение Нины Заречной. Оно «колдовское» еще и потому, что завораживает, может обмануть. Его красота манит, но может оказаться и губительной (как надежда Трешлева на любовь и признание). Третий уровень символизирует зеркало души. Оно меняется: от состояния спокойствия, лунной безмятежности – до бурного, часто отражая внутреннее состояние героев.

Театральная эстрада в пьесе – это символ старого, отжившего искусства, которое остро нуждается в новых формах и методах отражения действительности. Трешлев строит его для своего новаторского спектакля, который становится и местом его провала. Надежды его разбиваются о непонимание и косность окружающих (в лице Аркадиной). Эстрада в пьесе символизирует также огромную дистанцию между зрителем и художником. Она физически отделяет Трешлева-творца от его аудитории, которая его не принимает. Это демонстрация конфликта новатора и консервативной публики.

Выявление характеров, максимальных возможностей человека, обострение конфликта в обычных событиях («приехали – уехали», но и многое изменили в мыслях, душевном состоянии окружающих) – концентрировано сдвинуты в пьесе. «Вспышки», «бунты» Нины Заречной и Константина Трешлева, обнажающие «ненормальность» повседневной жизни, до сих пор не видимой самим героям, становятся лейтмотивом всей пьесы. Судьба героев, связанная с поисками себя в искусстве, требующими много сил, страданий и потерь («Умей нести свой крест и веруй!») – мотивный компонент драматического зерна.

Чехов исследует идею о том, что настоящее искусство и самореализация требуют аскетического подвижничества, готовно-

сти к одиночеству и страданию. Успех (как у Тригорина) или неудача (как у Треплева) не так важны, как внутренняя сила духа, позволяющая, как Нине, даже в неудаче найти своё призвание и смысл. «Чайка» – это пьеса не только об искусстве, но и о цене, которую платит художник за право творить.

Эмоционально насыщенная атмосфера (лирические пейзажи, финалы актов и всей пьесы, поэтичная речь героев) и незавершенность действия как открытость в жизнь – своего рода проявление веры автора в будущее, доверия к человеку, ищущему не догматических решений и путей изменения исчерпавшей себя грубой, костной жизни.

В пьесе «Дядя Ваня» (1897) – «сцены», раскрывающие трагедию неизменности, двигают сюжет. В центре повествования судьбы главных персонажей – Войницкого, Астрова, Елены Андреевны, Сони. Жизнь, принесенная в жертву «идолу», какие бы облики он ни принимал. Реальность в пьесе осознаётся как ошибка, несообразность, делающая людей хуже, чем они могли быть.

Бунт Войницкого не меняет ничьей жизни («все будет по-старому»). Он оканчивается комически несостоятельным. Это не героический порыв, а истерика загнанного в угол человека. Герои осознают сами себя и то, что жизнь могла бы быть иной, если бы не «бес разрушения», сидящий в каждом человеке. Внутренний рост, изменение, развитие, переломы в мыслях, в чувствах изображаются через «тайный психологизм» и «невольные движения».

Жизнь принесена в жертву «идолу». Это ключевая тема пьесы, ибо герои приносят свои жизни в жертву ложной цели. Дядя Ваня 25 лет служит идолу в лице Серебрякова. Крах этого кумира приводит к болезненному прозрению: его жертва было напрасной, а «тений» – бездарным и самовлюбленным человеком. Жертва Сони, отдающей свою молодость, красоту, возможное счастье в жертву отцу и доктору Астрову тоже осознается как напрасная.

Доктор Астров, который «ходил по уезду из конца в конец, не знал ни сна, ни отдыха...» [2], осознаёт, что его труд ничего не изменил, а сам он опустился и огрубел. Реальность осознаётся героями этой пьесы как трагическая ошибка. Этот момент трагического прозрения переживают все герои Чехова. По всему чеховскому тексту «разлита» мысль об ответственности человека за свою собственную семью и судьбы своих близких. Введение Чеховым монологической формы диалогов, перекрестных реплик, молчания вместо ответов – говорящее свидетельство отчужденности людей друг от друга.

«Три сестры» (1900) – «драма» о той же неизменности, разрушении связей, иллюзорности надежд, что, по мнению Достоевского, составляло сущность эпохи второй половины XIX в. Если Достоевский в своих романах бился над поиском положительно-прекрасного идеала в условиях кризиса, то Чехов фиксирует последствия этого кризиса: экзистенциальную усталость, разобщенность и крушение всех больших идей и надежд.

Догадка о мираже присутствует и в высказываниях героев, в смутных тревогах, неудовлетворенности собой. Лейтмотив полета, больших белых птиц объединяет образы трех сестер в единый образ духовного родства. Тоска по общему смыслу, общей идее скрыты во внутреннем значении высказываний героев (Вершинина, Тузенбаха, Чебутыкина, сестер), в общем настроении, в финалах, в диалогах, где один не слышит другого (беседа земского человека Андрея с глухим сторожем Ферапонтом) – пример наивысшей формы отчуждения.

Герои чувствуют, что живут неправильно, но не понимают, в чём именно ошибка. «Почти каждый персонаж в пьесах Чехова имеет свою драму и, общаясь с людьми, ощущает себя среди них одиноким» [3]. Они находятся в постоянном ожидании, что «настоящая жизнь» начнется завтра, после смены места жительства, после замужества. Но она никак

не наступит. Это и есть та самая «догадка о мираже», то самое, свойственное Чеховскому сюжету ощущение, что все их разговоры и поступки лишены подлинной основы.

Лейтмотивом пьесы «Три сестры» является полет и образ птиц (лебедей/журавлей), который возникает в речах трех сестер, подчеркивает их духовное аристократическое родство, – самая красивая и трагическая метафора в пьесе. Их мечты о полёте в Москву так и остаются мечтами. Они уподобляются птицам, у которых подрезаны крылья. Они прекрасны и духовно хрупки, незащитны перед наступающей пошлостью, которую олицетворяет Наташа.

Отсюда вырастает главный конфликт пьесы: противоречие между жаждой смысла, гармонии, культуры и реальностью, в которой всё разобщено и пошло. Вершинин рассуждает о «будущей счастливой жизни через двести-триста лет», пытаясь найти общий смысл, оправдывающий его сегодняшние страдания. Тузенбах ищет смысла в простой и честной работе, но его мечте не суждено сбыться. Чебутыкин и его «всё равно, всё равно» и «Тарара...бумбия...сичу на тумбе я» – это последняя ступень отчуждения и распада. Он абсолютно одинок и замкнут в своем безумии. «Страшно нестрашное – таково другое выражение той же чеховской темы, той же основной его мысли. Страшны не жизненные трагедии, а житейские идиллии. Страшны не внезапные резкие перемены и перевороты в человеческой судьбе – страшна, напротив, жизнь, которая совсем не меняется, в которой ничего не происходит, в которой человек всегда равен себе» [4].

Моделью всех коммуникаций в пьесе выступает диалог Андрея с глухим сторожем Ферапонтом. Каждый говорит сам с собой и в пустоту. Собеседники не слышат друг друга физически. Это совершенная метафора экзистенциального одиночества: человек кричит в безмолвную все-

ленную, которая не хочет и не может его слышать.

Таким образом, «Три сестры» – это драма о крахе человеческой коммуникации и распаде общего смыслового поля. Они живут в мире абсурда, их высокие идеи не могут быть реализованы в мире глухом и пошлом, и остается лишь, по словам Ольги, «прожить свою жизнь, как бы она ни была трудна и невыразима... и всё же неизбежна».

Композиционно-психологическая схема реализована в подтексте как неумирающее благородство сестер – залога оздоровления и возможного возрождения общества.

«Вишневый сад» (1903) – вершинное произведение, завещание А. П. Чехова. Символика заголовка отсылает к теме: судьба родины («вся Россия – наш сад») и ее будущее. Три поколения, три социальных уклада, идущие на смену друг другу. Композиционно-психологическая схема совпадает с пьесой «Три сестры».

Судьба человека в потоке времени – внутренний сюжет «Вишневого сада». Трагедии, страдающие живые души проходят сквозь водевильность, нелепость в момент истины, трезвого осознания себя. Доминантой пьесы является атмосфера зыбкости, неустойчивости жизни «враздробь». Истинное положение вещей кроется в выходе из пауз, которых в пьесе 31.

Подчеркивается роль каждого персонажа, одновременно в звездную минуту превращающегося в героя. Центральный образ комедии, главный герой – «Вишневый сад» (как и «степь, которую забыли»).

Чехов создаёт не просто галерею персонажей, а все сословия русского общества в конце XIX в. Дворянство в лице Раневской, Гаева и Фирса живет иллюзиями, оно прекраснодушно, но абсолютно не приспособлено к жизни. Это щемяще-уходящая эпоха.

Настоящее выступает в пьесе в лице Лопухина – практичного, деятельного купца, вышедшего из низов. Он умён, способен видеть красоту, искренне пыта-

ется помочь, но его мышление буржуазно ограничено категориями выгоды и пользы. Он не может спасти сад, но только использовать его.

Будущее России также присутствует в пьесе. Возможно ли реализовать его через молодежь, полную идеалистических, хоть и очень туманных порывов. Они рвут с прошлым. Сад подлежит вырубке, но что они построят на месте вырубленного сада – большой вопрос. Трофимов «вечный студент» выступает в роли вечного обличителя, но не деятеля.

Заключение

Чехов-драматург выступает как демократичный гуманист. У каждого героя, даже комичного, есть своя «звёздная минута», когда он проявляет себя как глубоко страдающая душа. Гаев после аукциона произносит «Я человек восьмидесятих годов... меня хвалят за это, но я ведь только от этого и живу...», Шарлотта говорит: «А кто я, зачем я – неизвестно...» [5].

Лопахин в момент своего триумфа провозглашает: «За всё могу заплатить! Идет новый помещик, владелец вишневого сада! Пусть всё, как я желаю!» Это мо-

нолог не победителя, а несчастного, захлёбывающегося от внутренней боли человека.

В пьесе важны два сюжета «Вишневого сада»: эмпирические бытовые приметы и внутренний глубокий, охватывающий символ жизни, молодости, счастья, снов, воспоминаний, несбыточных надежд сюжета.

С ним связан и второй ключевой символ – звук лопнувшей струны как знак, символ конца изображенного мира во всей тотальности, без успокоительного деления на грешников и праведников, правых и виноватых.

Приговор настоящему олицетворяет и бегство героев. С другой стороны, гибель Вишневого сада – приговор людям, которые не смогли или не захотели спасти его, забыв в доме живого человека, это и приговор сословиям, исторически не осознавшим необходимость всем взяться за руки, чтобы предотвратить трагедию натянутой струны. Ощущение потерянного дома, пугающего будущего, жизни «враздробь» – подтекст последней пьесы последнего русского классика А. П. Чехова.

Список литературы

1. Семанова М. Л. Чехов-художник. URL: <https://a-chehov.ru/publikacii/chehov-hudozhnik/p10?ysclid=mfnnea6ni5382262570> (дата обращения: 17.09.2025).
2. Чехов А. П. Дядя Ваня. М.: ДА!Медиа, 2014. 44 с.
3. Скафтымов А. О единстве формы и содержания в «Вишневом саду» А. П. Чехова // Нравственные искания русских писателей. М., 1972. 379 с.
4. Бялый Г. «Пути, мною проложенные»... Чехов и русский реализм. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1981. 400 с.
5. Чехов А. П. Вишневый сад: пьесы. М. АСТ, 2025. 352 с.

References

1. Semanova ML. Chekhov is the artist. URL: <https://a-chehov.ru/publikacii/chehov-hudozhnik/p10?ysclid=mfnnea6ni5382262570> (accessed 09.17.2025). (In Russ)
2. Chekhov AP. Uncle Vanya. Moscow: DA!Media, 2014:44. (In Russ)
3. Skaftymov A. On the unity of form and content in “The Cherry Orchard” by A. P. Chekhov. *Moral Quests of Russian Writers*. Moscow, 1972:379. (In Russ)
4. Byaly G. “The paths paved by me”... Chekhov and Russian realism. Leningrad: Sov. writer. Leningrad department, 1981:400. (In Russ)
5. Chekhov AP. The Cherry Orchard: plays. M. AST, 2025:352. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Кукуева Асият Абдулаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, zhazigalka@yandex.ru

Юсупова Патимат Джамалутдиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, yazik-kultura@mail.ru

Критерии авторства

Кукуева А. А. – написание статьи, перевод на английский; Юсупова П. Дж. – анализ проблемы, оформление списка источников.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025
Одобрена после рецензирования 18.12.2025
Принята к публикации 29.12.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Asiyat A. Kukueva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, zhazigalka@yandex.ru

Patimat Dzh. Yusupova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, yazik-kultura@mail.ru

Contribution of the authors

Kukueva A. A. – writing the paper, translation into English; Yusupova P. Dzh. – analysis of the problem, preparation of the references.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 10.11.2025
Approved after reviewing 18.12.2025
Accepted for publication 29.12.2025

Литературоведение / Literature studies

Оригинальная статья / Original Article

УДК: 82.09

DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-46-51

EDN: JDFVCL

Средства создания психологизма в произведении Г. Галбацова «Рассказ про рассказ»

© 2025 Сулейманова М. С. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, maryam9445@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Цель данной статьи состоит в попытке исследовать средства создания психологизма в произведении современного аварского писателя Г. Галбацова «Рассказ про рассказ». **Методы.** Для достижения цели исследования автор статьи использует описательный и структурный методы, метод комплексного анализа художественного текста. **Результаты.** В результате исследования выявлены особенности психологического описания и доминантные композиционные приемы и языковые средства различных уровней в рассказе Г. Галбацова, способствующие художественному воплощению авторского дискурса. Особого внимания заслуживают и элементы жанра «хоррор» в «Рассказе про рассказ» как важные средства создания психологизма: психическая деформация личности, поведенческая патология, вызывающая ужас, воздействие невидимой, но явно ощущаемой потусторонней реальности на сознание человека. **Выводы.** Проведённое исследование позволяет уточнить особенности функционирования композиционных, лексических, синтаксических, изобразительно-выразительных средств и приемов, использованных автором в «Рассказе про рассказ» для создания психологизма.

Ключевые слова: рассказ, психологизм, Галбацов, страх, ужас, композиция, жанр «хоррор», изобразительно-выразительные средства, приемы.

Формат цитирования: Сулейманова М. С. Средства создания психологизма в произведении Г. Галбацова «Рассказ про рассказ» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3-4. С. 46-51. DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-46-51. EDN: JDFVCL

Means of Psychologism Creating in G. Galbatsov's “Story About a Story”

© 2025 Maryam S. Suleymanova ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, maryam9445@mail.ru ✉

ABSTRACT. The aim of the paper is to explore the means of creating psychologism in the work of the contemporary Avar writer G. Galbatsov “Story about a story”. **Methods.** To achieve the aim of the research, the author uses descriptive and structural methods, comprehensive analysis of the literary text. **Results.** The research revealed the features of psychological description, dominant compositional devices and linguistic means of various levels in G. Galbatsov's story, contributing to the artistic embodiment of the author's discourse. Elements of the horror genre in “Story About a Story” deserve special attention as important means of creating psychologism: mental deformation of the personality, behavioral pathology causing horror, the impact of an invisible, but clearly felt otherworldly reality on the human consciousness. **Con-**

clusions. The conducted research makes it possible to clarify the features of the functioning of compositional, lexical, syntactic, pictorial and expressive means and techniques used by the author in the "Story about a story" to create psychologism.

Keywords: short story, psychologism, Galbatsov, fear, horror, composition, horror genre, visual and expressive means, techniques.

For citation: Suleymanova MS. Means of Psychologism Creating in G. Galbatsov's "Story About a Story". *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2025;19(3-4):46-51. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-46-51. EDN: JDFVCL

Введение

Известный аварский писатель Газимагомед Камалович Галбацов (1960-2014) вошёл историю дагестанской литературы как прозаик-новатор, обладающий своим неповторимым творческим почерком, узнаваемым идиостилем, со своими темами и проблемами и их оригинальным решением. Очень точной кажется оценочная характеристика литературоведа З.З. Гаджиевой, указывающая на ключевую особенность личности и творчества Г. Галбацова в контексте всей дагестанской литературы: «Круг интересов писателя широк, многообразен диапазон его познаний и раздумий. И всё это шлифует его талант, ...пристальным и пронизательным становится его восприятие мира, и всё, ...соединённое с природным, Богом данным даром и сформировали то постоянно влекущее, захватывающее, объёмно переливающееся явление, так не похожее на озёрную гладь аварской прозы...» [1, с. 9].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что произведения Г. Галбацова отличаются от всей предшествующей и современной аварской прозы глубоким психологизмом и порой шокирующими читательскую аудиторию, вызывающими ужас и оцепенение подробностями в описании как внешних действий, поступков, так и глубоко внутренних деформаций личности персонажей. Причём довольно часто в рассказах и повестях Г. Галбацова реальность земная граничит с реальностью потусторонней, невидимой, но явственно ощущаемой героями его произведений.

Целью данной статьи является попытка в процессе исследования произведения Г. Галбацова «Рассказ про рассказ» вы-

явить композиционные, лексические и синтаксические средства выразительности и тропы, использованные автором для создания психологизма.

Материал и методы исследования

Для достижения цели исследования мы использовали описательный и структурный методы, а также системный анализ авторского дискурса, комплексный анализ художественного текста, что позволило нам определить основные средства, способствующие выражению психоэмоционального состояния как героев произведения, так и самого автора-повествователя.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования полученных результатов в рамках лекционных курсов по «Истории дагестанской литературы», «Истории родной (аварской) литературы», а также при изучении дисциплин «Введение в литературоведение» и «Теория литературы».

Результаты и их обсуждение

Рассказы и повести Г. Галбацова можно объединить по ряду идейно-художественных признаков. Во-первых, их объединяет философский характер; во-вторых, общность художественной структуры и авторского замысла; в-третьих, настойчиво в разных вариациях повторяющаяся мысль: человек в поисках своих идеалов утрачивает по-настоящему ценное и важное – реальную жизнь с её радостями и печалью. Погоня за неземными и великими мечтами и любовью в конце концов приводит человека к разочарованию и позднему раскаянию. Многие произведения Г. Галбацова носят притчевый характер, в частности «Ва бана глазу...» («И пошёл снег...») [2, с. 18-40]. В то же время они не лишены ряда признаков

стихотворения в прозе с одной стороны, и жанра «хоррор» с элементами психической деформации и патологической жестокости героев – с другой. Однако это тема отдельного монографического исследования.

Одним из важных средств создания психологической напряжённости и эмоционального потрясения в «Рассказе про рассказ» является обращение Г. Галбацова к элементам нетрадиционного для дагестанской литературы жанра «хоррор». В современном мире хоррор становится одним из наиболее популярных жанров литературы и кинематографа. Острый интерес читателей и зрителей к данному жанру вызван, скорее всего, тем, что в последние десятилетия эстетика ужасного стала доминирующей в массовом искусстве. Не случайно исследователь Д. Р. Хапаева утверждает, что в настоящее время кошмар «превратился в культурную форму и культурную норму, в допинг, в массовую потребность, без которой немислим сегодня никакой популярный культурный продукт или проект» [3, с. 262-263]. Литературовед А. Г. Мендагалиева уточняет природу ужасного в жанре хоррор: «Ужасное заключается в столкновении человека с непознанным, чудовищным, нечеловеческим, сверхъестественным, выходящим за пределы известной реальности. В этом заключается отличие ужаса от страха, который можно испытывать по отношению к реальным объектам и явлениям...» [4].

Элементами мотивной структуры жанра хоррор, которые прослеживаются в произведении Г. Галбацова «Рассказ про рассказ», являются психическая деформация, патологическая жестокость, указание на возможное существование потусторонней реальности в деформированном сознании личности. В то же время автор использует художественные средства, направленные на создание реалистической картины мира. Уже в первом предложении указывается место действия, что исключает в читательском восприятии присутствие в тексте художественного вымысла: «В Ботлихе, куда я ездил в командировку, мне рассказали про сумасшедшую восемнадцатилетнюю девуш-

ку: она сбросила с высокого утеса двух маленьких детей, брата и сестру четырех с половиной и трех лет. Показали и место, где это произошло – утес вздымался в приличную высоту» [5, с. 217].

Психологизм как один из способов изображения внутренней жизни персонажа художественного произведения, как система средств и приёмов, направленных на раскрытие внутреннего мира героев, ярче всего проявляется в рассказе Г. Галбацова в авторском дискурсе. Описанию ужасного случая в Ботлихе предшествует рассказ о переживаниях самого автора. Внутренний монолог автора-повествователя позволяет проникнуть в его душевные переживания. Усиливается эффект реальности описываемого случая, внушающего дикий ужас, довольно распространённым в русской литературе композиционным приёмом: изложению самого рассказа предшествует предисловие к повествованию, обозначенное самим автором как рассказ. Из рассказа-предисловия мы узнаем о психологическом состоянии и эмоциях автора-повествователя: потрясённый услышанным, он пишет рассказ, но не решается «его кому-нибудь показать» [5, с. 217]. Через месяц опять обращается к рассказу, но «остался недоволен собой и все перечеркал...» [5, с. 217]. Указание на временную протяжённость не случайно: автор тем самым достигает эффекта изображения глубоких переживаний, не утихающих со временем, не ослабевающих. Далее мы видим и прямое авторское признание: «Однако ботлихское событие не давало мне покоя. Я не мог не думать о нём» [5, с. 217].

Внутренний конфликт повествователя, душевные переживания вследствие навязчивого преследования мыслей об ужасном происшествии и невозможности изложить его на бумаге, собственно авторское эмоциональное состояние Г. Галбацов передает через одно из важных средств создания психологизма – описание невербального сигнала: «Глядя на своего ребёнка, я вспоминал женщину, чьих детей сумасшедшая сбросила с утеса, и по моему телу пробежала дрожь...» [5, с. 217].

Созданию психологизма в рассказе Г. Галбацова способствуют и синтаксические средства выразительности – многоточия. В художественном пространстве объемом в одну страницу автор четырежды использует предложения, завершающиеся многоточиями, указывающими на постоянный характер глубоких страданий вследствие неотвязно преследующих его мыслей об убиенных детях: «О них напоминали другие дети и доставляли мне боль...» [5, с. 217]. Не менее важное значение в тексте рассказа-предисловия к рассказу-событию имеют лексический повтор и повтор форм слова – глагола «сжечь»: «все написанное сжег», «сжег также первый... вариант рассказа», «и в то же время я заранее знал, что все написанное опять будет сожжено», «– Сожгла рассказ? – Сожгла...». Настойчивый повтор лексемы «сжечь» вызывает ассоциативную параллель с психоэмоциональным состоянием автора-рассказчика, чье сердце горит от неутраченной душевной боли.

Как видим, психологический эффект произведения Г. Галбацова достигается, прежде всего, его композицией: рассказ в рассказе. Данный прием оказывает сильное психологическое воздействие на читателя, погружая его в центр трагических событий и вызывая ужас и желание узнать причины и обстоятельства произошедшего. Более того, данная композиционная форма позволяет проследить авторское психоэмоциональное состояние, вызванное проявлением человеческой жестокости, природа которой психически нормальному человеку неясна.

Ощущение достоверности описываемых событий достигается не только композиционным строем произведения, но и использованием ойконима, одного из видов топонима: географическое название реально существующего дагестанского села – Ботлих. Вследствие использования айконима (*Ботлих*) и указания конкретного места действия (*утес*) рассказ воспринимается как чудовищный по бессмысленной жестокости случай, имевший место на самом деле.

Темы смерти, угрозы, опасности, неотвратимого ужаса являются ключевыми в

рассказе Г. Галбацова. С одной стороны, они передаются через описание эмоций, выраженных в тексте эксплицитно. Открыто, явно изображает автор душевное состояние детей, описывая их физические внешние проявления: мальчик «прошептал дрожащим голосом», сестра «начала тихонько плакать», брат обратился «к съездившейся от страха сестренке», она «заплакала громче», дети «не отпускали рук, влажные пальцы еще сильнее сжимали друг друга» [5, с. 218-219], девочка бежала «плача и крича, попадая своими сандаликами на острые камни» [5, с. 222].

Имплицитно проявляется в тексте рассказа Г. Галбацова подозреваемое, но невидимое присутствие некоей силы, толкающей девушку на чудовищное преступление, через восприятие девушки-убийцы: «...Салихат, как будто от чего-то страшного, отпрянула назад, в ее бегающем взгляде метался ужас. Отмахиваясь, отгоняя то, что было перед ней, она срывающимся голосом произносила:

– Улетай, улетай! Оставь меня...» [5, с. 220].

После того как сбросила детей с обрыва, Салихат вновь обращается к некоей силе, внушающей ей страх и ужас: «...Она посмотрела в небо и, обращаясь к существу, видимому лишь ей одной, спросила:

– Хватит? Хватит же?» [5, с. 222].

Средством создания психологизма в рассказе Г. Галбацова служат также портрет и деталь. Автор использует прием портретного описания Салихат, точнее, подчеркивает внешние детали портрета, которые формируют чувство физического отвращения к героине: «Тело у нее было плотно сбитое, ее даже можно было назвать толстой... Они видели только ее спину в черном платье, надетом на голое тело. На спине и под мышками ясно виднелись белесоватые пятна, оставленные высохшим потом» [5, с. 220]; «С ее губ на подбородок слетала слюна. И платье на груди тоже было мокрое от нее» [5, с. 221]. Однако в наибольшей степени раскрыть неадекватность её психического состояния позволяет описание глаз героини: «Глаза у нее были большие и светлые, бегающие, они не могли остановиться на чем-то одном.

Наверное, такими глазами мир виден, как в тумане, может быть, в них все кругом рушится. От этого бегающего взгляда становилось жутко» [5, с. 220].

Характеризуя героиню, Г. Галбацов обращается к лексемам, номинирующим эмоции страха и ужаса, автор использует также изобразительно-выразительные средства, особенно в тех случаях, когда дается оценочная характеристика взгляда героини: метафоры («промелькнул страх», «метался ужас»), эпитет («страшные глаза») и др.

Создание образа главной героини посредством описания внешности позволяет Г. Галбацову создать живой и реалистичный психологический портрет и подчеркнуть неадекватность её психического состояния. Автор подсказывает читателю, что перед нами девушка с психическими отклонениями, сумасшедшая, что создаёт гнетущую атмосферу.

Использованные автором произведения «Рассказ про рассказ» художественные приемы и средства (от особенностей композиции до лексико-синтаксических средств и тропов) оказывают сильное психоэмоциональное воздействие на читателя: запутанные, порой бессвязные мысли Салихат, ее слова и действия, ужасающие спокойствием их выполнения, обращение героини к видимой лишь ей одной силе открывают тонкие детали подсознания девушки-убийцы, выявляют изменения ее психики и личности, которые уже происходят, но пока не видны окружающим. Становится очевидным, что Салихат – человек с тяжелым психическим заболеванием. Она несет в себе угрозу для жизни других людей.

Заключение

Анализ произведения Г. Галбацова «Рассказ про рассказ» доказывает, что оно обладает ярко выраженным психологизмом, обусловленным, в частности, наличием в тексте признаков жанра «хоррор» с

элементами психической деформации и патологической жестокости, а также указанием на существование невидимой силы, внушающей чувства страха и ужаса.

Образ главной героини, 18-летней девушки-убийцы, раскрывается с помощью эксплицитного описания ее действий, а также эмоций и чувств, вызванных героиней не только у убитых ею детей, но и у самого автора-повествователя. Своеобразие композиции рассказа, использование синтаксических средств (многоточия), лексических приемов (повторов глагольных форм «сжечь», тропов (метафор и эпитетов), портретная характеристика и описание деталей внешности способствуют усилению психологического напряжения на фоне реалистичного описания места действия, события и характеров персонажей, что создает атмосферу ужаса, отвращения и жалости. В рассказе Г. Галбацова преобладают негативные эмоции страха и глубокого потрясения, обусловленные сюжетом произведения. Все описанные приемы подчинены авторскому замыслу – установлению тесного контакта с читателем, воздействию на его сознание, побуждению к размышлениям о проблемах измененного психологического состояния человека и незащитности перед ним самого ценного – жизни детей.

Перспектива дальнейшего исследования видится в составлении портрета личности главных героев произведения Г. Галбацова «Рассказ про рассказ» с учетом индивидуальных портретных, физических, психологических, эмоциональных характеристик в комплексном аспекте, поскольку в рамках одной научной статьи невозможно реализовать перечисленное. В то же время представляется интересным изучение и других произведений Г. Галбацова в обозначенном аспекте с целью выявления не только средств создания психологизма, но и авторского дискурса.

Список литературы

1. Гаджиева З. З. О кредо писателя и о новом векторе // Галбацов Газимагомед. Мысли обречённого жить. Махачкала: Лотос, 2018. 432 с.

References

1. Gadzhieva ZZ. On the writer's credo and the new vector. Galbatsov Gazimagomed. Thoughts of One Doomed to Live. Makhachkala: Lotos,

2. Галбацов Г. К. Ва бана г1азу... // Эркенаб пикру: Къисаби ва харбал / Невысказанные мысли: повести и рассказы. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2020. 344 с.

3. Хапаева Д. Р. Кошмар: литература и жизнь. М.: Текст, 2010. 368 с.

4. Мендагалиева А. Г. Особенности реализации жанра «хоррор» в прозе А. Варго. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-zhanra-horror-v-proze-a-vargo> (дата обращения: 13.11.2025)

5. Галбацов Г. К. Рассказ про рассказ // Галбацов Газимагомед. Мысли обречённого жить. Махачкала: Лотос, 2018. 432 с.

2018:432. (In Russ)

2. Galbatsov GK. Va bana gazu... *Erkenab pikir: K'isabi va kharbal / Unspoken Thoughts: Stories and Short Stories*. Makhachkala: Dagestan Book Publ., 2020:344. (In Russ)

3. Khapaeva DR. Nightmare: literature and life. Moscow: Text, 2010:368. (In Russ)

4. Mendagalieva AG. Features of the implementation of the horror genre in A. Vargo's prose. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-zhanra-horror-v-proze-a-vargo> (accessed 13.11.2025). (In Russ)

5. Galbatsov GK. Story about a story. *Galbatsov Gazimagomed. Thoughts of one doomed to live*. Makhachkala: Lotos, 2018:432. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Судейманова Марьям Саидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанской литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, maryam9445@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7678-1034>

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.12.2025

Одобрена после рецензирования 30.12.2025

Принята к публикации 30.12.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Maryam S. Suleymanova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Dagestan Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, maryam9445@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7678-1034>

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 03.12.2025

Approved after reviewing 30.12.2025

Accepted for publication 30.12.2025

Литературоведение / Literature studies

Оригинальная статья / Original Article

УДК: 82-3

DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-52-57

EDN: JOARYV

Русский классический роман середины и конца XIX века: к вопросу о теории жанровой формы

© 2025 Узунова Н. Б., Кукуева А. А. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. П. Гамзатова
Махачкала, Россия, m.karina01@mail.ru, zhazigalka@yandex.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Целью настоящей статьи является изучение вопроса воплощения структурной/содержательной новизны русского классического романа середины и конца XIX в. в четырех основных фазах, выделенных Недзвецким В. А. **Методы.** Главными методами в исследовании указанной проблемы являются историко-культурный, теоретико-литературный. **Результаты.** Из предыдущего анализа установлено, что проблема новых форм отражения действительности разработана Недзвецким В. А. достаточно глубоко, тем не менее в последнее время острее ощущается ее актуализация в связи с новым прочтением русской классики в контексте евразийской культурно-исторической парадигмы. **Вывод.** В статье утверждается мысль об уникальности новых форм освоения окружающей действительности в четырех фазах развития русского романа середины и конца XIX в. Дана актуальная и последовательная характеристика теории русского романа XIX в. вслед за Недзвецким В. А., феномена развития романа в его целостности.

Ключевые слова: русский классический роман, фазы развития русского классического романа, жанр, автор, эпос, Бахтин, Недзвецкий В. А., Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой, Чехов.

Формат цитирования: Узунова Н. Б., Кукуева А. А. Русский классический роман середины и конца XIX века: к вопросу о теории жанровой формы // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3-4. С. 52-57. DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-52-57. EDN: JOARYV

Russian Classic Novel of the Mid- and Late 19th Century: Toward a Theory of Genre Form

© 2025 Narisat B. Uzunova, Asiyat A. Kukueva ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, m.karina01@mail.ru, zhazigalka@yandex.ru ✉

ABSTRACT. The aim of the paper is to examine the embodiment of structural and substantive innovation in the Russian classical novel of the mid- and late 19th century in the four main phases identified by V. A. Nedzvetsky. **Methods.** The primary methods used in researching this problem are historical-cultural and theoretical-literary approaches. **Results.** The preceding analysis established that the problem of new forms of reflecting reality has been developed quite profoundly by V. A. Nedzvetsky. However, its relevance has recently become more acute in connection with new readings of Russian classics in the context of the Eurasian cultural-historical paradigm. **Conclusion.** The paper argues for the uniqueness of new forms for

understanding reality in four development phases of the Russian novel of the mid- and late 19th century. A relevant and consistent characterization of the theory of the 19th-century Russian novel, following V. A. Nedzvetsky, is provided, along with the phenomenon of the novel development in its entirety.

Keywords: Russian classical novel, development phases of the Russian classical novel, genre, author, epic, Bakhtin, Nedzvetsky V. A., Pushkin, Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov.

For citation: Uzunova NP, Kukueva AA. Russian Classic Novel of the Mid- and Late 19th Century: Toward a Theory of Genre Form. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2025;19(3-4):52-57. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-52-57. EDN: JOARYV

Введение

Мир романа – высшее выражение классического реализма: «зеркало мира и своего века», плод «вполне зрелого духа» [1]. Роман в этом смысле понимается как «память жанра» (Бахтин), сохраняющаяся на каждом новом этапе его возрождения и обновления. Уникальная подвижность внутреннего мира как логика развития жанра в живом времени XIX в., не дающего ему «застыть», является важнейшим фактом литературного контекста эпохи классической литературы. Центральной фигурой литературы XIX в. является, таким образом, автор с его свободно осуществляемой творческой инициативой.

Общие аксиомы теории романа середины и конца XIX в. – большой формы эпического жанра литературы – включают в себя важнейшие специфицирующие признаки: сопоставление с эпосом по многосторонности, полноте богатства интересов, состояний, жизненных условий, по широте фона целостного мира, эпическому изображению событий. Главные отличия такого романа от эпоса заключаются в распадении «изначально-поэтического состояния мира», замене основного исторического и легендарного фона событий, участниками которых выступали основные герои, открыто воплощающие силу и мудрость целого человеческого коллектива, действующие, как правило, в далеком прошлом, своеобразном «эпическом времени». Им на смену приходит интерес к частной жизни отдельных людей с типическими чертами в условиях определенно-го отрезка времени.

Материал и методы исследования

Главными методами в исследовании указанной проблемы являются историко-культурный, теоретико-литературный.

Наиболее общие черты романа рассматриваемого периода проявляются в наличествующей «прозаической упорядоченной действительности», ибо роман – «эпос частной жизни», а предмет его – суть «судьбы частного человека», «каждодневная жизнь» [2] в конфликте между «поэзией сердца и противостоящей ей прозой житейских отношений» [3].

Отчуждение человека от социума и микропорядка в трактовке Бахтина как необходимо доминирующее в романе, включающее и героя, и автора в процесс «переосмысления», «переоценки» реального мира становится важнейшим признаком жанровой и событийной природы русского реалистического романа.

Эпос нового времени стал всё чаще проявляться в его наиболее монументальных формах, возродивших жанр эпопеи: теперь художественное освоение событий эпохи проходит через индивидуальные судьбы, жизни всего общественного целого, бытия. Роман в трактовке венгерского философа и литературоведа Д. Лукача – становится «зеркалом взросления», «зрелостью общества» [4].

В русской романистике XIX в. роман – уникальная форма, причастная подлинной человечности, веяниям нового времени и универсальным вечным бытийным началам, арена серьезнейших конфликтов, противостояний эпохи, ибо «потрясающие события – меньшее испытание для

человека, чем будни с мелкими неудовольствиями» [5].

Результаты и их обсуждение

В период расцвета русского классического романа возрастает внимание к микросреде, влияние которой герои испытывают и на которую так или иначе воздействуют. Русский роман XIX в. обретает синтетичность, соединившую содержательные начала множества жанров (мифа, идиллии, жития, авантюры, фарса, трагедии, эссе, очерка и т. п.), для него становится характерной способность сблизить литературу с жизнью и оказаться при этом безгранично свободным.

Тезис о «микросреде» – это ключ к пониманию психологической достоверности русского романа. Он никогда не бывает отвлеченно-философским; его герои и их метафизические муки всегда вписаны в плотную, осязаемую ткань быта, семьи, социального круга.

«Микросреда» у Толстого: Ростовы, Болконские, Курагины – это не просто семья, это целые миры со своими законами, психологией и этикой, которые формируют героев. Салон Анны Павловны Шерер или деревенская жизнь Левина – это мощные социально-психологические «силовые поля».

«Микросреда» у Достоевского: Комната Раскольников, кабак Мармеладова, «проходная» комната Мышкина, «угол» Смердякова, и это не просто места действия, а материальное воплощение душевного состояния героев, их идей и социального дна. Город (Петербург) становится одушевленным, давящим персонажем.

Именно из этой достоверной «микросреды» русский роман и вырастает до своих универсальных, вселенских обобщений. Синтетичность становится тем механизмом, который позволяет это сделать.

С другой стороны, романизация словесного искусства периода середины и конца XIX в. – существенный фактор для видоизменения всех жанров, трансформации структурных свойств, проявившихся

в потребности к открытой и свободной организации.

Потенциальные поля исследований российской многонациональной евразийской литературы актуализируют современные определения русского классического романа как социально-универсального. Эти определения исходят не просто из временных периодов, этапов, сосредоточивших внимание на внешних и больше – на тематических и стилевых сходствах (более 30 определений разновидностей романа по подсчетам Н. А. Вердеревской), а из понятия фазы как развивающегося фактора, своеобразного «возраста», не порывающего на новом качественном уровне со своей общей природой и фактом прецедентного бытования.

Фаза романа в трактовке Недзвецкого В. А. выступает как «понятие в такой же мере конкретно-историческое, как и типологическое», позволяющее сочетать аспекты эмпирические с теоретическими, историю – с типологией, способствовать созданию истории русского классического романа в его становлении и последующем самодвижении и саморазвитии.

«Стремящийся захватить все» (Толстой), «перерыть все вопросы» (Достоевский), статья «энциклопедией жизни» и одновременно Книгой Бытия в русской прозе уже в 50-е гг. XIX в., а позднее – и в европейской прозе русский роман, не укладывается в канонические рамки и являет 4 фазы своего самобытного развития.

Первая фаза, которая, по мнению Недзвецкого, предшествует персональному роману – синкретический роман: «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Мертвые Души» Н. В. Гоголя, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

Здесь заявлено решение проблемы (с учетом опыта мировой литературы от Гомера и Библии до Данте, Сервантеса и Байрона) современного человека как существа общественного, национального и всечеловеческого, человека на фоне вечности, человека и его частной истории – не как готового продукта, а находящегося в

линейной протяженности во времени. В исходной фазе своей социально-универсальный роман – это средоточие русской этики, социологии, философии; здесь романное начало нерасторжимо от дороманных тенденций и как бы прорастает из поэмы, драмы или эпоса.

Вторая фаза характеризуется тем, что в центре её – наследующие механизм психологического искусства романы И. А. Гончарова и И. С. Тургенева, названные персональным романом испытания.

В центре романа-испытания пребывает индивидуально развитая и сословно не ограниченная личность в ее драматически напряженных отношениях с обществом. Компоненты такой фазы русского романа – любовная повесть и очерк. Жанровый синкретизм первой фазы романа уступает место синтезу малых форм; его универсальный аспект и смысл теперь становится обусловлен соотносительностью центрального героя с неизбежными и непреходящими началами бытия, как любовь, нетленная красота, бессмертная природа.

В центр выносятся двуединый процесс испытания развитой личности, индивидуальности обществом, но и самого общества – потребностями личности. Драматизм, трагизм личности в таком романе обусловлен либо разладом между современной жизнью и ее подлинно человеческой нормой, либо вообще антиномией духовных (абсолютных) и материально-телесных (относительных) устремлений человека.

Третья фаза развития русского классического романа – это социально-универсальный роман: в отечественном контексте – романы Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, выражающие способность воплотить всеобщий, всечеловеческий смысл в частных судьбах. Определяющим началом этих свойств становятся – углубленный психологизм, освоение тончайших движений души, «диалектики души».

Разрабатываются и сталкиваются взаимонаправленные интересы личности и народа с испытанием всех «правд», соци-

альные проблемы получают преломление через конечные устремления драмы личности, науки и человечества.

В центре такой фазы – тип современного человека, отмеченного жесточайшими противоречиями сверхличностного порядка, но не замкнутого историческими пределами. Человек социально-универсального романа одухотворен поиском единения, единства индивида со всеобщими, как социально-историческими, так и с природно-космическими субстанциями. Это зачастую объясняется сотерологическим типом сознания русского человека.

Таким образом, русский классический роман XIX в. – это грандиозный проект, целью которого было не просто отразить жизнь, а создать целостную, художественно-философскую модель бытия.

Четвертая фаза развития романа середины и конца XIX в. заключена в концепции самодвижения русского романа, зиждущегося на его внутрижанровой логике: тенденции к «малым формам», отвечающим задаче беспристрастного обращения к действительности во всей пестроте ее событий, фактов, лиц, коллизий новых и новейших явлений.

Смысл такой формы и содержания романа не в отказе от «руководящей внутренней идеи» (Толстой), а скорее вобрании нового уровня адаптивности и динамичности, соответствующих требованиям жанра «малых форм» (Гаршин, Короленко, Горький, Чехов), что рождает роман уже в «снятом виде», выражается в «инобытии» (Недзвецкий).

Таким образом, безусловен общий вывод о постоянном самодвижении русского романа в фазах, осваивавших современность сквозь призму «вековечных», онтологических потребностей и коллизий человека и человечества.

Уникальность его не регламентирована ни темой, ни локальной социальной задачей, ни жанровым каноном. Русский роман – наиболее свободная, вариантная и в высшей степени художественная форма,

не подлежащая определению: «Евгений Онегин» – «энциклопедия русской жизни»; «Герой нашего времени» – цикл повестей; «Мертвые души» – поэма; «Война и мир» – Книга Бытия и т. д.

Свойственные русскому социально-универсальному роману черты: историзм (Д. Е. Тамарченко), «мысль народная» (В. Г. Одинокое), мифологизм (В. М. Маркович, Ю. М. Лотман) порождены более общим пафосом единения человека с нацией (народом) и человечеством (космосом) на основаниях нравственной свободы и ответственности [6].

«В безустальном поиске этих основ, включающих как индивидуалистическую вседозволенность, так и обезличенную стадность, – тайна огромного и всевозрастающего воздействия русского романа на мировую литературу и сознание ныне уже воистину всемирного читателя» [7].

Цитируемая нами мысль В. А. Недзвецкого попадает в самую суть. Секрет глобального влияния русского романа в его неустанном поиске «третьего пути». Он предлагает выход из главного противоречия Нового времени: с одной стороны – индивидуалистическая вседозволенность (путь Раскольникова, Ивана Карамазова), ведущая к распаду, с другой – обезличен-

ная стадность (социалистический утопизм, бюрократия, «светская чернь»), ведущая к потере личности.

Заключение

Русский роман в лице своих вершинных создателей ищет основу для «соборности» – единения свободных и нравственно ответственных личностей. Именно этот духовный поиск, воплощенный в беспрецедентных по глубине и масштабу художественных формах русского классического романа, продолжает волновать «воистину всемирного читателя», ищущего ответы не на сиюминутные, а на вечные вопросы. Именно эта беспрецедентная амбиция, подкрепленная гениальным исполнением, и обеспечила русскому роману его бессмертие и всемирное влияние. Он показал, что литература может быть безгранично свободной в своих формах, оставаясь при этом безгранично ответственной в поисках истины.

Наш вывод является логическим итогом, который связывает в единую систему все предыдущие обсуждения: от структурного анализа до философских расхождений Толстого и Достоевского. Это актуальная и исчерпывающая характеристика теории русского романа середины и конца XIX в., феномена в его целостности.

Список литературы

1. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. Москва: Искусство, 1981. 448 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5. М.: Академия наук СССР, 1954. 863 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Москва: Искусство, 1971. Т. 3. 623 с.
4. Лукач Д. URL: http://www.uhlib.ru/literaturovedenie/teorija_literatury/p6.php (дата обращения: 17.11.2025).
5. Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Москва: Правда, 1966. 499 с.
6. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 220-226.
7. Недзвецкий В. А. Русский роман XIX века. Спорные и нерешенные вопросы жанра. М.: МГУ, 2013. 230 с.

References

1. Jean-Paul. Preparatory school of aesthetics. Moscow: Iskusstvo, 1981:448. (In Russ)
2. Belinsky VG. Complete works: in 13 vols. Vol. 5. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1954:863. (In Russ)
3. Hegel GVF. Aesthetics. Moscow: Iskusstvo, 1971;3:623.
4. Lukacs D. URL: http://www.uhlib.ru/literaturovedenie/teorija_literatury/p6.php (accessed 17.11.2025). (In Russ)
5. Aksakov ST, Collected works: in 5 vols. Vol. 1. Moscow: Pravda, 1966:499. (In Russ)
6. Lotman YuM, Mints ZG, Meletinsky EM. Literature and myths. *Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia*. Moscow, 1980;1:220-226. (In Russ)
7. Nedzvetsky VA. Russian novel of the 19th century. Controversial and unresolved issues of the genre. Moscow: MSU, 2013:230. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Узунова Нарисат Башировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских и восточных языков и методики преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, m.karina01@mail.ru

Кукуева Асият Абдулаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, zhazigalka@yandex.ru

Критерии авторства

Узунова Н. Б. – анализ, оформление списка источников, перевод на английский; Кукуева А. А. – написание статьи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025
Одобрена после рецензирования 18.12.2025
Принята к публикации 29.12.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Narisat B. Uzunova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Romance, Germanic and Oriental Languages and Teaching Methods, Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, m.karina01@mail.ru

Asiyat A. Kukueva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, zhazigalka@yandex.ru

Contribution of the authors

Uzunova N. B. – analysis, references, translation into English; Kukueva A. A. writing the paper.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 10.11.2025
Approved after reviewing 18.12.2025
Accepted for publication 29.12.2025

Литературоведение / Literature studies

Оригинальная статья / Original Article

УДК: 82.091

DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-58-63

EDN: LCQCCG

Метафизика утраченного рая и поэтика памяти в ранней лирике Владимира Набокова

© 2025 Чамсединава Г. Ш. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, chamsedinova@yandex.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Данное исследование посвящено комплексному анализу корпуса ранних стихотворений Владимира Набокова, созданных в переломный период с 1918 по 1920 г. **Целью** статьи является выявление и детальное описание сквозных философско-эстетических категорий, формирующих целостный поэтический мир поэта. **Методы.** Герменевтический (интерпретационный) анализ, мотивный и тематический анализ (выявление и прослеживание сквозных повторяющихся элементов и расшифровка системы символов), структурно-семантический. **Результаты.** Выявлена фундаментальная антитеза «хрустальный шар» (метафизический рай) / «пленный мир» (земное изгнание), структурирующая текст и всю раннюю лирику Владимира Набокова. Это противостояние целостности и раздробленности, вечного единения и трагической разлуки, невесомого полета и земной тяжести. Установлена ведущая роль мотива звездной пыли/света как материального следа иного мира, мигрирующего из космоса («трепет звездной пыли») в тело («на кончиках ресниц») и в глубину души поэта, становясь субстанцией памяти. **Выводы.** Личная травма (неизбежная утрата России, детства, прежней жизни) возводится в метафизический план. Память предстает не как ретроспектива, а как творческий акт, конструирующий особую реальность-посредницу, доступную лишь художнику-ясновидцу. В ранней лирике закладываются основы уникального набокковского миромоделирования, где творчество обретает статус метафизического спасения.

Ключевые слова: Владимир Набоков, ранняя лирика, поэзия, метафизика, память, потерянный рай, символ, поэтика образа.

Формат цитирования: Чамсединава Г. Ш. Метафизика утраченного рая и поэтика памяти в ранней лирике Владимира Набокова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3-4. С. 58-63. DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-58-63. EDN: LCQCCG

The Metaphysics of Lost Paradise and the Poetics of Memory in Vladimir Nabokov's Early Poetry

© 2025 Gulnara Sh. Chamsedinova ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, chamsedinova@yandex.ru ✉

ABSTRACT. The research provides a comprehensive analysis of Vladimir Nabokov's early poems, created during the pivotal period from 1918 to 1920. The paper **aims** to identify and describe in detail the underlying

ing philosophical and aesthetic categories that shape the poet's holistic poetic world. **Methods.** Hermeneutic (interpretative) analysis, motive and thematic analysis (identifying and tracing recurring elements and deciphering the symbol system) and structural-semantic analysis. **Results.** The fundamental antithesis of “crystal ball” (metaphysical paradise) / “captive world” (earthly exile) structuring the text and all of Vladimir Nabokov's early poetry is revealed. This opposition between integrity and fragmentation, eternal unity and tragic separation, weightless flight and earthly gravity. The leading role of the stardust/light motif is established as a material trace of another world, migrating from space (“the tremor of stardust”) into the body (“on the tips of the eyelashes”) and into the depths of the poet's soul, becoming the substance of memory. **Conclusions.** Personal trauma (the inevitable loss of Russia, childhood and a former life) is elevated to the metaphysical plane. Memory is presented not as a retrospective, but as a creative act, constructing a special mediating reality accessible only to the clairvoyant artist. His early lyrics lay the foundations for Nabokov's unique world-modeling, where creativity acquires the status of metaphysical salvation.

Keywords: Vladimir Nabokov, early lyrics, poetry, metaphysics, memory, paradise lost, symbol, poetics of the image.

For citation: Chamsedinova GSh. The Metaphysics of Lost Paradise and the Poetics of Memory in Vladimir Nabokov's Early Poetry. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2025;19(3-4):58-63. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-58-63. EDN: LCQCCG

Введение

Ранние стихотворения Владимира Набокова, написанные в период с 1918 по 1920 г., долгое время оставались на периферии исследовательского внимания, рассматриваясь как дань юношеским увлечениям символизмом и акмеизмом, как «стилизация» или подготовительные упражнения для будущего прозаика. Однако такой взгляд упускает из виду внутреннюю целостность и программную значимость этого небольшого корпуса текстов. Эти стихи созданы на сломе исторических и личных судеб: крах империи, начало Гражданской войны, вынужденная эмиграция семьи Набоковых и, наконец, отъезд самого поэта в Кембридж. В биографическом плане это время прощания с Россией детства и юности, с «раем» личного счастья. В литературном – эпоха завершения серебряного века, когда его главные открытия могли быть либо эпигонски повторены, либо кардинально переосмыслены.

Его ранняя лирика – не подражание, а сознательная работа с кодами предшествующих поэтических систем в целях выработки собственного, уникального метафизического языка. Он аккумулирует в себе и претворяет: зыбкую музыкальность и мистические устремления

символизма; вещную, пластическую четкость акмеизма; трагическое мироощущение обреченной культуры. Но над всем этим возвышается главный конструктивный принцип – принцип двоемирия, осмысленный не в романтически-бытовом, а в экзистенциально-метафизическом ключе. Задача данной статьи – продемонстрировать, как в стихах 1918-1920 гг. кристаллизуется основополагающий для всего дальнейшего творчества Владимира Набокова сюжет: об изгнании из абсолютного бытия в бытие относительное и о попытках преодоления этой пропасти посредством памяти, воображения и, в конечном счете, Искусства с большой буквы. «Изгнанничество, одиночество на чужбине – переоцениваются как состояние, вообще характерное для художника, как условие творчества» [1, с. 26].

Материал и методы исследования

Исследование посвящено комплексному анализу корпуса ранних стихотворений Владимира Набокова, созданных в 1918-1920 гг. В статье использованы следующие методы: герменевтический (интерпретационный) анализ, мотивный и тематический анализ (выявление и прослеживание сквозных повторяющихся

элементов и расшифровка системы символов), структурно-семантический.

Результаты и их обсуждение

Стихотворение «В хрустальный шар заключены мы были...» (1918) [2] выполняет роль мифопоэтического пролога, задающего матрицу для всего последующего нарратива. Оно описывает не просто счастливое прошлое, а изначальное состояние бытия. Его характеристики принципиально важны.

«Хрустальный шар» – пространство, образ совершенной, замкнутой в себе вселенной. Хрусталь сочетает в себе абсолютную твердость (завершенность формы) и абсолютную прозрачность (отсутствие преград для взгляда, слияние внутреннего и внешнего). Это мир-сфера, лишенный углов и разрывов, классический символ божественного космоса, макрокосма, который здесь становится интимным пространством для двоих: «В хрустальный шар заключены мы были, / и мимо звезд летели мы с тобой».

Внутри шара царит вечное настоящее, «восторг» вечности, чистый акт бытия без рефлексии и целеполагания. Это время-покой, время-полет, лишенное тяжести и истории («И не было ни прошлого, ни цели»). Восторженно-эмоциональный фон – «блаженно-голубой» блеск, «огненный порыв», «безначальный» поцелуй, «чудный гул» – передает райское единство чувств, соответствующее и единству со всем мирозданием («восторг соединил»).

Катастрофа, обозначенная как «чей-то вздох», носит характер рокового, безличного вмешательства. Шар разбивается, порыв останавливается, поцелуй прерывается. Результат – падение в «пленный мир». Возникающая при этом оппозиция «шар – мир» конституирует фундаментальную бинарную структуру, организующую набокковскую поэтическую вселенную в ранний период. Данная антитеза раскрывается через серию взаимосвязанных концептуальных противопоставлений. Идея «плена» в земном мире контрастирует с парадоксальной «свободой» внутри шара,

которая есть не отсутствие границ, но абсолютная реализация внутренней сущности в замкнутой совершенной форме. Состояние неразрывного «единения» сменяется трагической «разлукой» на онтологическом и межличностном уровне. Категория «тяжести», присущей земному миру, противостоит прежней «легкости» и безотчетному «полету» в сияющей стихии. Наконец, воспринимаемое как деградация «многообразия» феноменального мира, его калейдоскопическая раздробленность, противопоставлена утраченной «цельности» и монолитности хрустального универсума, где все пребывало в нераздельном синтезе.

Бинарная модель становится смысловым каркасом, на который нанизываются последующие вариации темы утраты в других стихотворениях Набокова, каждый раз обретая новые, исторически или психологически конкретные, но всегда восходящие к этой первичной метафизической схеме, воплощения.

Аналогичный образ «стеклянного шара» предстает в стихотворении «Вот дачный сад, где счастливы мы были...» (1918) [2]. Здесь «рай» редуцирован до идиллического, но узнаваемо русского локуса: дача, жасмин, частокол, березы. Это уже не метафизический, а психологический и биографический «рай», однако его утрата («кануло все прежнее навек») переживается с той же онтологической тоской. Ключевая деталь – «стеклянный шар» в этом саду. Это прямой, но уменьшенный и хрупкий аналог хрустального небесного шара. Он маркирует земное пространство как место, где когда-то было возможно (или помнилось) отражение иного бытия.

Память о «рае» предстает в стихотворении «Речная лилия». «Ленивая влага» земного бытия внезапно озаряется явлением безусловной красоты («лилеи белой, как луна»), которая приходит из иного измерения (глубины, связанной с небом-луной). Это мгновенная, почти болезненная вспышка памяти о «рае», вызывающая не тихую радость, а «всплих восхищенья».

Таким образом, ранняя лирика Владимира Набокова выстраивает иерархию утрат: от абсолютной, метафизической (разбиение шара) – через культурно-биографическую (утрата родины, детства, любви) – к частным, но оттого не менее болезненным утратам мгновений гармонии. «Проживание потери, тоска по утраченному становятся ведущими мотивами в ранних поэтических текстах В. Набокова» [3, с. 26]

Падение в «пленный мир» не является полным забвением. Связь с утраченным раем поддерживает память. Но это не психологическая память в обыденном смысле. Это Мнемозина в ее античном, космогоническом понимании: сила, припоминающая душой истинные, божественные сущности (как в философии Платона). Владимир Набоков создает сложную поэтику образов-посредников, материальных или визуальных следов иного мира в этом.

Звездная пыль и оптическая поэтика – это центральный набоковский образ. В первом стихотворении «трепет звездной пыли» – это и есть субстанция того мира, его вещественный след. Гениальная деталь: эта пыль материализуется «на кончиках ресниц». Ресницы – граница внутреннего и внешнего мира, орудие зрения и плача. Таким образом, память о рае – это физическое ощущение на теле, микроскопическая частица иного света, застрявшая в механизме земного восприятия.

Эта тема развивается в стихотворении «О чем я думаю? О падающих звездах...» (1918) [2]. Падающая звезда – это уже не просто след, а целое событие, мигрирующее из космоса в душу. Ее «алмазный» путь «беззвучно» прорезывает земной воздух и завершается не на небе, а «на глубине моей души», где она «лучисто раздробилась». Творческое сознание поэта становится приемником и вместилищем небесных явлений, превращая их в материал для внутренней работы.

В стихотворении «Солнце бессонных» (1918) [2] звезда (Венера) прямо названа

«воспоминаний светом». Ее ключевые характеристики – «лучист, но холоден, отчетлив, но далек» – становятся точной формулой набоковской памяти. Она дает не тепло утешения, а свет знания; не стирает мрак, а «указывает» на него, контрастно выделяя саму фактуру утраты. Это не память-утешение, а память-откровение.

Земной эквивалент рая – сад. Но после изгнания сад становится не живым пространством, а текстом, изваянием, художественным произведением. В «Лунной ночи» (1918) [2] этот процесс показан с исчерпывающей полнотой: сад «похож на изваяние» – он застыл, лишен динамики жизни. Лунный свет наводит на него «размер сонета строгий», а его блеск «исполнен ритма четкого». Природное явление уподобляется законам искусства. Весь мир превращается в эстетизированную картину с элементами геометрии и игры: «пятна белизны», тень, дробимая «на песке», платье девушки, «белеющее, как платок на шахматной доске». Фонтан – ключевой образ стихотворения. Его «спокойный плеск» не только напоминает сонет, но и стоит в центре, «где сада все дороги соединяются». Это символ вечного возвращения, циклического времени, искусства. Он становится центром этого застывшего мира-текста, его ритмическим сердцем. Сад памяти – это сад, уже прочитанный и записанный, превращенный в совершенный, но безжизненный артефакт.

Сложная система зеркал возникает в стихотворении «Football» (1920) [2]. «Отрадная игра» на «широкой поляне» – это земная, братская и радостная имитация небесного полета и единства. «Мяч живой» – пародийно-земное воплощение «огненного порыва» и «звезды». Его полет, который игроки «прерывают», – краткое повторение космического движения. Однако идиллия разрушается вторжением «реального»: уходом возлюбленной с другим. Поэт остается один на поле. Игра не заканчивается: мяч «все прыгал». А поэт,

один из «беспечных игроков», продолжает ее в ином ключе: «в молчанье, по ночам, творит, неторопливый, созвучья для иных веков». Физическое действие становится метафизическим актом творения. Создание «созвучий» – это попытка собрать новый, неуязвимый «хрустальный шар» из материала языка и ритма, шар, который будет принадлежать уже «иным векам» – векам культуры, а не личной истории.

В этом расколотом мире носителем и проводником памяти становится фигура поэта-художника. Его роль многократно превосходит роль лирического героя традиционной романтической поэзии. Его стихи – это поток элементов, «выхваченных из ускользающего потока времени» [4, с. 31]. Поэт противопоставляет свое знание обывательскому представлению о счастье. Его «ясновиденье» – не мистический дар, а следствие пережитого опыта метафизической катастрофы («презреньем окрылен тревожный голос мой!»).

Он видит «пророческую тень» на «ясном и прямом» пути другого, потому что знает: тот путь ведет в сторону от «звезд», которых может дать только он, художник. Его творчество – единственный способ «окружить» другого этими утраченными звездами, то есть приобщить к иному измерению бытия.

Ранние стихотворения 1918-1920 гг. представляют собой не разрозненные опыты, а стройную и глубоко продуманную художественную систему. В них сформулирован краеугольный миф всего будущего творчества Владимира Набокова: о существовании иного, высшего порядка реальности, утраченного или недостижимого, чьи отсветы, подобно звезд-

ной пыли, застревают в щелях реальности земной.

Заключение

Поэтический мир молодого Владимира Набокова – это мир после катастрофы. Его центральный конфликт – не социальный или психологический, а онтологический: конфликт между «пленным миром» времени, разлуки и смерти и памятью о «хрустальном шаре» вечности, единства и блаженства. Героем этого мира является художник-помнящий, чья миссия – собирать и расшифровывать следы иного (звездную пыль, отражения, узоры игры) и воплощать их в новых, самодостаточных мирах искусства – стихотворениях, которые сами становятся хрупкими и прекрасными «стеклянными шарами», хранящими в себе «чудный гул» утраченной высоты.

Поэтика памяти здесь предстает как активная, творящая сила. Она не реконструирует прошлое, а конструирует параллельную реальность, где законы «пленного мира» преодолеваются законами гармонии, ритма и смысла. В этом смысле ранняя лирика Владимира Набокова есть акт сопротивления – сопротивление хаосу истории, забвению и конечности через утверждение суверенной власти творческого сознания. Все дальнейшие темы Набокова – тоска по утраченному раю России-детства, игра с иллюзией и реальностью, исследование механизмов памяти в прозе, культ эстетического совпадения-узора – берут свое начало в этой лаконичной поэтической системе, где метафизическая грусть об изгнании уже уравновешена тихой уверенностью в спасительной силе прекрасно выстроенной строки.

Список литературы

1. Маликова М. Э. Забытый поэт // Набоков В. В. Стихотворения. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. С. 5-52.
2. Набоков В. В. Стихотворения. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. 675 с. URL: <https://djvu.online/file/FgMe39MmTMuaw?ysclid=miu364e6nf859748261>

References

1. Malikova ME. The forgotten poet. St. Petersburg: Humanitarian Agency "Academic Project", 2002:5-52. (In Russ)
2. Nabokov VV. Poems. St. Petersburg: Humanitarian Agency "Academic Project," 2002:675. URL: <https://djvu.online/file/FgMe39MmTMuaw?ysclid=miu364e6nf859748261> (accessed 06.12.2025).
3. Boriskina AV. "Despite the Century": Political

(дата обращения: 06.12.2025)

3. Борискина А. В. «Веку вопреки»: политический дискурс поэзии В. В. Набокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 1. С. 24-31.

4. Насырова А. Ю., Мишина Г. В. Художественное своеобразие лирики В. В. Набокова // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 5(85). С. 31.

discourse in the poetry of V. V. Nabokov. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2023;16(1):24-31.

4. Nasyrova AYu, Mishina GV. Artistic originality of V. V. Nabokov's lyrics. *Modern Scientific Research and Innovation*. 2018(5(85)):31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Чамседина Гюльнара Шугабудиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, chamsedinova@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.12.2025

Одобрена после рецензирования 12.12.2025

Принята к публикации 30.12.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Gulnara Sh. Chamsedinova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, chamsedinova@yandex.ru

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 06.12.2025

Approved after reviewing 12.12.2025

Accepted for publication 30.12.2025

Литературоведение / Literature studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 398.22
DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-64-73
EDN: PNCKIO

Первый женский роман востока: зарождение и становление башкирской женской романистики (к 120-летию Х. Давлетшиной)

© 2025 Шакурова Ш. Р.^{✉1}, Хуббитдинова Н. А.², Шарафитдинова Л. И.²

¹Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан
Уфа, Россия, sh-shaura@mail.ru[✉]

²Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Уфа, Россия, sh-shaura@mail.ru, narkas08@mail.ru, sharafitdinova97@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Статья посвящена исследованию роли творчества Хадии Давлетшиной (1905-1954) в развитии башкирской женской прозы и ее места в контексте восточных литератур СССР. **Цель.** Выявить историко-литературный контекст формирования женского романа в восточных литературах народов СССР и оценить вклад Хадии Давлетшиной в развитие женской прозы. **Методы.** Методологической базой написания статьи послужили сравнительно-исторические, биографические и системно-функциональные способы анализа. **Результаты.** Полученные результаты показали, что творчество Хадии Давлетшиной представляет собой уникальный пример «документального типа» женского романа, основанного на биографичности и этнографической точности с художественным использованием фольклора. **Выводы.** Исследование творческой и научной преемственности позволит оценить вклад Хадии Давлетшиной в развитие национальной литературы.

Ключевые слова: Хадия Давлетшина, первая романистка Востока, роман «Иргиз», Фазу Алиева.

Формат цитирования: Шакурова Ш. Р., Хуббитдинова Н. А., Шарафитдинова Л. И. Первый женский роман востока: зарождение и становление башкирской женской романистики (к 120-летию Х. Давлетшиной) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3-4. С. 64-73. DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-64-73. EDN: PNCKIO

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках конкурса научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров, договор № 311Ю от 14.05.2025 г. между ФГБОУ ФО «ДГПУ им. Р. Гамзатова» и ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы».

The First Women's Novel of the East: Origin and Formation of Bashkir Women's Novels (to the 120th Anniversary of Kh. Davletshina)

© 2025 Shaura R. Shakurova^{✉1},

Narkes A. Khubbitdinova², Liliya I. Sharafitdinova²

¹Institute of Strategic Studies,
Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan
Ufa, Russia, sh-shaura@mail.ru[✉]

²Akmulla Bashkir State Pedagogical University
Ufa, Russia, sh-shaura@mail.ru, narkas08@mail.ru, sharafitdinova97@mail.ru

ABSTRACT. The paper explores the role of Khadiya Davletshina's (1905-1954) work in the development of Bashkir women's prose and its place in the context of the USSR Eastern literatures. **Aim.** To identify the historical and literary context of the women's novel formation in the Eastern literatures of the USSR peoples and to assess Khadiya Davletshina's contribution to the women's prose development. **Methods.** The paper is based on comparative-historical, biographical and systemic-functional methods of analysis. **Results.** The results showed that Khadiya Davletshina's work is a unique example of a "documentary type" of a women's novel based on biographical and ethnographic accuracy, with artistic use of folklore. **Conclusions.** Research on creative and scientific continuity evaluates Khadiya Davletshina's contribution to the development of national literature.

Keywords: Khadiya Davletshina, the first novelist of the East, novel "Irgiz", Fazu Aliyeva.

For citation: Shakurova ShR, Khubbitdinova NA, Sharafitdinova LI. The First Women's Novel of the East: Origin and Formation of Bashkir Women's Novels (to the 120th Anniversary of Kh. Davletshina). *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2025;19(3-4):64-73. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-64-73. EDN: PNCKIO

Acknowledgments

This publication was prepared as part of a research paper competition in priority areas of research activity for partner universities, Agreement No. 311U dated May 14, 2025 between Gamzatov Dagestan State Pedagogical University and Akmulla Bashkir State Pedagogical University.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения творчества Хадии Давлетшиной в контексте современных тенденций национальной литературы, ориентированной на межнациональные и гендерные аспекты советской литературы в целом, что делается впервые в национальной филологической науке. Исследование восполняет существенный пробел в изучении зарождения и становления женского романа в восточных литературах СССР через призму сравнительного анализа творческих стратегий первых женщин-романисток, одной из которых является Хадия Давлетшина.

Цель статьи – выявить историко-литературный контекст становления женского романа в восточных литературах СССР для определения места творчества Х. Давлетшиной в общем процессе развития женской прозы.

Материал и методы исследования

В ходе исследования применялись методы сравнительно-исторического и биографического анализа, а также системно-функциональный подход. Материалом исследования послужил роман Хадии Давлетшиной под названием «Иргиз».

Результаты и их обсуждение

Не вдаваясь подробно в вопросы гендерного творчества в целом, и башкирского женского романа в частности, ограничимся лишь следующим. «Творчество женщин-писателей, зачинателей гендерной литературной мысли, сегодня вызывает к себе все больший интерес как читателей, так и исследователей. Если в российской науке термин «гендерная проза» плотно вошел в научный оборот в 1990-х гг. [1, с. 87-90; 2, с. 174], то в башкирской филологии он только разрабатывается, хотя в литературе активно пишут женщины-писатели. У истоков женского творчества стояли Хадия Давлетшина – автор романа «Иргиз» (1957) и Зайнаб Бишпева – автор трилогии «К свету» («Яктыға»), включающей в себя романы «Униженные» («Кәмһетелгәндәр», 1956-1959 гг.), «На берегу большого Ика» («Ык буйында», 1965-1967 гг.), «Емеш» (1967-1969 гг.)» [2, с. 174].

Когда речь заходит о женском романе, обычно говорят о произведениях на тему любовных, романтических отношений главной героини, например, детективного, интеллектуального, юмористического, исторического плана. При этом данный вид творчества относят к творчеству феминистского толка. Известны популярные

романы (например, Людмилы Петрушевской, Татьяны Толстой, Виктории Токаревой), которые имеют различную природу: сентиментальные, бытовые, социально-психологические и т. д. В них в основном поднимаются такие проблемы, как взаимоотношения между полами, родителей с детьми и внуками и т. д., т. е. все те события, которые не бросались в глаза, но оказывались важными и актуальными в жизни людей.

Как пишет И. Жеребкина, «Условно феминистский литературный критицизм можно вслед за Элизабет Гросс разделить на следующие основные разновидности, которые очень тесно связаны между собой и достаточно трудно поддаются дифференциации (в них, скорее, можно выделить различную акцентацию): 1) женская литература – акцент ставится на пол автора; 2) женское чтение – акцент ставится на пол читателя; 3) женское письмо – акцент ставится на стиль текста; 4) женская автобиография – акцент ставится на содержание текста [3, с. 138]. Центральная героиня в этих романах – женщина, проблематика так или иначе связана с женской судьбой. Немаловажную роль играет и взгляд на окружающую действительность с женской точки зрения, с учетом особенностей женской психологии» [4, с. 22]. Среди такого разнообразия отношения ко всему женскому нас, прежде всего, привлекает женская литература как вид творчества. Как и всякое явление, гендерное творчество имеет свои характерные факторы: «автор – женщина, центральная героиня – женщина, проблематика так или иначе связана с женской судьбой. Немаловажную роль играет и взгляд на окружающую действительность с женской точки зрения, с учетом особенностей женской психологии» [4, с. 22].

Изучение творчества первых женщин-романисток Востока – ценный пласт литературной истории, в которой отразились как эстетические поиски, так и социальные изменения в традиционных обществах. Так, на Востоке женские романы появляются в различные исторические периоды, тем не менее, нельзя не отметить некоторую общность в созданных произ-

ведениях: в них поднимаются темы равноправия, переосмысления традиционных ролей в семье и обществе, становления женщины как самодостаточной личности, женского образования и т. д. Например, арабская активистка за права женщин Зейнаб Фавваз (1846-1914) стала первой романисткой на Ближнем Востоке, написав «Счастливый конец» (1899 г.). В Османской империи первой известной женщиной-романисткой стала турецкая писательница Фатма Алие Топуз (1862-1936). В её романе «Споры» (1892 г.) поднимаются вопросы брака и женской независимости, а в «Полезной информации» (1892 г.) Фатма отвергала идею, согласно которой женщины не могут забыть первую любовь и жить дальше. Упомянем и турецких романисток, опубликовавших множество произведений: из-под пера Суад Дервиш (1903-1972) вышли романы «Ни один из них» (1923), «Ни слуха, ни духа» (1923), «Грех Фатьмы» (1924), Кериме Надир написала с 1937 г. до середины 1960-х гг. более сорока романов («Сердечная рана», «Рыдание», «Что только ни делает любящий»).

В советский период писательницы из тюркских и традиционных «мусульманских» автономных и союзных республик СССР внесли значительный вклад в советскую литературу, сочетали в своем творчестве национальные традиции с новыми социалистическими идеями, писали рассказы и повести на женские темы, в том числе об эмансипации женщин, о социальных преобразованиях, внесших перемены в их жизнь. Своим творчеством авторы этого периода создали почву для возникновения жанра романа как такового, стояли у истоков его появления в советской национальной литературе. Так, пьесы и рассказы узбекской писательницы Хадичи Сулаймановой (1913-1965) были посвящены борьбе за права женщин (например, «Девушка с характером», 1930 г.); узбекская поэтесса Зулфия Исраилова (1915-1996) затронула в своих прозаических произведениях идеи женского равенства. Первая казахская женщина-драматург Халима Садыкова (1914-

1993) стала автором серии рассказов о жизни казахских женщин. В Кыргызстане о судьбах кыргызских женщин в период коллективизации писала Токтобюю Турсунбаева (1905-1988). Дочь известного крымскотатарского ученого Исмаила Гаспринского Шефика Гаспринская (1886-1975) опубликовала статьи и рассказы о женском вопросе. Изображению женской доли азербайджанок посвящены повести писательницы Мирьям Ханум (1896-1968).

В дагестанской литературе роман как таковой зародился и начал развиваться еще в 1915 г. после появления произведения широкого эпического содержания кумыкского писателя А.-Г. Ибрагимова-Кизлярлы «Аманхор», что ознаменовало рождение этого эпического жанра. Позже, в советские годы в дагестанской литературе сложилась современная жанровая система, в которой роман стал занимать почетное место. Были созданы разнохарактерные романы, такие как исторический, историко-революционный, производственный, семейно-бытовой, биографический, приключенческий, ретроспективный (о Великой Отечественной войне), детективный, социально-психологический, сатирический роман, роман в новеллах, роман-миф [4, с. 1]. Многонациональная и многоголосная дагестанская литература развивалась и укреплялась благодаря произведениям таких писателей, как Р. Дин-Магомаев, М. Хуршилов, М. Сулиманов, М. Магомедов, М. Шамхалов и др.

Первой дагестанской женщиной романисткой советской эпохи стала Фазу Алиева (1932-2016), которая внесла большой вклад в развитие жанра романа в национальной литературе. Богатство ее творчества определяется разножанровостью прозы: очерки, эссе, рассказы, новеллы, повесть и, наконец, романы («Комок земли ветер не унесет», «Орел точит клюв о камень» и др.), среди которых особенно выделяется трилогия «Роса выпадает на каждую травинку».

Анализируя природу жанра романа Ф. Алиевой, Х. Г. Джамалудинова, в частности, отмечает, что автор «опиралась на

опыт «традиционной» (сюжетной) и «нетрадиционной» (бессюжетной) прозы». При этом исследователь творчества писательницы замечает, что «обрамленные повести», «рамочные рассказы» имеют столь же древние истоки, восходящие к сборникам восточных притч «Панчатантра», «Двадцать пять рассказов Веталлы», «Семьдесят рассказов попугая», «Калила и Димна», к арабским сборникам сказок «Тысяча и одна ночь», к сочинениям типа «Тути-наме», «Синдбад-наме», «Бахтиярнаме» или «Мудрость вымысла» Сулхан-Сабы Орбелиани, как и европейские романские формы. В этом же ряду можно рассмотреть и образцы обрамленной прозы эпохи Возрождения: «Декамерон» Боккаччо или «Кентерберийские рассказы» Чосера [5, с. 186]. Именно эти традиции сыграли значительную роль в возникновении жанра романа в новеллах» [6, с. 3]. По своей внутренней природе романы Ф. Алиевой подчиняются характеристике женского романа, а именно: повествование ведется от женского лица, в центре событий в основном действуют женщины, преобладает приключенческо-романтический эффект, события разворачиваются так же вокруг женщины.

Принято считать, что в русской литературе 50-х гг. XIX в. получил развитие «жанр романа, который вполне может называться социально-политическим, ибо главными целями авторов подобных произведений было утверждение той или иной общественно-политической позиции, а часто и четкой программы действий. Нередко романисты больше думали об идеологической стороне своих творений, от чего страдала художественность» [7, с. 1]. Эта особенность романа была характерна для башкирской литературы 30-х гг. XX в., о чем свидетельствуют произведения таких авторов, как А. Тагиров (трилогия «Солдаты», «Красногвардейцы», «Красноармейцы»), Д. Юлтый («Кровь»), И. Насыри, («Кудэй»), которые, как видим, являются представителями мускулинного вида творчества. Это было характерно и для

первого башкирского женского романа «Иргиз» Х. Давлетшиной. В центре произведения изображен молодой революционер Айбулат, через судьбу которого автор смогла отразить «жизни самых разных социальных слоев башкирского народа в предреволюционный период. Через раскрытие характера героев, через историю семьи показывается сложный процесс зарождения и развития исторического движения народа к революции» [8, с. 2].

Хадия Давлетшина по праву считалась первой романисткой Востока в СССР. Так нарек ее казахский писатель, академик Академии наук Казахстана Сабит Муканов. Потому что слава о ней как об авторе талантливых рассказов и повестей разлетелась далеко за пределами Башкортостана в масштабе страны уже в 30-е гг., она была делегатом на Первом съезде писателей СССР (1934) и на 3-м пленуме писателей СССР (1936) (рис.). Апогеем ее творчества и достижением башкирской литературы стал ее роман «Иргиз». К нему она пришла через годы приобретенного литературного мастерства, после написания рассказов и повестей, таких как «Пионерка Хылукай» (1926), «Айбика» (1930), «Волны колосьев» (1932), «Пламенные годы» (1933-1937).

Позже ее последовательницей стала Зайнаб Биешева, впервые в башкирской литературе написавшая трилогию «К свету», включавшую в себя романы «Униженные» (1956-1959), «У Большого Ика» (1965-1967), «Емеш» (1967-1969), высокохудожественное мастерство которых достигается опытом и знанием автора жизни и быта народа, умелым, гармоничным использованием фольклорных традиций, поэзией устно-поэтического творчества [9, с. 15].

Творчество Х. Давлетшиной в башкирском литературоведении изучалось в трудах М. Х. Мингажетдинова [10], Г. Шафикова [11; 12], З. А. Рахматуллиной [13], Г. Г. Галиной [14], Ф. Б. Юнусовой [15; 16], Г. Каскиновой [17], Р. Сулейманова [8], Н. Хуббитдинова [18],

Ш. Р. Шакурова, Н. А. Хуббитдинова, Г. Р. Шагапова [19] и др. В них прослеживается стремление раскрыть многогранность таланта писательницы, проанализировать тематику и проблематику ее произведений, а также определить ее роль в становлении башкирской прозы и т. д.

Как уже было сказано выше, если в женском романе акцент делается на женщину и окружающий ее мир и т. д., то в романе «Иргиз» в центре повествования стоит мужчина – пламенный борец за советскую власть, а женщина изображается как его преданная спутница, помогающая раскрыть его характер в художественном отношении. Особенностью романа также является его биографичность и автобиографичность, когда все герои и персонажи имеют прототипы в жизни. Об этом более всего подробно пишет Р. Н. Сулейманова, «В романе «Иргиз» писательница проследит судьбы свыше 70 героев. Почти у каждого из них были прототипы в реальной жизни. Это характерная особенность стиля Хадии Давлетшиной: все ее произведения можно назвать биографическими, в некоторых моментах – автобиографическими. Личная жизнь Давлетшиной и жизнь прототипов ее героев тесно связаны» [8, с. 2]. Доказательством тому служат документальные источники, фотографии, воспоминания, собранные ученым-историком Р. Н. Сулеймановой. Действительно, «роман «Иргиз» – большое эпическое полотно об исторических судьбах башкирского народа в переломные эпохи истории страны – с 1905 до начала 20-х годов XX века» [8].

Одним из поэтических элементов, художественно обогащающим содержательно и углубляющим тематически произведение, являются фольклорные традиции. Использование фольклора в своем творчестве для Х. Давлетшиной кроме этого был неким художественным приемом, позволяющим раскрыть идейно-художественные основы произведения, характер героев, придать поэтичность изображаемым событиям, передать глубоко-эмоциональные переживания и чувства персонажей и т. д. Лишь в трудах

Р. Шакурова [20-25], и А. Сулейманова [26] можно увидеть всю палитру фольклорных традиций, художественно воплощенных писательницей.

Рис. Губай и Хадия Давлетшиной. 1935 г.

Фото для публикации предоставлено директором музея Хадии Давлетшиной при Бирском филиале УУНИТ Г. Н. Каскиновой

Fig. Gubai and Khadiya Davletshina. 1935.
Photo provided for publication by G. N. Kaskinova, director of Khadiya Davletshina Museum at Birk branch of Ufa University of Science and Technology

Хадия Лутфулловна свой роман писала более пятнадцати лет, за это время был арестован и объявлен «врагом народа» ее супруг писатель и выдающийся политический деятель Г. Давлетшин, а сама она, как жена «изменника Родины», была сослана в Темниковские лагеря Мордовии. Вернувшись, она все же смогла завершить роман, который был опубликован (1957 г.) лишь после ее смерти (1954 г.) и полной реабилитации (1956 г.). К печати произведение подготовил народный поэт Башкортостана Р. Нигмати. В 1958 г. председатель Прав-

ления Союза писателей РСФСР, известный прозаик Леонид Соболев, выступая на I съезде писателей Российской Федерации, скажет: «Не зная романа Хадии Давлетшиной «Иргиз», нельзя понять действительности башкирского народа». Текст речи, озаглавленной как «Литература и наша современность», был напечатан в «Литературной газете» [27]. Так имя первой башкирской романистки Хадии Давлетшиной вновь прозвучал на всю страну, а о романе «Иргиз» узнали миллионы.

Заключение

Таким образом, женское творчество в целом и женский роман в частности в национальных литературах Востока зародился в сложных социально-политических и историко-культурных условиях. Если в восточной, среднеазиатской, кавказской литературной мысли женщины стремились встать в один ряд с писателями и мужчинами для выражения и провозглашения равноправия в обществе, собственного «я» в праве художественного изображения реальной действительности, то в случае с башкирской писательницей Хадией Давлетшиной в этом без борьбы отношении удалось занять нишу женского писательского мастерства. Из-под ее пера в сложные 30-е гг. вышли повести и рассказы, которые позже вылились в монументальный роман «Иргиз». Конечно, период создания и издания романа, как было сказано выше, уже являлся сложным и нелегким для человека, перенесшего лишения и страдания на ссылке как жена врага народа. Однако ей удалось за столбить за собой имя первой женщины писателя Востока, сумевшей в красочных красках изобразить эпоху рождения и становления молодой советской власти, в которую внесли свой осязаемый вклад и башкирский народ.

Если состоящий из новелл роман дагестанской писательницы Ф. Алиевой («Роса выпадает на каждую травинку») в своей основе подчиняется законам женского романа (повествование ведется от женского лица, в центре событий в основном действуют женщины, преобладает приключенческо-романтический эффект, сюжет

развивается вокруг женщины и т. д.), то у башкирской романистки Х. Давлетшиной преобладает мужское начало в сюжетном полотне эпикки. Возможно, в образе революционера – борца за новую жизнь мог выступить лишь мужчина, как прообраз батыра из народных легенд и преданий, эпоса (Урал-батыр, Сура-батыр, Биш-батыр, Кахым-тюря и др.), национального героя Салавата Юлаева. Каждый батыр славен и могуч на своем месте в свою эпоху и навеки жив в памяти народной. В данном случае главный герой Айбулат представляет собой собирательный образ известных эпических, исторических батыров.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением влияния Х. Давлетшиной на последующее развитие башкирской литературы. Известно, что башкирская художественная словесность, как и другие национальные литературы, является частью российской литературы, определенным достижением советской, а потом и российской культуры в целом. Поэтому смело можно утверждать, что творчество Хадии Давлетшиной дополняет и обогащает историю такого феномена, как женский роман. Рассмотрение произ-

ведений, в частности романа, в таком ракурсе позволяет говорить о его актуальности, востребованности в современной науке и литературе. Вслед за Х. Давлетшиной на творческой арене, ниве национального женского романа в 80-х гг. XX в. выступила З. Бишпева, эти традиции были подхвачены позже Г. Гиззатуллиной, Г. Якуповой, Т. Гариновой и другими башкирскими писательницами, обратившимися к фольклору в своих романах, ставших, в свою очередь, объектом изучения в современном литературоведении. Исследование этой творческой и научной преемственности позволит оценить вклад Хадии Давлетшиной в формирование национальной литературной традиции.

Творчество Хадии Давлетшиной – это неисчерпаемый источник для исследований. Ее романы, проникнутые духом времени и отражающие глубокие социальные и нравственные проблемы, продолжают волновать читателей и вдохновлять исследователей на новые открытия. Дальнейшее изучение ее наследия позволит глубже понять историю и культуру башкирского народа и определить место Хадии Давлетшиной в мировой литературе.

Список литературы

1. Рюткенен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. 2000. № 3. С. 5-17.
2. Галиуллин А. Х. Идеино-художественное своеобразие башкирского романа (на примере трилогии "Женщины" Гульнур Якуповой) // Филология и культура. 2020. № 2(60). С. 174-177. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-60-2-174-177. EDN: WNTMFQ
3. Жеребкина И. А. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 261 с.
4. Зумбулидзе И. Г. «Женская проза» в контексте современной литературы // Современная филология: материалы Международной научной конференции (г. Уфа, 20-23 апреля 2011). 2011. С. 21-23.
5. Ахмедов С. Х. Художественная проза народов Дагестана: история и современность. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1996. 280 с.

References

1. Rutkenen M. Gender and Literature: The problem of "Women's writing" and "Women's reading". *Philological Sciences*. 2000(3):5-17. (In Russ)
2. Galiullin AKh. Ideological and artistic originality of the Bashkir novel (based on Gulnur Yakubova's "Women" Trilogy). *Philology and Culture*. 2020(2(60):174-177. (In Russ). DOI: 10.26907/2074-0239-2020-60-2-174-177. EDN: WNTMFQ
3. Zherebkina IA. "Read my desire...". Postmodernism. Psychoanalysis. Feminism. Moscow: Idea-Press, 2000:261. (In Russ)
4. Zumbulidze IG. "Women's Prose" in the context of contemporary literature. *Modern Philology: Proceedings of the International Scientific Conference (Ufa, April 20-23, 2011)*. 2011:21-23. (In Russ)
5. Akhmedov SKh. Fiction of Dagestan peoples: History and modernity. Makhachkala: Dagestan Book Publ., 1996:280. (In Russ)

6. Джамалудинова Х. Г. Истоки жанра романа в дагестанской литературе и прозаическое творчество Фазу Алиевой // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. *Общественные и гуманитарные науки*. 2010. № 4. С. 88-91.

7. Алексеев К. В. Зарождение жанра русского социально-политического романа и его развитие в середине XIX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2009. № 22. С. 48-68.

8. Сулейманова Р. Н. Герои романа «Иргиз» и их прототипы // Хадия Давлетшина: творческое наследие и современность (Бирск, 23 апреля 2010 г.). Бирск: Бирская социально-педагогическая академия, 2010. С. 73-74.

9. Шакурова Ш. Р., Хуббитдинова Н. А., Шагапова Г. Р. Фольклорные мотивы в сценической интерпретации романа Зайнаб Бишевой «Униженные» // Человек и культура. 2024. № 5. С. 14-28.

10. Мингажетдинов М. Х. Хадия Давлетшина: Жизнь и творчество. Уфа, 1966. 144 с.

11. Шафиков Г. Г. И совесть, и жертвы эпохи. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991. 224 с.

12. Шафиков Г. Г. Крючья под ребро. Уфа: Китап, 1993. 466 с.

13. Рахматуллина З. А. Некоторые особенности языка и стиля произведений Хадии Давлетшиной // Вестник Башкирского университета. 2009. № 2. С. 503-506.

14. Галина Г. Г., Галина М. Б. Фольклорно-этнографический материал иргизо-камеликских башкир в повести «Айбика» Х. Давлетшиной // Народы Евразии: История. Культура. Языки: материалы Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием, посвященной 65-летию образования бюджетного научного учреждения Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики С.С.Суразакова», 200-летию со дня рождения алтайского писателя и просветителя Михаила Васильевича Чевалкова. Горно-Алтайск, 2017. С. 473-477.

15. Юнусова Ф. Б. Современный башкирский очерк: документально-художественные особенности (1980-1990 гг.). Уфа: Башкирская энциклопедия, 2017. 124 с.

16. Юнусова Ф. Б. Галерея образов знаменитых башкир в современных очерках (на примере творчества Р. Шакура // Проблемы востоковедения. 2021. № 4(94). С. 35-42. (На башкирском языке)

6. Dzhamaludinova HG. The Origins of the novel Genre in Dagestan Literature and the prose works of Fazu Alieva. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2010(4):88-91. (In Russ)

7. Alekseev KV. The origin of the genre of the Russian Socio-Political Novel and its development in the mid-19th century. *Bulletin of S. A. Yesenin Ryazan State University*. 2009(22):48-68. (In Russ)

8. Suleymanova RN. Heroes of the novel “Irgiz” and their prototypes. *Khadiya Davletshina: Creative Heritage and Modernity (Birsk, April 23, 2010)*. Birsk: Birsk Social Pedagogical Academy, 2010:73-74. (In Russ)

9. Shakurova ShR, Khubbitdinova NA, Shagapova GR. Folklore motifs in the stage interpretation of Zainab Biisheva’s novel “The Humiliated”. *Person and Culture*. 2024(5):14-28. (In Russ)

10. Mingazhetdinov MKh. Khadiya Davletshina: Life and creativity. Ufa, 1966:144. (In Russ)

11. Shafikov GG. And conscience and victims of the era. Ufa: Bashkir Book Publ., 1991:224. (In Russ)

12. Shafikov GG. Hooks under the rib. Ufa: Kitap, 1993:466. (In Russ)

13. Rakhmatullina ZA. Some features of the language and style of Khadiya Davletshina’s works. *Journal of Bashkir University*. 2009(2):503-506. (In Russ)

14. Galina GG, Galina MB. Folklore and ethnographic material of the Irgiz-Kamelik Bashkirs in the story “Aibika” by Kh. Davletshina. *Peoples of Eurasia: History. Culture. Languages: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, dedicated to the 65th Anniversary of the Foundation of the Budgetary Scientific Institution of the Altai Republic “S.S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies”, and the 200th Anniversary of the Birth of Altai Writer and Educator Mikhail Vasilyevich Chevalkov*. Gorno-Altaysk, 2017:473-477. (In Russ)

15. Yunusova FB. Modern Bashkir essay: documentary and artistic features (1980-1990). Ufa: Bashkir Encyclopedia, 2017:124. (In Russ)

16. Yunusova FB. Gallery of images of famous Bashkirs in modern essays (using the work of R. Shakur as an example). *Problems of Oriental Studies*. 2021(4(94)):35-42. (In Bashkir)

17. Kaskinova G. N. Khadiya Davletshina. Cre-

17. Г. Н. Каскинова. Хадия Давлетшина. Творческое наследие. Воспоминания. Документы. Уфа: Китап, 2022. 238 с.

18. Хуббитдинова Н. А. Художественные функции фольклорной традиции башкирской литературы начала XX века // Творческое наследие Хадии Давлетшиной и актуальные проблемы современной филологии. VIII Давлетшинские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения башкирской писательницы Хадии Давлетшиной: Всероссийская научно-практическая конференция. Бирск, 2025. С. 90-93.

19. Шакурова Ш. Р., Хуббитдинова Н. А., Шагапова Г. Р. Женские имена в урбанонимии города: имена башкирских женщин писателей в названиях улиц города Уфы (к 450-летию столицы посвящается) // Этнопедагогика как ресурс воспитания и становления личности через приобщение к традиционной родной культуре (XIX Акмуллинские чтения): материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 29 ноября 2024 г.). Уфа: БГПУ, 2024. Т. 1. С. 112-116.

20. Шакур Р. Истоки духовности. Исследования. Публицистика. Уфа, Гилем, 2009. 520 с.

21. Шакур Р. Хадия Давлетшина // Знаменитые башкиры: научно-биографические очерки. Уфа: Китап, 1998. 304 с. (На башкирском языке)

22. Шакур Р. Хадия Давлетшина // Знаменитые башкиры: научно-биографические очерки. 2-е доп. изд., Уфа: Китап, 2005. 376 с. (На башкирском языке)

23. Шакур Р. В творчестве – судьба народа. Избранные произведения. Уфа: Китап, 2005, 425 с. (На башкирском языке)

24. Шакур Р. Утренняя звезда (вступительное слово) // Давлетшина Х. Иргиз (роман). Уфа, 2020. 432 с. (На башкирском языке)

25. Шакур Р. Посланник божества // Избранные произведения. Т. 2; литературоведение. Уфа: Китап, 2020. 368 с.

26. Сулейманов А. М. Народу – по-народному (фольклоризм прозы Хадии Давлетшиной). Уфа: Гилем, 2000. 40 с. (На башкирском языке)

27. Соболев Л. Литература и наша современность // Литературная газета. 1958. 8 декабря. № 14 (3956). С. 2-3.

ative heritage. Memories. Documents. Ufa: Kitap, 2022:238. (In Russ)

18. Khubbitdinova NA. Artistic functions of the folklore tradition of Bashkir literature in the early 20th century. *The Creative Legacy of Khadiya Davletshina and Current Problems of Modern Philology. The 8th Davletshina Readings Dedicated to the 120th Anniversary of Bashkir Writer Khadiya Davletshina's Birth: All-Russian Scientific and Practical Conference*. Birsik, 2025:90-93. (In Russ)

19. Shakurova ShR, Khubbitdinova NA, Shagapova GR. Women's names in the urbanonymy of the city: the names of Bashkir women writers in the names of streets in Ufa (dedicated to the 450th anniversary of the capital). *Ethnopedagogy as a Resource for Education and Personality Development Through Familiarization with Traditional Native Culture (19th Akmulla Readings): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Ufa, November 29, 2024)*. Ufa: BSPU, 2024;1:112-116.

20. Shakur R. The origins of spirituality. Research. Journalism. Ufa, Gilem, 2009:520. (In Russ)

21. Shakur R. Khadiya Davletshina. *Famous Bashkirs: Scientific and Biographical Essays*. Ufa: Kitap, 1998:304. (In Bashkir)

22. Shakur R. Hadiya Davletshina. *Famous Bashkirs: Scientific and Biographical Essays*. 2nd add. ed., Ufa: Kitap, 2005:376. (In Bashkir)

23. Shakur R. In creativity – the fate of the people. Selected works. Ufa: Kitap, 2005:425. (In Bashkir)

24. Shakur R. Morning star (introductory speech). Davletshina H. Irgiz (novel). Ufa, 2020:432. (In Bashkir)

25. Shakur R. Messenger of the deity. Selected Works. Literary criticism. Ufa: Kitap, 2020;2:368. (In Russ)

26. Suleymanov AM. To the people – in the folk way (folklorism of Khadiya Davletshina's prose). Ufa: Gilem, 2000:40. (In Bashkir)

27. Sobolev L. Literature and our modernity. *Literary Newspaper*. 1958, December 8. No. 14 (3956):2-3. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Шакурова Шаура Рашитовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт стратегических исследований Академии

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Shaurova R. Shakurova, Ph.D. (Philology), Senior Researcher, Senior Researcher, Institute of Strategic Studies, Academy of Sciences of the

наук РБ; старший научный сотрудник, научно-исследовательский центр башкирского фольклора, Башкирский государственный педагогический университет им. Мифтахетдина Акмуллы, Уфа, Россия, sh-shaura@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0450-3487>

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, научно-исследовательский центр башкирского фольклора, Башкирский государственный педагогический университет им. Мифтахетдина Акмуллы, Уфа, Россия, narkas08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3719-6978>

Шарафитдинова Лилия Ильшатовна, младший научный сотрудник, научно-исследовательский центр башкирского фольклора, Башкирский государственный педагогический университет им. Мифтахетдина Акмуллы, Уфа, Россия, sharafitdinova97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4367-7383>

Republic of Bashkortostan; Senior Researcher, Research Center of Bashkir Folklore, Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia, sh-shaura@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0450-3487>

Narkes A. Khubbitdinova, Doctor of Science (Philology), Chief Researcher, Research Center of Bashkir Folklore, Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia, narkas08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3719-6978>

Liliya I. Sharafitdinova, Junior Researcher, Research Center of Bashkir Folklore, Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia, sharafitdinova97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4367-7383>

Критерии авторства

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.12.2025
Одобрена после рецензирования 23.12.2025
Принята к публикации 23.12.2025

Contribution of the authors

The authors contributed equally to the paper.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 03.12.2025
Approved after reviewing 23.12.2025
Accepted for publication 23.12.2025

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК: 811.11-112:811.351.32

DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-74-80

EDN: PTFUGO

К вопросу о сопоставительном анализе видовременных форм в английском и лезгинском языках

2025 Алипулатова Н. С. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова,
Дагестанский государственный университет
Махачкала, Россия, umudatka07@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Цель. Выявление типологических и функциональных особенностей взаимодействия категорий времени и вида в английском и лезгинском языках, а также установление универсальных и специфических черт в их грамматической организации. Особое внимание уделяется сопоставлению аналитических и агглютинативных механизмов выражения аспектуально-временных значений, что позволяет раскрыть общие когнитивно-грамматические принципы, лежащие в основе формирования видовременной системы. **Методы.** Теоретические: анализ и обобщение научных трудов по теории функциональной грамматики; сопоставительный анализ грамматических систем английского и лезгинского языков; структурно-семантический анализ категорий времени и вида; эмпирические: наблюдение за функционированием видовременных форм в текстах разных жанров; описание и классификация фактического языкового материала; интерпретация типологических различий через когнитивные и функциональные параметры. **Результаты.** Проведённый анализ показал, что категории времени и вида в английском и лезгинском языках обладают синкретическим характером и демонстрируют значительное функциональное сходство при различии формальных средств выражения. В английском языке видовременные формы строятся аналитически, с использованием вспомогательных глаголов (to be, to have) и неличных форм, тогда как в лезгинском языке те же значения реализуются морфологически, через систему аффиксов и вспомогательных глаголов в постпозиции. Несмотря на различие грамматического строя, оба языка проявляют общие закономерности аспектуально-временной категоризации, выражая универсальные значения длительности, завершённости и относительности действия. **Вывод.** Исследование подтвердило наличие межъязыковых универсалий в сфере выражения аспектуально-временных отношений. Английский и лезгинский языки, принадлежащие к разным типологическим системам, демонстрируют функциональную конвергенцию в способах обозначения длительности и завершённости действия. Эти результаты имеют значение для дальнейшего развития сравнительно-типологических исследований и могут быть использованы при построении когнитивных моделей грамматических категорий, а также при разработке эффективных стратегий билингвального обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: видовременные формы, категория времени, категория вида, аспектуальность, темпоральность, синкретизм грамматических категорий, функциональная грамматика, типологическое сопоставление, межъязыковые универсалии.

Формат цитирования: Алипулатова Н. С. К вопросу о сопоставительном анализе видовременных форм в английском и лезгинском языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3-4. С. 74-80. DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-74-80. EDN: PTFUGO

On the Comparative Analysis of Aspect-Tense Forms in English and Lezgin

2025 Nadezhda S. Alipulatova ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, umudatka07@mail.ru ✉

ABSTRACT. Aim. To identify typological and functional features of the interaction between the categories of tense and aspect in English and Lezgin, as well as to establish universal and specific features in their grammatical organization. Special attention is paid to the comparison of analytical and agglutinative mechanisms for expressing aspectual-temporal meanings, which helps to reveal the general cognitive-grammatical principles underlying the formation of the aspectual-temporal system. **Methods.** Theoretical: analysis and generalization of scientific papers on the theory of functional grammar; comparative analysis of English and Lezgin grammatical systems; structural and semantic analysis of the categories of tense and aspect; empirical: observation of the functioning of aspectual-temporal forms in different genres texts; description and classification of factual linguistic material; interpretation of typological differences through cognitive and functional parameters. **Results.** The conducted analysis showed that the categories of tense and aspect in English and Lezgin are syncretic in nature and demonstrate significant functional similarity despite differences in the formal means of expression. In English, tense-aspect forms are constructed analytically, using auxiliary verbs (to be, to have) and impersonal forms, whereas in Lezgin, the same meanings are realized morphologically, through a system of affixes and auxiliary verbs in postposition. Despite the differences in grammatical structure, both languages exhibit common patterns of aspectual-temporal categorization, expressing universal meanings of duration, completion and relativity of action. **Conclusion.** The research confirmed the existence of cross-linguistic universals in the expression of aspectual-temporal relations. English and Lezgin, which belong to different typological systems, demonstrate functional convergence in the ways they denote the duration and completion of action. These results are important for the further development of comparative typological research and can be used in constructing cognitive models of grammatical categories, as well as in developing effective strategies for bilingual foreign language teaching.

Keywords: aspect-temporal forms, category of time, category of aspect, aspectuality, temporality, syncretism of grammatical categories, functional grammar, typological comparison, cross-linguistic universals.

For citation: Alipulatova NS On the Comparative Analysis of Aspect-Tense Forms in English and Lezgin. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2025;19(3-4):74-80. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-74-80. EDN: PTFUGO

Введение

Возрастающий интерес к проблеме типологического сопоставления языковых систем в современной филологии обусловлен необходимостью выявления универсальных и идиоэтнических характеристик грамматических категорий. Современная лингвистика всё более настойчиво обращается к проблеме универсальной

организации грамматических категорий времени и вида, поскольку именно они формируют семантический каркас глагольной системы и отражают способы восприятия временной протяжённости и характера действия в различных языковых картинах мира.

Сопоставление английского и лезгинского языков представляет особый инте-

рес в силу их типологической дистанции и различия морфологических механизмов выражения грамматических значений. Английский язык, принадлежащий к аналитическому типу, реализует видовременные значения преимущественно с помощью вспомогательных глаголов и перифрастических конструкций, в то время как лезгинский язык, обладающий агглютинативной структурой, выражает аналогичные значения посредством морфологических показателей. Однако структурные различия не исключают наличия функциональной конвергенции: оба языка демонстрируют сходные принципы осмысления длительности, завершённости и временной локализации действия.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили примеры видовременных форм английского и лезгинского языков, зафиксированные как в классических трудах по грамматике, так и в современных исследованиях.

Для английского языка источниками выступали работы И. П. Ивановой, А. В. Бондарко, классические исследования Б. А. Ильиша, В. И. Ярцевой, Б. С. Хаймовича и А. И. Смирницкого [1-5]. Для лезгинского языка использовались исследования И. А. Гаджимурадова, М. Е. Алексеева, Р. Г. Магомедова [6; 7].

Анализ осуществлялся с опорой на сопоставительный метод, позволяющий выявить функциональные соответствия между аналитическими и агглютинативными системами выражения времени и вида. Методы включали: сопоставление морфологических и синтаксических средств выражения времени и вида; выявление функциональных аналогов аналитических и агглютинативных форм; когнитивно-грамматический анализ бинарных оппозиций «прошлое – настоящее – будущее» и «длительность – завершённость».

Результаты и их обсуждение

Категория времени в английском языке представляет собой систему грамматических средств, обеспечивающих соотносённость действия с моментом речи. Соглас-

но классическим исследованиям (Б. А. Ильиш, В. И. Ярцева, Б. С. Хаймович, А. И. Смирницкий), основой временной парадигмы является ориентация действия относительно реального момента речи, что позволяет выделить три абсолютных времени – настоящее, прошедшее и будущее [3-5]. Позднейшие труды (И. П. Иванова, А. В. Бондарко) уточняют, что наряду с абсолютным временем функционирует категория относительного времени, где момент соотношения определяется не ситуацией речи, а другим действием, обозначенным в высказывании [1; 2]. Таким образом, в английской грамматике время имеет двухуровневую структуру: абсолютную, связанную с моментом речи, и относительную, определяемую контекстом.

В качестве примера рассмотрим различие между абсолютным и относительным временем:

He had finished his work before she came – «Он закончил работу до её прихода».

В данном предложении форма *had finished* обозначает действие, завершившееся до другого прошедшего действия (*came*), что демонстрирует реализацию категории относительного времени.

Категория вида в английском языке, по И. П. Ивановой, реализуется функционально, через вспомогательные глаголы и формы причастий. Исследователь выделяет четыре аспектуальных разряда: *Indefinite*, *Continuous*, *Perfect* и *Perfect Continuous* [6, с. 72-76]. Форма *Indefinite* выражает действие как факт, не акцентируя ни его протяжённость, ни завершённость; *Continuous* подчёркивает процессуальность; *Perfect* фиксирует результативность; *Perfect Continuous* объединяет значения длительности и завершённости. Данная система представляет собой сложное переплетение аспектуальных и темпоральных значений, где вид и время формируют единую синкретическую категорию.

Для иллюстрации рассмотрим примеры:

He is writing a letter – «Он пишет письмо» (*Present Continuous*, акцент на процессе действия).

He has written a letter – «Он написал письмо» (Present Perfect, акцент на результате).

В первом случае внимание говорящего сосредоточено на протекании действия, во втором – на его завершённости, что отражает взаимодействие временного и видового значений в английской системе.

В лезгинском языке категория времени обладает особенно разветвлённой морфологической структурой. Как отмечает И. А. Гаджимурадов, в изъявительном наклонении глагола насчитывается до четырнадцати временных форм, включая: Настоящее I, Настоящее II, Прошедшее несовершенное I, Прошедшее несовершенное II, Прошедшее несовершенное III, Прошедшее совершенное I, Прошедшее совершенное II, Прошедшее совершенное III, Прошедшее совершенное IV, Давно-прошедшее I, Давнопрошедшее II, Давнопрошедшее III, Будущее, Будущее предположительное I, Будущее предположительное II [1, с. 44-49].

Такое разнообразие форм отражает высокую степень детализации временных значений и позволяет выражать не только локализацию действия, но и отношение говорящего к длительности и завершённости события.

В лезгинском языке аналогичные значения выражаются морфологически:

Келзава – «Он пишет» (Настоящее I, процессуальное значение).

Келнава – «Он написал» (Прошедшее совершенное I, значение завершённости).

Эти формы являются функциональными аналогами английских *is writing* и *has written*, хотя способы выражения действия различны: в английском они строятся аналитически, а в лезгинском – агглютинативно.

При выражении длительности в прошедшем времени также наблюдаются параллели:

He was still reading a book when I entered – «Он читал книгу, когда я вошёл» (Past Continuous, длительное прошедшее действие).

Келзамай – «Он все еще читал» (Прошедшее несовершенное II).

Обе формы выражают процессуальность и незавершённость действия, но английская форма реализуется через вспомогательный глагол *was*, а лезгинская – с помощью морфологического показателя -май.

Сходство наблюдается и в выражении результативности:

He had finished his work before she came – «Он закончил работу до её прихода».

Келнавай – «Он уже сделал» (Давнопрошедшее II, завершённость и предшествование другому действию).

Обе формы передают приоритет и результативность, однако в английском используется аналитический перфект, а в лезгинском – морфологический показатель давнопрошедшего времени ава-й.

Даже в будущем времени наблюдается функциональная близость:

He will write a letter – «Он напишет письмо».

Келиз жеда – «Он будет писать» (Будущее предположительное I, длительность действия в будущем).

В обоих случаях действие соотносится с будущим моментом, однако английская форма выражается через вспомогательный элемент *will*, а лезгинская – при помощи конструкции с глаголом жеда («будет»).

Вопрос о категории вида в лезгинском языкознании долго оставался спорным. Современные исследования (М. Е. Алексеев, Р. Г. Магомедов) подтверждают наличие внутреннего видового противопоставления, реализованного через оппозицию терминатива (совершенного вида) и дуратива (несовершенного вида) [7, с. 56-72]. Эмпирические данные показывают, что терминативные основы передают завершённость, тогда как дуративные – процессуальность и протяжённость действия. Таким образом, вид в лезгинском языке является морфологически выраженной категорией, тесно связанной с темпоральной системой.

Несмотря на структурную несопоставимость английского и лезгинского языков, их видовременные системы обнару-

живают значительное функциональное сходство.

Обе языковые системы демонстрируют высокую степень грамматической выраженности категорий вида и времени, что отражает универсальную тенденцию к детальному описанию характера и протекания глагольного действия. Для обоих языков характерно сложное членение временной парадигмы, включающее как абсолютное (ориентация действия относительно момента речи), так и относительное (взаимное соотнесение нескольких действий) выражение временных отношений. Это свидетельствует о функционально близких принципах темпоральной организации в их грамматических системах.

В обоих языках длительность и несовершенство действия выражаются через сочетание смыслового глагола с вспомогательным элементом, имеющим значение «быть». В английском это конструкции типа *am/is/are reading* и *was/were reading*, соответствующие формам Present и Past Continuous. В лезгинском аналогичная семантика реализуется в формах *келзава* и *келзамай*, где деепричастие настоящего времени сочетается с вспомогательным глаголом *ава* («быть»). Основное различие заключается в синтаксической организации: в английском вспомогательный гла-

гол предшествует смысловому (препозиция), тогда как в лезгинском – следует за ним (постпозиция), что отражает различие аналитического и агглютинативного типов построения высказывания.

В целях наглядного сопоставления грамматических характеристик длительных (в английском) и несовершенных (в лезгинском) видовременных форм ниже представлена соответствующая сравнительная таблица 1.

Анализ данных, представленных в таблице, позволяет выявить как типологические сходства, так и структурные различия в способах выражения видовременных форм в английском и лезгинском языках.

Аналогичные соответствия наблюдаются при выражении завершённости. Английские формы *have/has read* и *had read* функционально эквивалентны лезгинским *келнава* и *келнавай*. В обоих случаях результативность передаётся через сочетание смыслового глагола в форме прошедшего времени и вспомогательного глагола со значением «иметь». Таким образом, в обеих языковых системах выражение длительности и завершённости действия опирается на универсальные когнитивно-грамматические механизмы.

Таблица. 1. Сопоставление грамматических характеристик длительных (в английском) и несовершенных (в лезгинском) видовременных форм

Table. 1. Comparison of grammatical characteristics of continuous (in English) and imperfective (in Lezgin) tense forms

Английский язык	Вспом. гл. наст. вр. <i>am, is are</i>	Причастие наст.вр.	<i>am, (is, are) reading</i>	Present Continuous
	Вспом. гл. прош. вр. <i>was, were</i>		<i>was (were) reading</i>	Past Continuous
Лезгинский язык	Деепричастие наст. вр.	Вспом. гл. наст. вр. <i>ава, ама</i>	<i>келзава</i> <i>келзама</i>	Настоящее I Настоящее II
		Вспом. гл. прош. вр. <i>авай, амай</i>	<i>келзавай</i> <i>келзамай</i>	Прош. несов. I Прош. несов. II

Таблица. 2. Структурные соответствия между формами завершённого действия в английском и лезгинском языках

Table 2. Structural correspondences between forms of completed action in English and Lezgin

Английский Язык	вспом. гл. наст. вр. <i>have, has</i>	Причастие прош. вр.	have(has) read	Present Perfect
	вспом. гл. прош. вр. <i>had</i>		had read	Past Perfect
Лезгинский Язык	Глагольная основа прош. соверш. I	Вспом. гл. наст. вр. <i>ава</i>	келнава	Прош. сов. II
		Вспом. гл. прош. вр. <i>авай</i>	келнавай	Давнопрош. II

Рассмотрим таблицу 2, в которой представлены структурные соответствия между формами завершённого действия в английском и лезгинском языках.

Заключение

Сопоставительный анализ позволяет заключить, что при всей типологической разнице английский и лезгинский языки реализуют общие когнитивные принципы категоризации времени и вида. В обеих грамматических системах действуют бинарные оппозиции «прошлое – настоящее – будущее» и «длительность – завершённость», отражающие универсальные представления о временной структуре действия. Эти универсальные параметры показывают, что категории вида и времени

выходят за рамки чисто грамматических явлений, являясь элементами когнитивной модели восприятия действительности.

В результате можно сделать вывод, что совпадение функциональных принципов при различии формальных средств указывает на наличие межъязыковых универсалий, проявляющихся в сходстве способов выражения аспектуальности и темпоральности. Английский и лезгинский языки, принадлежащие к разным типологическим системам, демонстрируют функциональную конвергенцию в грамматической организации времени и вида, что подтверждает универсальный характер когнитивных стратегий осмысления действия.

Список литературы

1. Гаджимурадов И. А. Структура и семантика глагольных форм времени в лезгинском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2020. Т. 14. № 3. С. 44-49.
2. Зандворт Р. Время и вид в английском языке // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 52-68.
3. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка. Л.: Просвещение, 1971. 365 с.
4. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Литература на иностранных языках, 1959. 440 с.
5. Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка. М.: АН СССР, 1960. 198 с.
6. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов

References

1. Gadzhimuradov IA. Structure and semantics of verb tense forms in Lezgin. Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2020;14(3):44-49. (In Russ)
2. Zandvoort R. Tense and aspect in English. *Voprosy Yazykoznaniiya*. 1962(3):52-68. (In Russ)
3. Ilyish BA. Structure of modern English. Leningrad: Prosveshchenie, 1971:365. (In Russ)
4. Smirnitsky AI. Morphology of English. Moscow: Literature in Foreign Languages, 1959:440. (In Russ)
5. Yartseva VN. Historical morphology of English. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960:198. (In Russ)
6. Ivanova IP, Burlakova VV, Pocheptsov GG.

Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. 285 с.

7. Алексеев М. Е. Видовая система лезгинского языка // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 56-72.

Theoretical grammar of modern English. Moscow: Vysshaya shkola, 1981:285. (In Russ)

7. Alekseev ME. Species system of Lezgin language. *Voprosy Yazykoznaniiya*. 2005(3):56-72. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Алипулатова Надежда Синибековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультет иностранных языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова; доцент кафедры иностранных языков, экономический факультет, Махачкала, Россия, umudatka07@mail.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.09.2025

Одобрена после рецензирования 06.11.2025

Принята к публикации 30.12.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Nadezhda S. Alipulatova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of English, Faculty of Foreign Languages, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Makhachkala, Russia, umudatka07@mail.ru

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 09.09.2025

Approved after reviewing 06.11.2025

Accepted for publication 30.12.2025

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК: 811.161.1

DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-81-86

EDN: PYBUUD

Процессы семантической адаптации английских заимствований – номинаций лиц в русском языке

© 2025 Магомедгаджиева П. Н., Алиомарова Г. И. ✉, Магомедова Л. А.
Дагестанский государственный педагогический университет им Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, patina1256@mail.ru, usaeva41@bk.ru ✉,
leilamagomedova-1970@yandex.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. Материал данной статьи направлен на установление классификации и особенностей использования англицизмов, относящихся к лексико-семантической группе «наименование лица». **Методы.** Материалом исследования послужили примеры англицизмов – наименований лица, извлеченные из текстов массмедиа. В работе использованы методы: сравнительно-сопоставительный и анализ словарных дефиниций. **Результаты.** Исследована роль лексического заимствования в пополнении состава данного пласта лексики, определены семантические особенности русских и английских наименований лиц, представленных в современных словарях и медиатекстах; рассмотрена специфика заимствования как способа номинации лиц в русском языке. **Выводы.** Исследование англицизмов этой группы показало, что данная номинативная сфера является сегодня массовым источником заимствований для русского языка. Новые англицизмы, проникая в русский язык, проходят несколько этапов, начиная с простого употребления в специализированных контекстах и заканчивая полной ассимиляцией в общеупотребительной лексике.

Ключевые слова: английский язык, заимствования, русский язык, культура, номинация лиц, семантика, адаптация.

Формат цитирования: Магомедгаджиева П. Н., Алиомарова Г. И., Магомедова Л. А. Процессы семантической адаптации английских заимствований – номинаций лиц в русском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 19. № 3-4. С. 81-86. DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-81-86. EDN: PYBUUD

Processes of Semantic Adaptation of English Borrowings – Person Nominations in Russian

© 2025 Patimat N. Magomedgalzhieva,
Gumay I. Aliomarova ✉, Leyla A. Magomedova
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, patina1256@mail.ru, usaeva41@bk.ru ✉,
leilamagomedova-1970@yandex.ru

ABSTRACT. The paper **aims** to establish the classification and usage patterns of Anglicisms belonging to the lexical-semantic group “person nominations” **Methods.** The research material consists of examples of Anglicisms – person nominations from mass media texts. The research utilized the following methods: comparative analysis and dictionary definition analysis. **Results.** The role of lexical borrowing in expanding this lexical layer was examined, the semantic features of Russian and English names of persons presented

in modern dictionaries and media texts were identified, and the specifics of borrowing as a method of nominating persons in Russian were examined. **Conclusions.** The research of Anglicisms in this group showed that this nominative sphere is currently a widespread source of borrowings for Russian. New Anglicisms, penetrating Russian, go through several stages, beginning with simple use in specialized contexts and ending with complete assimilation into common vocabulary.

Keywords: English, borrowings, Russian, culture, person nominations, semantics, adaptation.

For citation: Magomedgadzhieva PN, Aliomarova GI, Magomedova LA. Processes of Semantic Adaptation of English Borrowings – Person Nominations in Russian. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2025;19(3-4):81-86. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-81-86. EDN: PYBUUD

Введение

Глобальные трансформации социокультурной и политической парадигмы, вкупе с эволюцией индивидуального бытия, оказали существенное влияние на динамику языковой системы. На протяжении нескольких столетий расширение лексико-семантического состава русского языка посредством иноязычных включений, затрагивающих различные области человеческой деятельности, является одним из наиболее заметных процессов развития.

Особую роль в данном процессе играет антропонимическая лексика, отражающая перенос социоэкономического статуса индивида из иного культурно-языкового пространства в контекст русской коммуникации. Эмпирические наблюдения демонстрируют, что иностранные слова обрели не только статус межъязыкового элемента, но и интегрировались во внутреннюю структуру языка, изменяя его.

Целью данной статьи является разработка классификации и анализ функционирования англицизмов, относящихся к лексико-семантической группе «наименование лица», выступающих в качестве агентов или представителей различных этнических, культурных и прочих объединений. Исследование направлено на выявление преобладающих методов номинации и определение их позиции в лексической системе современного русского литературного языка.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили примеры англицизмов – наименований лица, извлеченные из текстов массмедиа. В работе использованы методы: сравни-

тельно-сопоставительный и анализ словарных дефиниций.

Результаты и их обсуждение

Исследования в области лингвокультурологии, фокусирующиеся на взаимосвязи языка, культуры и личности, подтвердили свою значимость в современной лингвистической науке. Подход, рассматривающий язык как отражение культуры и способ формирования личности, представляет собой перспективное направление в изучении языковых процессов. По мнению Е. А. Земской, в русском языке «наименования лиц представляют собой обширный класс новообразований» [1, с. 73]. К ним она, в первую очередь, относит разряды наименований, «порождаемые по требованию социальной действительности».

В рамках указанной проблематики актуализируется изучение механизмов адаптации иноязычных антропонимов в русском языке. Данные процессы включают в себя фонетическую, грамматическую и семантическую адаптацию, обеспечивающую интеграцию иноязычного имени в систему русского языка. В частности, трансформация фонетической структуры, приводящая к упрощению произношения, и грамматическое приспособление к существующей системе склонения и словоизменения.

Семантическая адаптация, в свою очередь, подразумевает наделение иноязычного антропонима дополнительными коннотациями и ассоциациями, свойственными русской культуре. Процесс интеграции может сопровождаться изменением социального восприятия носителя имени, обусловленным культурными стереотипами и историческими контекстами.

Изучение лингвистических последствий глобализации в контексте антропонимии позволяет выявить тенденции к унификации и дифференциации языковых систем. С одной стороны, распространение англоязычных имен свидетельствует о глобальном культурном влиянии. С другой стороны, сохранение исконно русских имен отражает стремление к сохранению национальной идентичности.

Таким образом, исследование иноязычной антропонимической лексики предоставляет ценную информацию о социокультурных трансформациях, происходящих в современном обществе, и позволяет глубже понять механизмы взаимодействия языка, культуры и личности.

Л. П. Крысин, называя этапы освоения иноязычного слова [2, с. 50] отмечает, что чем уже сфера употребления заимствований (что в полной мере относится к финансово-экономической лексике), тем сложнее происходит их адаптация и закрепление в языке. Окончательно семантика иноязычного слова формируется лишь на этапе его выхода за рамки специальной сферы или какой-либо социальной среды.

Формирование новых семантических значений, подобно появлению неологизмов, обусловлено воздействием экстралингвистических факторов. Этот процесс является следствием абстрагирующей деятельности человеческого интеллекта, выявляющего общие характеристики между дискретными объектами [3, с. 15].

Формирование новых семантических значений, подобно появлению неологизмов, обусловлено воздействием экстралингвистических факторов. Этот процесс является следствием абстрагирующей деятельности человеческого интеллекта, выявляющего общие характеристики между дискретными объектами. Английские слова, объединённые тематически, входят в русский язык одновременно, блоком, группируясь в лексико-семантические и тематические микросистемы (например, слова маркетинг (англ. marketing) и менеджмент (management) обозначают ключевые понятия современного бизнеса, тесно связанные между собой; англицизм

брокер (англ. broker), дилер (англ. dealer), дистрибьютор (англ. distributor) – наименования лиц, объединённых значением «посредник в торговле».

«Как рассказал «МК» декан филологического факультета Института русского языка им. Пушкина Андрей Щербаков, чаще всего к языковедам за помощью обращаются те, кто создает тексты. Это рекламщики, журналисты и спичрайтеры» [4]. Спичрайтер (англ. speechwriter: speech – речь, writer – писать) – «Составитель текстов речей, выступлений для высокопоставленного лица (обычно политического или государственного деятеля)» [5]. «Копирайтеры-рекламщики почти не лукавили, когда составляли тексты с призывом покупать здесь жилье» [6]; копирайтер – (англ. copywriter) – «Разработчик, создатель рекламных объявлений, обращений, лозунгов, слоганов, сюжетов теле- и радиороликов и т. п.» [5]; Ньюсмейкер – лицо, деятельность которого предполагает намеренную или ненамеренную публичность и вызывает устойчивый интерес в СМИ, обычно журналистов интересуется текущая деятельность ньюсмейкера, изменение его статуса, изменения в его окружении, его личная жизнь. Имиджмейкер – англ. – специалист, профессионально занимающийся созданием имиджа политическому или общественному деятелю, актёру, спортсмену и т. д. Более тысячи имиджмейкеров российских городов пребывает в пустыне [7].

Происходит транспозиция номинации с одного объекта на другой, детерминированная комплексом причин, имеющих как объективную, так и субъективную природу. Подобные семантические сдвиги отражают когнитивные процессы категоризации и концептуализации мира, посредством которых формируются новые языковые значения, адекватные меняющимся условиям социальной и культурной среды. Исследуя процесс семантической адаптации заимствованных слов в русском языке посредством словарей иностранных слов, лингвисты сталкиваются и со случаями смены денотата. При исследовании словарей иностранных слов случаи смены денотата представлены следующими при-

мерами: дилер «1) некоторое количество; 2) сделка; соглашение; 3) обхождение, обращение; 4) правительственный курс, система мероприятий» [8]; рус. «Финанс. 1. Член фондовой биржи, участвующий в биржевых торгах от собственного имени и за собственный счёт. 2. Банк, занимающийся куплей-продажей ценных бумаг, валют, драгоценных металлов», например, «Вдова погибшего ДТП требует от дилера Bentley 60 млн. рублей» [9]; брейкер «1) дробильщик; 2) нарушитель (закона и т. п.); 3) отбойщик; 4) бурун; 5) тех. дробилка; 6) эл. выключатель; прерыватель; 7) гидр. ледорез; бык (моста)» [10] рус. «Тот, кто занимается брейком; исполнитель брейка» [11].

Влияние внеязыковой реальности на языковую систему является предметом интенсивных исследований в области когнитивной лингвистики и семантики, демонстрируя взаимосвязь между языком, мышлением и окружающим миром.

Анализ лингвистического материала демонстрирует количественное доминирование англицизмов, принадлежащих к первой группе классификации. Особого внимания заслуживают следующие лексические категории: а) этнонимы (например, америнды, барристеры и т. д.); б) обозначения лиц, занимающихся спортом (баскетболисты, бейсболисты и т. п.); в) инновационные лексемы (брейкеры, гострайтеры и пр.).

Важно подчеркнуть, что семантическая трансформация англицизмов, обозначающих лиц, свойственна ограниченному числу лексических единиц. Наиболее распространены случаи частичной утраты исходных значений или приобретения новых.

Слово «аудитор» в «Словаре иностранных слов» 1986 г. [5] имеет три лексико-семантических варианта (ЛСВ): 1) учащийся в духовном или гражданском учебном заведении; 2) присяжный заседатель или должностное лицо в суде (в ряде стран); 3) ревизор, осуществляющий контроль деятельности компании (в англосаксонских странах). В «Толковом словаре иностранных слов» 1995 г. [12] зафиксировано два ЛСВ: 1) ревизор, контролирующей финансовую деятельность; 2) гражданин, лицензированный для осуществле-

ния аудиторской деятельности. Сопоставление дефиниций демонстрирует утрату двух ЛСВ и приобретение нового значения, связанного с лицензированием аудиторской деятельности.

По мнению Н. Д. Арутюновой, среди имен лица наблюдается более определенная соотнесенность между коммуникативной функцией и способом номинации, чем среди названий предметов. Возможности номинации лиц во многом более разнообразны: «человек получает в языке множество различных обозначений. Он может быть назван по своим общественным функциям, взглядам, моральному облику, нравственным склонностям и вкусам, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родственным связям, внешнему виду, участию в тех или иных событиях и происшествиях, отношению к нему говорящего и многому другому» [13, с. 34].

Два фактора – особенности восприятия англоязычных слов – наименований лица русскоязычным населением и их специфическое функционирование в языке масс-медиа – определяют особую роль таких слов и выделяют их на общем фоне новой лексики, органично растворяющейся в словарном составе русского языка.

Таким образом, из проведенного исследования вытекает, что явление расширения или сужения по денотату, а также смена его самого в заимствованиях служит причиной образования новых значений и пополнению словарного состава языка. При этом число лексических значений невозможно подсчитать, так как существуют неустойчивые значения слов. В связи с этим словари иностранных слов не отражают все существующие значения иноязычных лексических единиц.

Заключение

Наблюдение над социализацией новых англицизмов семантической группы «наименование лица» показывает, что процесс адаптации и интеграции заимствованных лексических единиц является сложным и многогранным явлением. Новые англицизмы, проникая в русский язык, проходят несколько этапов, начиная с простого употребления в специализированных контекстах и заканчивая полной

ассимиляцией в общеупотребительной лексике.

Таким образом, социализация англицизмов исследуемой группы является

важным аспектом развития языка, способствующим обмену знаниями и вопросами интеграции в мировое сообщество.

Список литературы

1. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. Москва: Наука, 1992, 220 с.
2. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте общественной жизни конца XX века. Русское слово, свое и чужое. Москва, 2004. 883 с.
3. Мамонтова Т. Н. Специфика функционирования заимствованных слов в индивидуальном лексиконе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2004. 21 с.
4. Московский комсомолец № 28-2017 от 10.02.17.
5. Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1986. 606 с.
6. Московский комсомолец № 229-2016 от 17.10.16.
7. Экономика и жизнь. Архив номеров за 2011 г. URL: <https://www.eg-online.ru/product/eg/year/2011/> (дата обращения: 09.09.2025)
8. Словарь новейших иностранных слов конца XX начала XXI вв. Е. Н. Шагаловой. Москва: АСТ; Астрель, 2009. 943 с.
9. Российская газета от 25.01.2013 г.
10. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М. 2012. 736 с.
11. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковской. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.
12. Большой толковый словарь иностранных слов / сост. М. А. Надель-Червинская, П. П. Червинский. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 528 с.
13. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. 646 с.

References

1. Zemskaya EA. Word formation as an activity. Moscow: Nauka, 1992:220. (In Russ)
2. Krysin LP. Foreign-language words in the context of social life at the end of the twentieth century. Russian words, one's own and others. Moscow, 2004:883. (In Russ)
3. Mamontova TN. Specifics of the functioning of borrowed words in individual lexicon: Author's abstract of Ph.D. (Philology). Kursk, 2004:21. (In Russ)
4. Moskovsky Komsomolets, No. 28-2017, February 10, 2017. (In Russ)
5. Dictionary of foreign words. Moscow: Russian, 1986:606. (In Russ)
6. Moskovsky Komsomolets, No. 229-2016, October 17, 2016. (In Russ)
7. *Economy and Life*. Archive of issues for 2011. URL: <https://www.eg-online.ru/product/eg/year/2011/> (accessed 09.09.2025). (In Russ)
8. Dictionary of the newest foreign words of the late 20th – early 21st centuries by E. N. Shagalova. Moscow: AST; Astrel, 2009:943. (In Russ)
9. *Rossiyskaya Gazeta*, January 25, 2013. (In Russ)
10. Müller VK. English-Russian dictionary. Moscow, 2012:736. (In Russ)
11. Explanatory dictionary of Russian in the early 21st century. Current lexicon / by G. N. Sklyarevskaya (ed.). Moscow: Eksmo, 2007:1136. (In Russ)
12. A comprehensive explanatory dictionary of foreign words / M. A. Nadel-Chervinskaya, P. P. Chervinsky (comp.). Rostov-on-Don: Phoenix, 1995:528. (In Russ)
13. Arutyunova ND. Logical analysis of language. Semantics of the beginning and the end. Moscow: Indrik, 2002:646. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Магомедгаджиева Патимат Набижиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, patina1256@mail.ru

Алиомарова Гумай Исаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Patimat N. Magomedgalzhieva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Theory and History of Russian, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, Patina1256@mail.ru;

Gumay I. Aliomarova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Theory and History of Russian, Gamzatov Dagestan State Pedagogical Univer-

русского языка, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, usaeva41@bk.ru

Магомедова Лейла Абдулхакимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, leilamagomedova-1970@yandex.ru

Критерии авторства

Магомедгаджиева П. Н. – сбор и обработка языкового материала, общий анализ материала, постановка цели; Алиомарова Г. И. – сбор и обработка языкового материала, подготовка библиографии, выводы и заключение; Магомедова Л. А. – корректирование рукописи до подачи в редакцию; перевод и редактирование статьи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025
Одобрена после рецензирования 23.12.2025
Принята к публикации 30.12.2025

sity, Makhachkala, Russia, usaeva41@bk.ru

Leila A. Magomedova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Theory and History of Russian, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, leilamagomedova-1970@yandex.ru

Contribution of the authors

Magomedgadzhieva P. N. – collection and processing of language material, general analysis of material, aim setting; Aliomarova G. I. – collection and processing of language material, preparation of references, findings and conclusion; Magomedova L. A. – proofreading of the paper before submission to the editor; translation and editing.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 30.09.2025
Approved after reviewing 23.12.2025
Accepted for publication 30.12.2025

ИНФОРМАЦИЯ. ХРОНИКА. ЮБИЛЕИ

Информация. Хроника. Юбилей / Information. Chronicle. Anniversary
DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-87-93
EDN: QSQBNE

В Акмуллинском университете прошел Всероссийский историко-просветительский конкурс «Наследие России»

© 2025 Алмаев Р. З.¹, Суздальцева И. А. ✉²

¹Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Уфа, Россия, koi_iipsgo@bspu.ru

²Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, s.iren.a2010@mail.ru

The All-Russian Historical and Educational Competition “Heritage of Russia” was held at Akmulla University

© 2025 Rustam Z. Almaev¹, Irina A. Suzdaltseva ✉²

¹Akmulla Bashkir State Pedagogical University
Ufa, Russia, koi_iipsgo@bspu.ru

²Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, s.iren.a2010@mail.ru

20-21 ноября 2025 г. в Акмуллинском университете г. Уфы прошел финальный этап Всероссийского историко-просветительского конкурса «Наследие России». Он был организован Институтом исторического, правового и социально-гуманитарного образования совместно с Департаментом по воспитательной работе и молодежной политике вуза. Проект был представлен на конкурс «Росмолодёжь. Гранты». Он стал частью комплексной программы развития молодежной политики Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы «Лидеры перемен».

Финал конкурса «Наследие России» объединил на площадке Башкирского гос-

ударственного педагогического университета экспертов и 30 участников из педагогических вузов разных городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска, Набережных Челнов, Херсона, Махачкалы, Благовещенска, Тулы, Донецка. Основная цель конкурса заключается в сохранении исторической памяти у современной молодежи, выявлении лучших педагогических практик, обмене опытом и поддержке перспективных студентов педагогических вузов в рамках патриотического воспитания.

На церемонии открытия Всероссийского историко-просветительского конкурса «Наследие России» с приветственными словами к собравшимся обратились кандидат педагогических наук, директор Ин-

ститута исторического, правового и социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы» Оксана Алексеевна Шамигулова и доктор исторических наук, профессора кафедры истории

России ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» Рафаэль Амирович Арсланов (рис. 1-3).

Рис. 1-3. На церемонии открытия Всероссийского историко-просветительского конкурса «Наследие России»

Fig. 1-3. At the Opening Ceremony of the All-Russian Historical and Educational Competition “Heritage of Russia”

Первый конкурсный день включал ряд профессиональных испытаний. Сначала финалисты представили методические материалы в формате «Разговоры о важном». При этом они продемонстрировали свои педагогические подходы и попытались сформулировать воспитательные задачи, на решение которых нацелен подготовленный материал. Организаторами этой части конкурса стали кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Ильдар Нариманович Баишев, кандидат исторических наук, доцент кафедры обществознания, права и социального управления Гузель Хасановна Хайруллина и кандидат экономических наук, доцент кафедры обществознания, права и социального управления Айгуль Забириевна Харисова.

Следующим этапом конкурса стала диагностика педагогических компетенций: финалисты протестировали свои возможности применения цифровых технологий и инструментов в просветительской работе с учащимися. Эту часть конкурса организовали преподаватель кафедры обществознания, права и социального управления Ирина Дмитриевна Виневская и спе-

циалист по учебно-методической работе Института исторического, правового и социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы» Екатерина Дмитриевна Кудряшова.

Заключительное задание конкурсного дня проходило в формате командной работы. Объединившись в группы, финалисты попытались сформировать авторскую модель реализации патриотического воспитания и презентовать ее перед организаторами и экспертами конкурса. Провела эту часть конкурсной работы кандидат педагогических наук, и. о. заведующего кафедрой обществознания, права и социального управления Наталья Николаевна Топольникова.

Кроме преподавателей Акмуллинского университета экспертную оценку конкурсантов проводили квалифицированные специалисты, представляющие различные педагогические вузы страны. Это кандидат педагогических наук – Людмила Владимировна Искровская (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена), кандидаты исторических наук – Ирина Анатольевна Суздальцева (Дагестанский государственный педагоги-

ческий университет им. Р. Гамзатова), Наталия Викторовна Сенина (Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого), кандидат филологических наук – Владимир Анатольевич Красильников (Набережночелнинский государственный педагогический университет), Олег Владимирович Татарников – ассистент кафедры истории России (Оренбургский государственный педагогический университет).

В работе Всероссийского конкурса также принимали участие преподаватели педагогических вузов в статусе Почетных гостей – Рафаэль Амирович Арсланов (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы), Халимат Иманшапиевна Гаджиева (Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова), Андрей Юрьевич Гуменюк (Херсонский государственный педагогический университет), Кайрат Кимерканович Шурбаев (Оренбургский государственный педагогический университет).

Во второй день конкурсанты, эксперты и гости конкурса приняли участие в работе Всероссийского (с Международным участием) научно-методического семинара «Цифровая трансформация педагогического образования: стратегии подготовки учителей предметной области «Общественные науки» в эпоху технологических изменений».

Студентам, экспертам и гостям мероприятия были представлены стендовые доклады и презентации студенческих проектов: виртуальный музей «Археология будущего», просветительский правовой десант «Будущий учитель обществознания – детям о правах и обязанностях» и историко-просветительский десант «Герои Отечества».

Дальнейшая работа семинара проходила на двух площадках.

Площадка № 1 «Цифровые технологии и инструменты в гуманитарной науке и гуманитарном образовании» работала под руководством кандидата исторических наук, заведующего кафедрой отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы» Рустама Закировича Алмаева. С визионерскими лекциями

и мастер-классами перед собравшимися выступили: Оксана Сергеевна Павлова – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала УУНИТ: «Использование цифровых ресурсов российских архивов на уроках истории и во внеурочной деятельности как средство формирования информационной компетентности обучающихся»; Артем Александрович Рытченков – студент направления подготовки 46.03.01 История СГ-406 ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»: «Использование искусственного интеллекта в современных исторических исследованиях на примере изучения журнала "Каторга и ссылка"» (г. Челябинск); Лидия Владимировна Селиверстова – преподаватель кафедры истории и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала УУНИТ, учитель истории МАОУ Гимназия № 2: «Цифровые технологии на уроках истории: современные подходы и инструменты эффективного освоения исторического материала»; Сергей Викторович Пышнограев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «ВГПУ»: «Интеграция цифровых инструментов в процесс обучения истории и обществознания в общеобразовательной школе» (г. Воронеж); Наталия Викторовна Сенина – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого: «Цифровизация в практике учителя истории» (г. Тула); Эльвира Валерьевна Мухаметзянова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала УУНИТ: «Использование визуальной реконструкции при изучении отечественной истории в условиях цифровизации образования».

Работой площадки № 2 «Применение технологий искусственного интеллекта и виртуальной реальности в работе учителя истории и обществознания» руководила кандидат педагогических наук, доцент кафедры обществознания, права и социального управления ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы» Наталья Николаевна То-

польникова. Она выступила с докладом «Применение возможностей искусственного интеллекта в организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся». Работу площадки продолжили: Антон Юрьевич Краснощёров – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии НИ ТГУ: «Опыт внедрения ИИ и VR технологий в образовательную программу по политологии: подходы и результаты» (г. Томск); Глеб Михайлович Луц – магистрант 2-го курса Института исторического, правового и социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО БГПУ им. М. Акмуллы, младший научный сотрудник: «VR технологии как инструмент педагога XXI века» (г. Уфа); Ренат Рифович Камалов – кандидат педагогических наук, декан факультета информатики, физики и математики ФГБОУ ВО «ГИПУ им. В. Г. Короленко»: «Проблема галюцинирования искусственного интеллекта как психолого-педагогическое условие формирования критического мышления обучающихся» (г. Глазов); Евгений Федорович Гостев – старший преподаватель кафедры обществознания, права и социального управления ФГБОУ ВО БГПУ им. М. Акмуллы, младший научный сотрудник: «Цифровое методическое обес-

печение преподавания предметов "История" и "Обществознание"» (г. Уфа).

При подведении итогов визионерских лекций и мастер-классов обсуждались современные подходы к преподаванию общественных наук, проблемы и задачи использования цифровых технологий в педагогической практике.

Кульминацией Всероссийского конкурса стала церемония награждения, на которой были подведены итоги испытаний и объявлены имена победителей.

Лауреатами 2 степени стали Разият Агатаева (Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова) (рис. 4), Артем Тарасенко (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена) и Филипп Старченко (Херсонский государственный педагогический университет).

Звание лауреатов 1 степени **получили** Станислав Кучерский (Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого) и Ли Сыл Ми (Благовещенский государственный педагогический университет) (рис. 5).

Победителем конкурса стал представитель Оренбургского государственного педагогического университета Иван Алёхин (рис. 6).

Рис. 4. Разият Агатаева

Рис. 5. Ли Сыл Ми

Рис. 6. Иван Алёхин

Все финалисты получили памятные подарки. Организаторы, эксперты и гости поздравили победителя и лауреатов конкурса, пожелали будущим педагогам профессиональных успехов и новых достиже-

ний в историко-просветительских проектах.

Члены экспертного совета отметили необходимость проведения подобных конкурсов, выполняющих комплекс важ-

ных общественных и образовательных функций по сохранению исторической памяти и патриотическому воспитанию студенческой молодёжи, высокий уровень организации конкурса и значимость мероприятия для учебно-методического и

педагогического сообщества. Эксперты и почетные гости, обращаясь к участникам, подчеркнули необходимость для будущих педагогов приобретения навыков историко-просветительской работы (рис. 7).

Рис. 7. закрытие конкурса

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Алмаев Рустам Закирович кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия, koi_iipsgo@bspu.ru

Суздалцева Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, s.iren.a2010@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Rustam Z. Almaev, Ph.D. (History), Head of the Department of Russian and World History, Aknulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia, koi_iipsgo@bspu.ru

Irina A. Suzdaltseva, Ph.D. (History), Associate Professor, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, s.iren.a2010@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.12.2025
Принята к публикации 09.12.2025

The article was submitted 03.12.2025
Accepted for publication 09.12.2025

Информация. Хроника. Юбилей / Information. Chronicle. Anniversary
DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-94-97
EDN: SZET00

100 лет Национальному музею им. Алибека Тахо-Годи: традиции, инновации, перспективы

© 2025 Гаджиева Х. И. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова,
Махачкала, Россия, Halimat2008@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Цель – проанализировать вековую историю становления и развития Национального музея им. Алибека Тахо-Годи. **Методы.** Анализ и обобщение научно-популярной и методической литературы, поиск и обработка архивных данных по истории становления и развития музея. **Результат.** В данной статье раскрываются и описываются этапы становления и развития музея. 100-летний юбилей Национального музея имени А. Тахо-Годи – это не только дань уважения его прошлому, но и признание его роли в сохранении памяти об истории и культурном наследии народов республики Дагестан. С каждым годом музей укрепляет свои позиции, как одно из важнейших учреждений в системе культуры и образования страны, оставаясь центром притяжения для всех, кто интересуется историей Дагестана. **Вывод.** Сегодня Национальный музей отмечает свой вековой юбилей. С момента своего основания музей не только сохраняет национальное историко-культурное наследие Дагестана, но и активно исследует и популяризирует его. Музейные выставки и проекты привлекают огромное количество посетителей ежегодно, а сотрудники музея ведут научную работу, публикуют исследования и организуют культурные мероприятия, передавая знания о прошлом и настоящем республики своим посетителям.

Ключевые слова: Музей, Национальный музей имени Алибека Тахо-Годи, культурное наследие, Республика Дагестан, 100-летие музея.

The 100th Anniversary of Alibek Takho-Godi National Museum: Traditions, Innovations and Prospects

© 2025 Khalimat I. Gadzhieva ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, Halimat2008@mail.ru ✉

ABSTRACT. The **aim** is to analyze the century-long history of the formation and development of Alibek Takho-Godi National Museum. **Methods.** Analysis and synthesis of popular science and methodological literature, search for and processing of archival data on the history of the museum's formation and development. **Result.** This article reveals and describes the stages of the museum's formation and development. The 100th anniversary of Alibek Takho-Godi National Museum is not only a tribute to its past but also recognition of its role in preserving the memory of the history and cultural heritage of Dagestan peoples. Each year, the museum strengthens its position as one of the most important institutions in the country's cultural and educational system, remaining a center of attraction for all those interested in Dagestan history. **Conclusion.** Today the National Museum celebrates its centenary. Since its founding, the museum has not only preserved the national historical and cultural heritage of Dagestan but also actively researched and promoted it. Museum exhibitions and projects attract a huge number of visitors annually, and museum staff conduct research, publish studies and organize cultural events, sharing knowledge about the republic's past and present with their visitors.

Keywords: Museum, Alibek Takho-Godi National Museum, cultural heritage, Republic of Dagestan, 100th anniversary of the museum.

Введение

8 октября 2025 г. Национальный музей имени Алибека Тахо-Годи отметил свой 100-летний юбилей. Мероприятия, посвященные юбилейной дате, посетил глава республики Сергей Меликов, который перед началом торжественной части осмотрел выставку «100 мгновений столетия».

В официальной части юбилейного вечера руководитель региона поздравил Национальный музей им. Алибека Тахо-Годи с вековой датой: «Сто лет – это целая эпоха, бережно сохраненная в стенах уникального музея. Эпоха, наполненная головами наших предков, блистательными победами и тяжелыми испытаниями, великими открытиями и бесценными традициями. На протяжении всего пути музей не просто собирал и хранил экспонаты, он сохранял душу Дагестана», – отметил Сергей Меликов.

С видеопоздравлением к юбилярам обратилась Министр культуры России Ольга Любимова, а также свои поздравления Национальному музею им. Алибека Тахо-Годи направили руководители музейных организаций страны.

Одним из ключевых событий юбилея стала научная конференция «Тахо-Годиевские чтения 2025. Музей. Традиции, инновации, перспективы», которая состоялась 9 октября 2025 г. Очное и заочное участие в научной конференции приняли сотрудники из более чем 15 субъектов Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение

Идея создания музея в Дагестане существовала и в дореволюционный период. В 1891 г. штаб-лекарь И. С. Костемеровский в своем завещании предусмотрел выделение 2779 рублей «на поддержку кустарных промыслов в Дагестане путем организации музея». Однако царское правительство и местная феодальная знать не были заинтересованы в развитии культуры в Дагестане и музей не был открыт.

Вопрос о создании музея вновь возник лишь в 1910 г., когда капитал И. С. Костемеровского удвоился. В соответствии с его стремлением музей ставил перед собой ряд практических целей: «собрать образцы изделий народных промыслов и ознакомить население со способами усовершен-

ствования производства изделий по фабричным ценам» [1, с. 11-15].

6 мая 1913 г. в Темир-Хан-Шуре (современное название – Буйнакск) состоялось открытие музея. Расположился он в одном из помещений губернаторского дома и получил название «Дагестанский музей имени И. С. Костемеровского»

Первый фонд музея составили 283 экспоната – в основном местного кустарного производства, подаренные отдельными жителями, администрацией округов и некоторых селений. Часть предметов поступила с 1-й Дагестанской сельскохозяйственной выставки 1913 г. и из Дагестанского областного статистического управления, которым руководил известный краевед Е. И. Козубский [2, с. 7].

Дагестанское статистическое управление задолго до открытия музея начало собирать иллюстрационный и предметный материал, имеющий ценность для характеристики Дагестана. Эти сборы, проводимые на весьма скудные средства, дали очень интересную и ценную коллекцию, состоящую из нескольких сот карт, фотографий, гравюр, а также краеведческой литературы. Часть их до сих пор хранится в музеях Дагестана, Дагестанском архиве и научной библиотеке Дагестанского филиала Академии наук СССР.

Музей постепенно пополнялся экспонатами, но доступ туда был ограничен двумя часами в неделю.

В период Гражданской войны музей понес значительные потери. Большая часть ценных экспонатов была расхищена. Сразу после завершения военных действий, в июле 1920 г., Дагестанский революционный комитет (Дагревком) принял решение о создании Дагестанского народного музея на основе музея им. Костемеровского. Для руководства музеем был приглашен художник С. А. Полторацкий, работавший с академиком Н. Я. Марром. К сожалению, из-за финансовых трудностей музей вскоре пришлось закрыть, а экспонаты перевезти в Порт-Петровск (современная Махачкала), куда переводились все республиканские учреждения [3, с. 15].

В 1923 г. Дагестанским наркоматом просвещения (Дагнаркомпрос) при поддержке Северо-Кавказского института краеведения музей был воссоздан. В тече-

ние двух лет формировались экспозиции музея и в 1925 г. он вновь открыл свои двери для посетителей. Огромную роль в его восстановлении сыграл Алибек Тахо-Годи, первый народный комиссар просвещения Дагестана, ставший вдохновителем и организатором этого важного культурного центра. Нельзя не отметить ключевую роль в становлении музея первого директор Д. Павлова.

Организаторы музея при его создании руководствовались следующими принципами:

- музей должен быть организован по заранее разработанному плану;
- по типу музей должен быть краеведческим;
- в структуру музея планировалось включить художественный отдел;
- музей должен работать в тесном сотрудничестве с Дагестанским научно-исследовательским институтом, организованным одновременно с ним;
- предусматривалось открытие филиалов музея в крупных населенных пунктах Дагестана.

Формирование коллекций музея стало возможным благодаря активному участию как жителей республики, так и авторитетных учреждений и специалистов. Государственный музейный фонд предоставил художественные произведения и предметы декоративно-прикладного искусства, а Грузинская ССР – ценные материалы, освещающие историю XIX в. и быт народов Дагестана. Важным источником пополнения стали экспонаты, переданные музеем руководителями научных экспедиций, проводившихся в Дагестане. В их числе были выдающиеся ученые различных направлений: видные представители науки, археологи, геологи, географы, лингвисты и этнографы, а также деятели искусства – художники, скульпторы и музыканты.

В 1940 г. музей претерпел реорганизацию, став Центральным музеем Дагестанской АССР, его разместили в здании на Комсомольской улице (ныне проспект Р. Гамзатова). С началом Великой Отечественной войны все экспонаты были вывезены в г. Дербент. Несмотря на трудности военного времени, в 1943 г. музей удалось вновь открыть. Однако переезд при-

вел к значительным потерям и повреждениям экспонатов, а научно-исследовательская деятельность была приостановлена. Потребовалось двадцать лет, чтобы музей вернул себе статус одного из ключевых культурных и научно-просветительских центров Дагестана.

В сложные 90-е и в начале 2000-х гг. дагестанские музеи, включая Дагестанский государственный объединенный музей (ДГОМ), столкнулись с серьезными трудностями. Перемены в стране застали музейных работников врасплох. Нехватка финансирования привела к ухудшению материально-технической базы, о чем вспоминает Заира Гашимовна, главный хранитель Национального музея им. Алибека Тахо-Годи. Однако благодаря усилиям Р. Хашпалаева, назначенного директором ДГОМ в тот период, музей не только устоял, но и расширился, открыв новые филиалы [4, с. 17-18].

В 2016 г. музей обрел новый дом в отреставрированном здании на ул. Даниялова, известном как «Дом с атлантами». 2016 г. стал рубежом», – рассказывает студентам исторического факультета Заира Гашимовна. – Национальный музей стал центром культурной жизни республики. За семь лет существования в новом здании ценой огромных усилий творческого коллектива он приобрел тот облик, который характеризует современный музей. Хранилища музея – поистине кладовая рукотворных сокровищ, где хранятся свидетельства открытий мирового значения.

Заключение

Ныне Национальный музей им. Алибека Тахо-Годи имеет 39 филиалов, а его коллекции насчитывают около 180 тыс. ценных экспонатов. Музей ведет активную научную и просветительскую деятельность.

Национальный музей Дагестана является хранилищем поистине уникальных предметов, охватывающих огромный временной диапазон. Среди его сокровищ – бронзовые зеркала албано-сарматской эпохи, сабля Тимура 1081 г., изготовленная пакистанскими мастерами, резные двери XII-XIII вв. из мечети Кала-Корейш. В экспозициях музея представлены личные вещи имама Шамиля, древнейшие

орудия труда олдуванской культуры (около 1,5 млн лет), уникальные образцы иранского искусства росписи металла – минакари и резьбы по дереву – хатамкари, а также множество ценных реликвий времен Великой Отечественной войны и работы местных ремесленников.

Исторический факультет ДГПУ им. Р. Гамзатова долгие годы активно сотрудничает с Национальным музеем им. Алибека Тахо-Годи, студенты факультета проходят музейную практику в стенах Национального музея, принимают активное участие в организации и проведении мероприятий, проводимых музеем.

Список литературы

1. Гаджиева Х. И. О роли И. С. Костемеровского в воздании музея в Дагестане. Современные проблемы науки и образования // Материалы ежегодной научной сессии профессорско-преподавательского состава ДГПУ. Махачкала, 2011. С. 11-15.
2. Хаппалаев Р. Ю., Эльдаров М. М. Музеи и коммунистическое воспитание учащихся. Махачкала: Дагучпедгиз, 1988. 118 с.
3. Егорова В. П. И. С. Костемеровский (1813-1891 гг.) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2000. 80 с.
4. Тажудинова А. Древняя история – новые смыслы // Женщина Дагестана. 2025. № 5. С. 17-18.

References

1. Gadzhieva Khl. On the role of I. S. Kostemerovsky in the museum establishment in Dagestan. Contemporary problems of science and education. *Proceedings of the Annual Scientific Session of DSPU Faculty*. Makhachkala, 2011:11-15. (In Russ)
2. Khappalaev RYu, Eldarov MM. Museums and the communist education of students. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1988:118. (In Russ)
3. Egorova VP. I. S. Kostemerovsky (1813-1891) is a representative of Russian intelligentsia in Dagestan. Makhachkala: PPC DSU, 2000:80. (In Russ)
4. Tazhudinova A. Ancient History – New Meanings. *Woman of Dagestan*. 2025(5):17-18. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАЕ

Принадлежность к организации

Гаджиева Халимат Иманшапиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, Halimat2008@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Khalimat I. Gadzhieva, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of General History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, Halimat2008@ma

Статья поступила в редакцию 02.12.2025
Принята к публикации 15.12.2025

The article was submitted 02.12.2025
Accepted for publication 15.12.2025

Информация. Хроника. Юбилей / Information. Chronicle. Anniversary
DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-98-101
EDN: TXTVBJ

Конференция памяти выдающегося ученого-литературоведа Акавова Забита Насировича

© 2025 Кукуева А. А. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, zhazigalka@yandex.ru ✉

Conference in the Memory of Outstanding Literary Scholar Zabit N. Akavov

© 2025 Asiyat A. Kukueva ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, zhazigalka@yandex.ru

23 октября 2025 г. кафедра литературы ДГПУ им. Р. Гамзатова провела XV Всероссийскую (с Международным участием) научно-практическую конференцию «Научное наследие З. Н. Акавова и актуальные проблемы современного гумани-

тарного знания», приуроченную к 85-летию доктора филологических наук, профессора кафедры литературы Акавова Забита Насировича.

Открыв конференцию, заведующий кафедрой литературы ДГПУ им.

Р. Гамзатова Кукуева А. А. отметила значительный вклад З. Н. Акавова в развитие отечественной науки, в дело приобщения молодого поколения к культурному наследию российской многонациональной классики: «Великий Кумык Акавов Забит Насирович стал приметой нашего времени, а его наследие – нашей ценностью. Его авторитет в науке и общественной жизни нашей страны безусловен. Многие из нас обязаны ему своей судьбой».

В своём выступлении проректор по учебно-методической работе ДГПУ им. Р. Гамзатова Дибиров И. А. отметил, что профессиональная и научная деятельность профессора Акавова З. Н. создала особые традиции, которые чтутся и сейчас. Кадимов Р. Г., декан филфака ДГПУ им. Р. Гамзатова, тепло и искренне вспоминал большого ученого, педагога, друга Акавова З. Н. Маллаев Д. М., заведующий кафедрой специальной и клинической психологии ДГПУ им. Р. Гамзатова, почетный работник высшего образования РФ, заслуженный деятель науки РД, член-корреспондент РАО, отметил, что сохраняя идеи, ценности вуза, развивая новые традиции, связанные с вхождением в Болонский процесс, долгое время З. Н. Акавовым обеспечивалось обновление научного развития университета.

Гусейнов М. А., главный научный сотрудник отдела литературы Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, отметил также, что исследования профессора З. Н. Акавова многовекового художественного опыта кумыков и народов Дагестана вывели современную гуманитарную науку на качественно новый уровень, способствовали осмыслению культуры Дагестана в общероссийском и мировом культурном контекстах.

На конференции было широко представлено сообщество литературоведов России и ближнего зарубежья: г. Москва, Санкт-Петербург, Пятигорск, Белгород, Эссентуки, Элиста, Грозный, Ереван, Сухум.

В пленарном заседании выступили видные общественные деятели и представители ведущих научных школ России.

Доклады по вопросам осмысления научного наследия Акавова З. Н., важнейшим проблемам современного гуманитарного знания были прочитаны ведущими учеными и общественными деятелями: Магомедовым М. И. – д.ф.н., профессором, заведующим кафедрой общего языкознания ДГПУ им. Р. Гамзатова; Султанмурадовым А. М. – заведующим отдела фольклора ИЯЛИ ДФИЦ РАН; Чотчаевой М. Ю. – д.ф.н., профессором, директором филиала Ставропольского государственного педагогического института, г. Эссентуки; Шульженко В. И. – д.ф.н., профессором, заведующим кафедрой русской филологии, литературного и журналистского мастерства, руководителем отделения литературного творчества Пятигорского государственного университета, членом Союза писателей России, членом Союза журналистов России, г. Пятигорск; Луговым Р. А. – директором Центра русского языка и культуры при Министерстве по национальной политике и делам религий Республики Дагестан, председателем комиссии Общественной палаты по межнациональным и межрелигиозным отношениям, миграционным процессам и внешним связям, г. Махачкала; Вахидовой М. А. – почетным доктором философии и культуры Оксфордского университета (Ph.D.), общественным деятелем, независимым журналистом Чеченской Республики («Пламенное перо изобразило...») и мн. др.

С благодарностью за память и словом об отце выступил Акавов Р. З. – доктор филологических наук, профессор, заместитель руководителя Администрации Главы и Правительства Республики Дагестан, начальник Управления информационной политики и пресс-службы Главы Республики Дагестан.

Работа конференции продолжилась в формате секционных заседаний.

Итоги конференции были подведены на заседании круглого стола (руководитель: А. А. Кукуева (ДГПУ им. Р. Гамзатова): обсуждены и приняты предложения, озвучены мысли и рекомендации по развитию и дальнейшему сотрудничеству представителей евразийской школы литературоведения России и зарубежья.

V Всероссийская (с Международным участием) научно-практическая конференция «Научное наследие З. Н. Акавова и актуальные проблемы современного гуманитарного знания», приуроченная к 85-летию доктора филологических наук, профессора кафедры литературы Акавова Забита Насировича, организованная ка-

федрой литературы ДГПУ им. Р. Гамзатова, продемонстрировала высокий потенциал кавказской филологической школы литературоведения, научной школы Акавова З. Н. и продолжила традиции изучения российской многонациональной литературы в контексте евразийской культурно-исторической парадигмы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Кукуева Асият Абдулаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, zhazigalka@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.10.2025

Принята к публикации 31.10.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Asiyat A. Kukueva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, zhazigalka@yandex.ru

The article was submitted 27.10.2025

Accepted for publication 31.10.2025

Информация. Хроника. Юбилей / Information. Chronicle. Anniversary
DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-102-104
EDN: VVZFHR

**Рецензия на монографию М. Р. Гасанова
«Цивилизации Кавказа, Передней Азии,
России и Дагестан» (проблемы, поиски, эссе).
(М.: Перо, 2023. 870 с.)**

© 2025 Магомедова Э. М. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, elmira.magomedova.73@mail.ru ✉

**Review for M. R. Gasanov's Monograph "Civilizations of the
Caucasus, Western Asia, Russia and Dagestan"
(Problems, Research, Essays) (Moscow: Pero, 2023:870)**

© 2025 Elmira M. Magomedova ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, elmira.magomedova.73@mail.ru ✉

История народов Дагестана продолжает оставаться объектом пристального исследовательского интереса, обусловленного накоплением определенного опыта в освоении и изучении этого наследия. Накопленный же опыт продолжает выдвигать новые актуальные задачи перед дагестанской исторической наукой, которые диктуются достигнутым уровнем современных историко-типологических и системных исследовательских методов.

Дагестан с глубокой древности был ареной передвижения крупных человеческих групп, важных исторических событий, активно повлиявших на дальнейшие судьбы народов Кавказа, Передней Азии и Юга России [1].

Ныне фундаментальные исследования в исторической науке редкость. Ученый-автор уже не тот, да и темы фолиантов теряют свою актуальность. Не потому, что они неинтересны для познания социума – все меньше читающего современника, и даже новое поколение научного сообщества не обременяет себя проникновением в глубины и закоулки истории.

В книге профессора М. Р. Гасанова впервые в дагестанской историографии на основе анализа и обобщения широкого круга разнообразных источников и специальной исторической, историко-этнографической, историко-археологической, фольклорной, лингвистической, культуроведческой, историко-философской литературы исследуются экономические, политические и культурные аспекты влияния цивилизаций Кавказа, Передней Азии, России на Дагестан на протяжении длительного периода исторического развития. Более того, в работе дается целостный, системный взгляд на эти цивилизации, на конкретных фактологических материалах теоретически обосновывается их историческая необходимость и функциональная действенность для становления Дагестана как целостного социально-исторического образования [2].

Отличительной чертой этого исследования является не только его богатая оснащенность фактическим материалом – без него исторический труд немислим, но и едва ли не исчерпывающий ссылочный

охват научной литературы, к которой автор отсылает своих читателей с абсолютной, даже щепетильной научной добросовестностью. И это при том, что труд огромен, не столько потому, что в нем освещены вопросы, которые не получили должного изучения в трудах дагестанских исследователей. Он полон свежих мыслей, множества собственных наблюдений, выстраданных раздумий, автор смел во многих теоретических предположениях.

Но новизна работы М. Р. Гасанова заключается не только в этом, хотя сама постановка проблематики осмысления и выработки научно-обоснованной концепции взаимовлияний региональных и пограничных цивилизаций между собой и как результат их длительных всесторонних контактов на бытие Дагестана как государственного образования уже имеет исследовательскую оригинальность. Автору не откажешь в основательном владении общеметодологической диалектикой культуры и цивилизации, но и в проницательности конкретизировать эту диалектику в разных сочетаниях, взаимодействующих исторических образований. Тут и Хазария, и Сасаниды, Барсилия и Булгария, Тюрки-Сельджуки и Татаро-Монголы, Арабский халифат... Методологические новации профессора М. Р. Гасанова в монографии проявлены также оригинально – они почерпнуты из более тридцати небольших эссе о видных и выдающихся отечественных и зарубежных методологов исторической и гуманитарной науки, уместно вписывающихся в содержание труда в 55 печатных авторских листов.

В специальных разделах изложен материал о взаимоотношениях Восточного Кавказа с Урарту, регионами Кавказа, киммерийцами, скифами. На основе разнообразных источников изучены торгово-экономические, культурные и политические связи дагестанского населения с народами и племенами Закавказья и Северного Кавказа.

Как один из важных этапов в истории Дагестана и Кавказа показан период, связанный с вхождением значительной территории Восточного Кавказа в состав Кавказской Албании. В развитии связей меж-

ду цивилизациями огромным было значение Великого шелкового пути.

Историки, культурологи и политологи единодушно насчитывают почти два десятка мировых цивилизаций. Масштабность и историзм, разнообразие способов и алгоритмов мышления М. Р. Гасанова проявляются в учете их значимости для поиска и осмысления исторических судеб любого из этносов и народов. Однако автор монографии сумел найти подход к комплексной оценке существенных и необходимых связей дагестанских народов с теми цивилизациями (преимущественно с кавказскими), воздействие которых прямо или косвенно обусловило содержание и облик дагестанского социума. Солидное место в работе занимают вопросы, посвященные роли русской цивилизации на становление Дагестана.

Наблюдения над характером решающей и определяющей роли российской цивилизации в истории Дагестана, в самом его появлении и существовании, дают основание профессору М. Р. Гасанову сделать аргументированное, методологически весомое обобщение. «Многовековые цивилизационные связи Дагестана с Россией имели важное значение для дальнейших судеб дагестанских народов, для действительного их возрождения». Такой вывод ученого логически обуславливает исторические прогнозы и перспективы, теоретические суждения и идеи о дагестанском социуме в тесной связи с нашей современностью, с будущим России в полицентричном мироустройстве. Можно сказать – история в монографии обращена в будущее.

В исторических судьбах Дагестана известную роль играл Иран. Связи дагестанских народов с Сасанидским Ираном особенно оживленными становятся в V-VI вв. Сасанидские цари направили свое внимание прежде всего на укрепление Дербентского прохода. Дербентский оборонительный комплекс, который был доведен вглубь Табасарана, защищал Закавказье и Переднюю Азию от опустошительных набегов кочевников с севера. Интересы Ирана в Дагестане носили преимущественно военно-политический характер.

Проникновению арабской цивилизации в Дагестан предшествовали арабские

завоевания, сопровождавшиеся насильственной исламизацией края: этот процесс растянулся на многие столетия – с VII по XV в. Дагестан входил в так называемую «арабскую зону». В средневековом Дагестане в течение многих лет накапливались коллекции арабских книг.

В работе говорится о контактах дагестанских горцев со славянами – русами. Переход славян от первобытного строя к цивилизации произошел во второй половине I тыс. н. э. Древнерусская цивилизация была открыта культурному взаимодействию с народами Кавказа.

Научно аргументированно освещен в работе вопрос о роли историко-культурной переориентации на передовую Россию в экономическом развитии и духовном прогрессе народов Дагестана. В XVI-XVIII вв. Российская империя распространяется по всей Евразии от Белого и Балтийского морей до Черного моря и Каспия. Русская цивилизация включила в свою орбиту на основе системного взаимодействия и соразвития при сохранении самобытности периферию западноевропейской, исламской, буддистской цивилизаций, а также кавказскую и превратилась в российскую цивилизацию.

Дагестан в течение многих веков испытывал влияние цивилизаций тюркского мира. Огромна роль тюрков в истории дагестанских народов. Дагестан с раннего

средневековья находился в тесном взаимодействии с тюркским миром и в распоряжение исследователей дает ценный и разнообразный фактический материал. В X-XI вв. оседание тюркского этнического элемента на территории Дагестана приобретает значительные размеры. Тюркский элемент способствовал дальнейшему распространению ислама, а также принимал участие в военно-политической жизни Дагестана.

В одном из разделов работы изложены рецензии на труды, в которых затронуты вопросы, посвященные цивилизационным связям различных регионов, стран и народов Передней Азии, Кавказа и Юга России.

В отдельной главе книги автор раскрывает творческие портреты известных исследователей.

Монография профессора М. Р. Гасанова – это основательный системный научный труд, о котором можно говорить, как об идейно-тематическом целом. Особый смысл придает труду его хронологическая структура, которая позволяет проследить контактирование Дагестана с различными цивилизациями.

Рецензируемый труд М. Р. Гасанова представляет особую ценность для историков, а также всех заинтересованных граждан.

Список источников

1. Патракова В. Ф., Черноус В. В. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / отв. редактор: М. Р. Гасанов. Ростов-на-Дону: энциклопедия, 1990. 399 с.

2. Гасанов М. Р. Дагестан: перекресток цивилизаций. Махачкала: ДГПУ, 2007. 455 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Магомедова Эльмира Магомедовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, elmira.magomedova.73@mail.ru

Поступила в редакцию 22.09.2025

Принята к публикации 13.10.2025

References

1. Patrakova VF, Chernous VV. The Caucasus and the Don in the works of ancient authors. M. R. Gasanov (ed.). Rostov-on-Don: Encyclopedia, 1990:399. (In Russ)

2. Gasanov MR. Dagestan: Crossroads of civilizations. Makhachkala: DSPU, 2007:455. (In Russ)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Elmira M. Magomedova, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, elmira.magomedova.73@mail.ru

The article was submitted 22.09.2025

Accepted for publication 13.10.2025

Информация. Хроника. Юбилеи / Information. Chronicle. Anniversary
DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-105-108
EDN: YSYHUX

В ДГПУ имени Расула Гамзатова прошла Всероссийская конференция, посвященная 80-летию победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

© 2025 Мугутдинова Н. Ш. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, mugutdinova.n@mail.ru ✉

The All-Russian Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945 was Held at Gamzatov Dagestan State Pedagogical University

© 2025 Naida Sh. Mugutdinova ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, mugutdinova.n@mail.ru ✉

10 апреля 2025 г. в конференц-зале ДГПУ им. Р. Гамзатова состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Победа единства: народы Советского Союза в борьбе с нацизмом». Конференция была посвящена 80-летию победы в Великой Отечественной войне. Оргкомитет конференции возглавил доктор исторических наук, профессор кафедры истории З. М. Акмурзаева, кандидат исторических наук кафедры истории Н. Ш. Мугутдинова, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории И. А. Эмирханов.

Программный комитет представляли М. Р. Гасанов – доктор исторических наук, профессор кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова, И. Х. Сулаев – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ДГУ, Ю. М. Гусейнов – доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ДГУНХ, З. М. Нахибашев – доктор исторических наук, профессор кафедры истории ДГПУ

им. Р. Гамзатова, А. М. Хархачаев – руководитель антикоррупционного Комитета РФ по Республике Дагестан, Г. М. Умаханов – руководитель Международного гуманитарного проекта «Беларусь Дагестан», И. А. Суздальцева – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ДГПУ им. Р. Гамзатова.

В работе конференции приняли очное участие 90 человек. Пленарное заседание конференции открыла З. М. Акмурзаева. Открытие конференции началось с исполнением государственного гимна Российской Федерации.

С приветственными словами к участникам обратились проректор по учебной работе Ибрагим Дибиров, декан исторического факультета Закир Мирзаев и первый заместитель председателя городского парламента Хиби Алиев. В своих выступлениях они подчеркнули, что победа 1945 года – это подвиг, не имеющий аналогов в истории, а вклад народа Советского Союза в разгром нацизма невозможно переоце-

нить. В рамках пленарного заседания прозвучали содержательные и глубокие доклады, охватывающие широкий круг тем: судьбы детей военных лет, участие молодежи в помощи фронту, роль женщин в тылу, боевые подвиги солдат. В рамках пленарной секции выступили А. А. Бекишиев – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории ДГПУ им. Р. Гамзатова с докладом «Нюрнбергский процесс: урок и предупреждение истории», З. К. Раджабова – к.и.н, доцент ДГМУ с докладом «Культурно-просветительная работа в селе в годы Великой Отечественной войны», И. А. Эмирханов – к.и.н., доцент ДГПУ им. Р. Гамзатова с докладом «Источники жизнеобеспечения инвалидов и членов их семей в Дагестане в военные годы 1941-1945 гг.», М. А. Исабдуллаев – к.и.н., ведущий сотрудник ДНИИП им. А. А. Тахо-Годи с докладом «Их помнит Европа», Х. И. Гаджиева – к.и.н. ДГПУ им. Р. Гамзатова с докладом «Место и роль краеведческого музея в патриотическом воспитании молодежи», С. Д. Мейланова – магистрант исторического факультета ДГПУ им. Р. Гамзатова с докладом «Восстановление школьного образования в Дагестане в послевоенный период (1946-1950 гг.)».

Секционные заседания прошли по следующим темам:

1. Особенности гендерной трансформации в годы Великой Отечественной войны;
2. Комсомол – организатор молодежного патриотического движения в тылу врага в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.);
3. Создание антигитлеровской коалиции на начальном этапе Великой Отечественной войны;
4. Европейский фашизм: общие черты и особенности развития в 30-е годы XX в.;
5. Роль искусства, литературы, средств массовой информации в патриотическом

воспитании крестьянства в годы Великой Отечественной войны;

6. Использование современных подходов в процессе освещения событий Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

7. Без срока давности: преступления нацистов в годы Великой Отечественной войны;

8. Отражение трагедии Великой Отечественной войны в произведениях писателей-фронтовиков;

9. Архивные материалы как средство изучения Великой Отечественной войны;

10. Работа разведывательных органов и разведчиков в СССР в годы Великой Отечественной войны;

11. Агитационно-пропагандистская работа органов власти автономных республик Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны;

12. Деятельность эвакуационных госпиталей, размещенных в ДАССР в военные годы (1941-1945 гг.)

В работе секционных заседаний выступили с устными докладами студенты и магистранты исторического факультета ДГПУ им. Р. Гамзатова, а также учителя истории. Особое впечатление произвели выступления студентов, которые поделились историями своих дедов и отцов – участников великой отечественной войны и героев нашего времени. Организаторы выражают искреннюю благодарность директору фундаментальной библиотеке ДГПУ им. Р. Гамзатова Марине Асваровне, а также Ларисе Ивановне за вклад в подготовку и проведение книжной выставки, посвященной 80-летию победы в Великой Отечественной войне. По окончании программы конференции была продемонстрирована хроника военных лет, архивные материалы Великой Отечественной войны, трудового подвига, патриотизма советского народа.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Мугутдинова Наида Шамильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, mugutdinova.n@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Naida Sh. Mugutdinova, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, mugutdinova.n@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.09.2025
 Принята к публикации 01.11.2025

The article was submitted 16.09.2025
 Accepted for publication 01.11.2025

Информация. Хроника. Юбилеи / Information. Chronicle. Anniversary
DOI: 10.31161/1995-0667-2025-19-3-4-109-112
EDN: ZHKLEA

В ДГПУ им. Р. Гамзатова прошла Всероссийская (с Международным участием) научная конференция «Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России», посвященная 80-летию великой победы советского народа над фашистской Германией

© 2025 Эмирханов И. А., Мугутдинова Н. Ш. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, maginur51@mail.ru, mugutdinova.n@mail.ru ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University hosted the All-Russian (with International Participation) Scientific Conference “Current Issues of the Peoples’ History in the Caucasus and Southern Russia” Dedicated to the 80th Anniversary of the Soviet People's Great Victory over Nazi Germany

© 2025 Ismail A. Emirkhanov, Naida Sh. Mugutdinova ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, maginur51@mail.ru, mugutdinova.n@mail.ru ✉

15 мая 2025 г. в конференц-зале ДГПУ им. Р. Гамзатова состоялась Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России», посвященная 80-летию великой победы советского народа над фашистской Германией.

Оргкомитет конференции возглавили кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Р. М. Султанбеков, к.и.н., доцент И. А. Эмирханов, к.ю.н., З. М. доцент Мирзаев.

Программный комитет представляли: М. Р. Гасанов – д.и.н., проф., М. А. Сурхаев – д.п.н., проф., И. А. Дибиров – д.ф.н., проф., Д. С. Кидирниязов – д.и.н., проф., М. З. Саидова – к.и.н., доцент. В работе конференции приняли очное участие бо-

лее 100 человек. Пленарное заседание конференции открыл декан исторического факультета ДГПУ им. Р. Гамзатова З. М. Мирзаев.

Цель конференции заключалась в научном осмыслении и всестороннем освещении истории народов Кавказа и Юга России и вклада народов СССР в победу над нацизмом.

В ходе конференции участники обсудили результаты научных исследований по различным историческим актуальным проблемам, обменялись опытом в области сохранения исторической памяти о событиях 1941-1945 гг.

В работе конференции приняли участие ученые из научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений

России и ближнего зарубежья. Гостями конференции стали начальник управления зарубежной военной истории научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, к.и.н., полковник Андрей Евгеньевич Шагов и научный сотрудник научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ к.м.н., доцент Халимат Исаковна Кайтаева.

Конференция проходила в смешанном формате (очном и дистанционном). Программа научного мероприятия включала пленарное и три секционных заседания: секции «Народы Дагестана, Кавказа и Юга России XVIII-XIX вв. в Кавказском регионе», «Социально-экономическое и политическое развитие народов Кавказа и юга России в XX в., вклад народов Советского Союза в достижения победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1944-1945 гг.

В рамках пленарного заседания выступили Р. П. Кулумбеков – к.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории Осетии и Кавказоведения Юго-Осетинского государственного университета им. А. Табилова («Южная Осетия в годы Великой Отечественной войны»), А. А. Вартумян – д.п.н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Пятигорского государственного университета, («Трагедия терского казачества в годы гражданской войны в России: причины, проявления, последствия»), Н. М. Гарунова – д.и.н., профессор кафедры истории России ДГУ («Военные поражения и кризис управления в первый период Великой Отечественной войны»), Д. С. Кидирнязов – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, («Героические и трудовые подвиги ногайцев Северного Кавказа, Крыма и Нижнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»), Н. Ш. Мугутдинова – к.и.н., доцент кафедры истории Дагестанского государственного педагогического университета им. Р. Гамзатова («Женское лицо войны»), Б. Б.-А. Абдулвахабова – к.и.н., доцент кафедры истории

Чеченской Республики Чеченского государственного университета им. А. А. КадYROVA («Вклад сельских жителей Чечено-Ингушетии в победу Великой Отечественной войны»), Р. Р. Талыбова – к.и.н., доцент, научный сотрудник Института истории им. А. А. Бекханова НАН Азербайджана («Место и роль азербайджанской нефти в Российской империи и мировой экономике в современной азербайджанской историографии»).

Секционные и заседания прошли по следующим темам:

1. Политический аспект казачества в системе российского государства;
2. Известные государственные и политические деятели Сирии и Ирака чеченского происхождения;
3. Анализ политико-экономических интересов Петра Великого на южном Кавказе в исследовании академика П. Г. Буткова;
4. Терский город-крепость XVII в. – центр русско-кавказского экономического и культурного сотрудничества и взаимодействия;
5. К вопросу о роли Терского города в связях народов северо-восточного Кавказа и России;
6. Экономические социальные и политические предпосылки возникновения и развития городов средневекового Казахстана;
7. Из истории национальной культурной и национально территориальной автономии в печати северного Азербайджана 1905-1917 гг.;
8. Урбанистический каркас северо-западного Казахстана в XIX в.;
9. Вклад сельских жителей Чечено-Ингушетии в победу в Великой Отечественной войне;
10. Героизм и подвиги советских летчиц в годы Великой Отечественной войны на территории Ингушетии.

В работе секционных заседаний выступили с докладами преподаватели, научные сотрудники различных вузов, профессора, учёные.

Организаторами конференции стали заведующий кафедрой истории, к.и.н. И. А. Эмирханов и к.и.н., доцент кафедры истории Р. М. Султанбеков

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Эмирханов Исмаил Асланович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, maginur51@mail.ru

Мугутдинова Наида Шамильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, mugutdinova.n@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.09.2025
Принята к публикации 01.11.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Ismail A. Emirkhanov, Ph.D. (History), Associate Professor, Head of the Department of History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, maginur51@mail.ru

Mugutdinova Naida Shamilevna, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, mugutdinova.n@mail.ru

The article was submitted 16.09.2025
Accepted for publication 01.11.2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает на рассмотрение научные статьи. Представляемые материалы должны быть оформлены в соответствии с настоящими Правилами и соответствовать тематической направленности журнала «Известия Дагестанского государственного педагогического университета. **Общественные и гуманитарные науки**».

Верстка журнала осуществляется с электронных копий. Используется компьютерная обработка штриховых и полутонных (в градациях серого) рисунков. Журнал изготавливается по технологии ризографной печати.

1. Текст статьи набирается в редакторе MS Word (с расширением .doc) шрифтом "Times New Roman" размером 14 через интервал 1,5 в формате А4. Поля текста стандартные. Все страницы должны быть пронумерованы.

2. Перед текстом статьи указываются:
индекс УДК (информацию о классификаторе УДК см. на сайтах <http://teacode.com/> [online/udc/](http://online.udc/) или <http://www.udcc.org/>) (на русском языке);

название статьи (на русском и английском языках);

фамилии и инициалы авторов, название учреждения, город, страна, эл. почта (на русском и английском языках);

резюме статьи объемом 10-15 строк, которое не должно дублировать вводный или заключительный раздел статьи (на русском и английском языках) и должно включать: цель, методы, результаты, выводы;

ключевые слова (5-10) (на русском и английском языках).

3. Изложение материала должно быть ясным и по возможности кратким. Текст и остальной материал следует тщательно выверить. Текст статьи должен быть структурирован, т. е. содержать цель исследования, материал и методы исследования, результаты и их обсуждение, заключение (выводы). Рукописи, направляемые в журнал, являются оригиналом для печати и должны являться материалом, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях.

4. Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к их представлению.

5. Рисунки создаются в формате .jpg, вставляются непосредственно в текст и нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

6. В тексте статьи все формулы набираются в редакторе Microsoft Equation 3.0, таблицы – в формате MS Word. Таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица перед своим появлением должна упоминаться в тексте, например, «... (табл. 1)».

Сокращения в надписях не допускаются.

Наличие данных, по которым строится график, диаграмма.

В тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на иллюстративные материалы.

7. Ссылка на цитату указывается сразу после нее в квадратных скобках: сначала проставляется номер источника цитаты из приставленного библиографического списка, затем, после запятой, номер страницы с буквой с. Например, [10, с. 81] или, если цитируемый текст переходит на следующую страницу, [10, с. 81-82]. За достоверность цитат ответственность несет автор!

8. Список литературы формируется по алфавиту. В списке литературы сначала приводится перечень работ отечественных авторов, в который также включаются работы иностранных авторов, переведенные на русский язык. Затем приводится перечень литературных источников, опубликованных на иностранных языках, в который включаются работы отечественных авторов, переведенные на иностранный язык. В список литературы не включаются неопубликованные работы и учебники. Включать в этот список собственные работы не рекомендуется. В библиографическом описании должны быть представлены все авторы. Выражения типа "и соавт.", "с соавт.", "и др." "et al" не допускаются. Автор несет ответственность за правильность данных, приведенных в приставленном библиографическом списке.

9. Список литературы (с указанием всех авторов) дается в конце статьи, нумеруется (начиная с первого номера, в порядке цитирования), предваряется словом «Литература» и оформляется согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008 (на русском, английском языках и в транслите).

Перечень использованных источников должен начинаться с фамилии и инициалов автора и включать:

для книг – название, место и год издания, издательство, номер тома, страницы;

для журнальных статей – название журнала, год издания, номер тома (выпуска), страницы;

для газет – название, год, месяц, число.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

10. В конце статьи может быть указана организация (№ гранта), финансировавшая выполнение данной работы.

11. К статье прилагаются сведения об авторах на русском и английском языках:

для работников вузов/учебных организаций: Ф.И.О. полностью, ученое звание, занимаемая должность место работы (кафедра, факультет, вуз), город, страна; электронный адрес, контактные телефоны;

для аспирантов и соискателей: название кафедры, лаборатории, где проводится исследование, Ф.И.О. научного руководителя и его разрешение к публикации, город, страна; электронный адрес, контактные телефоны.

12. Статья должна быть представлена в электронном виде (в редакционно-издательский отдел ДГПУ или электронной почтой dgpurio@yandex.ru), а также в печатном варианте (в 2-х экземплярах на одной стороне листа формата А4), подписанном всеми авторами, для аспирантов и соискателей – и научным руководителем.

Решение о публикации статьи или материала принимается редколлегией журнала. При наличии замечаний к рукописи она возвращается для доработки. Редакция оставляет за собой право отправить рукописи статей на независимую экспертизу. При публикации статьи авторские права передаются редакции журнала.

Редакция оказывает платные услуги научного и технического редактирования текста статьи, перевода библиографического списка (References), аннотации и ключевых слов на английский язык.

Материалы для публикации присылать по адресу: 367000 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57, ДГПУ, Административный корпус, каб. 405. Редакционно-издательский отдел; e-mail: dgpurio@yandex.ru

ОБЪЯВЛЕНА ПОДПИСКА

на ЖУРНАЛ
«ИЗВЕСТИЯ ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ»

ИНДЕКС

51323 – ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ

51392 – ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

31173 – ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПО ОБЪЕДИНЕННОМУ КАТАЛОГУ «ПРЕССА РОССИИ»

ИНДЕКС

38653 – ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ

38657 – ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

38652 – ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

**Известия Дагестанского государственного педагогического университета
серия «Общественные и гуманитарные науки»
Т. 19. № 3-4. 2025**

Главный редактор:	<i>И. А. Дибиров</i>
Научный редактор:	<i>И. А. Дибиров</i>
Редактор:	<i>Г. Н. Мирзоева</i>
Редактор английских текстов:	<i>Г. Н. Мирзоева</i>
Компьютерная верстка:	<i>М. А. Сулейманова</i>

Оригинал-макет подготовлен на базе
редакционно-издательского отдела ДГПУ

Адрес редакции, издателя: 367000 РД, г. Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, 57.
Редакционно-издательский отдел ДГПУ
Тел.: (8722) 675187; www.dgpi.ru; e-mail: dgpurio@yandex.ru

Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 8,7. Тираж 500 экз. Заказ № 2601. Цена 416 руб.

Адрес типографии: 367003 РД, г. Махачкала, ул. Сулеймана Стальского, 50;
тел. +7-988-2000164, типография АЛЕФ (ИП Овчинников М. А.)

Scopus

Elsevier, The Netherlands
Scopus Content Selection Advisory Board (CSAB)
Association of Science Editors and Publishers, Russia
Russian Content Selection Advisory Board (RCSAB)

CERTIFICATE OF ATTENDANCE

GIVEN OUT TO SCIENTIFIC PERIODICAL

*Известия РАН
Серия «Обществоведение и гуманитарные науки»*

to confirm the attendance and presentation to the joint Scopus CSAB and Russian RCAB meeting.

At this meeting, compliance with international standards and selection criteria of the Scopus database, were discussed by experts of Scopus CSAB and Russian RCAB. This meeting took place during the 5th International Scientific and Practical Conference «World-Class Scientific Publication - 2016:

Publishing Ethics, Peer-Review and Content Preparation»

(May 17, 2016 – May 20, 2016)

🕒 May 17-20, 2016

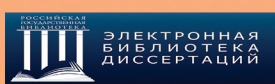
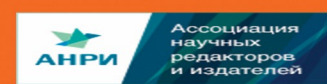
📍 RANEP
Moscow, Russia

Karen Holland
Scopus CSAB Subject Chair

Olga V. Kirillova
Russian CSAB Chair, president ASEP

Журнал индексируется в библиометрических базах и размещается на платформах:

ISSN 1995-0667

9 771995 066005 2 5 0 3 4